

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

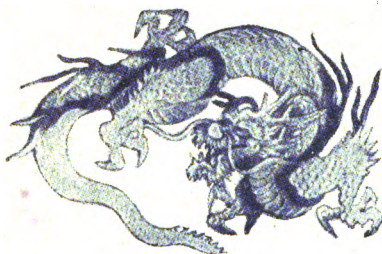
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ВЛ. СЕМЕНОВЪ

ЦАРИЦА МІРА

РОМАНЪ-ФАНТАЗІЯ

ИЗДАНИЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
СПБ. и МОСКВА
1908

ЦАРИЦА МІРА

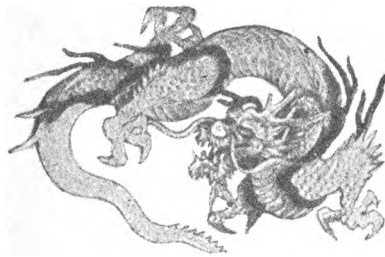
V. I. Semenov

В. Семеновъ

ВЛ. СЕМЕНОВЪ

ЦАРИЦА МІРА

РОМАНЪ-ФАНТАЗІЯ

ИЗДАНИЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
СПБ. и МОСКВА
1908

PG3470
S375T82

ПЕЧАТЬ И ТИПОГРАФИЯ
"М. О. БОЛОЖЪ"
СПЕТЕРБУРГЪ. БАС. ОУТР. 16 АННЪЗ СЪБ. ДАМЪ

PRINCETON UNIVERSITY LIBRARY

PAIR>

32101 009228089

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЪ ПОГОНѢ ЗА ВЛАСТЬЮ

I.

Упрямый джентльменъ.

Генераль еще разъ внимательно просмотрѣлъ краткое прошеніе, лежавшее на столѣ, еще разъ внимательно оглядѣлъ съ головы до ногъ джентльмена, сидѣвшаго передъ нимъ въ корректной, но свободной позѣ, еще разъ громко прочелъ подпись, словно свѣряя ее съ визитной карточкой, лежавшей рядомъ,—„Captain George Hardstone, Royal Navy, Retired List“—и, шумно вздохнувъ, откинулся на спинку кресла.

— Дорогой капитанъ,—заговорилъ онъ,—не скрою, что, получивъ ваше прошеніе, я хотѣлъ бросить его въ корзину. Оно показалось мнѣ... черезчуръ эксцентричнымъ. Нельзя не признать, что разнообразіе пунктовъ... маніи — безпредѣльно. Тѣмъ не менѣе я счелъ долгомъ освѣдомиться о вашей предыдущей службѣ, о вашей дѣятельности и образѣ жизни послѣ выхода въ отставку. Я узналъ, что почти все ваше состояніе вы истратили на какіе-то опыты, которые держите въ глубокой тайнѣ, но ничто не давало повода заподозрить васъ въ... ненормальности. Да и сейчасъ, при личномъ свиданіи, вы вовсе не производите на меня впечатлѣнія сумасшедшаго.

Капитанъ почтительно склонилъ голову, не то въ знакъ согласія, не то въ благодарность за комплиментъ.

— Простите откровенность стараго солдата!—за-смѣялся генераль.—Я кажется не слишкомъ дипломатично выразился... Но не въ томъ дѣло.—Вы просите личной, и безъ свидѣтелей, аудіенціи у короля, не объясняя причинъ.

— Сэръ,—перебилъ его капитанъ,—причина указана: тайна, извѣстная двумъ лицамъ, имѣющимъ свободное общеніе съ окружающими, уже не тайна. До настоящаго времени ею владѣю одинъ только я. Правда, послѣ моей бесѣды наединѣ съ его величествомъ, будетъ и второй человѣкъ, посвященный въ тайну—король, но онъ будетъ связанъ своимъ королевскимъ словомъ и... высшей гарантіи къ сохраненію ея мнѣ не нужно.

— А мнѣ вы не считаете возможнымъ ее довѣрить?

— Нѣтъ, сэръ! — рѣшительно отвѣтилъ капитанъ.

— Goddamn thy eyes! — проворчалъ генераль.— Вы, кажется, хотите оправдать ваше родовое имя... Но почему вы, капитанъ флота, обратились ко мнѣ, а не къ первому лорду адмиралтейства?

— Послѣ моего доклада королю я, съ разрѣшенія его величества, можетъ быть, отвѣчу на этотъ вопросъ, а теперь промолчу...

Эта бесѣда происходила въ 190* году, въ Лон-

донѣ, въ кабинетѣ военнаго министра, а черезъ нѣсколько дней въ Уиндзорѣ состоялась аудіенція, которой добивался капитанъ Гардстонъ.

— Я слушаю, капитанъ, — промолвилъ Эдуардъ VII, когда они остались одни.

— Ваше величество, во дворцахъ стѣны имѣютъ уши. Здѣсь — говорить не могу. Благоволите выйти вмѣстѣ со мной въ садъ и выслушать меня на лужайкѣ, въ такомъ разстояніи отъ ближайшихъ кустовъ, чтобы самое чуткое ухо (можетъ быть въ нихъ скрытое) ничего не уловило бы изъ нашей бесѣды... Вы колеблетесь?.. Государь! помните, что вамъ представляется случай замѣнить пѣсню „Rule, Britannia! rule the waves!“ другой — „Rule, Britannia! rule the world!...“

— Хорошо! — отвѣтилъ король послѣ минутнаго раздумья.

Они вышли въ садъ и долго бродили взадъ и впередъ по желтѣющему газону обширнаго граунда, разговаривая о чемъ-то такъ тихо, что даже „садовники“, тщательно выпалывавшіе стебельки убогой травки, якобы мѣшавшей росту могучей заросли вереска, — ничего не слышали. Видѣли только, что временами король вынималъ записную книжку и дѣлалъ въ ней какія-то помѣтки.

Вернувшись въ свой кабинетъ и отпустивъ докладчика, его величество потребовалъ къ себѣ перваго лорда адмиралтейства и военнаго министра. — Оба ожидали въ пріемной конца аудіенціи и немедленно явились.

— Милорды, — заговорилъ онъ, — я призналъ со-

ображенія капитана Гардстона совершенно справедливыми и далъ ему право личнаго доклада мнѣ во всякое время дня и ночи. Не спрашивайте, даже, не пытайтесь его спрашивать ни о чемъ. Всѣ необходимыя приказанія будутъ получаться вами непосредственно отъ меня. Не удивляйтесь—такъ нужно! Поймите, что если...—тутъ король быстрыми шагами подошелъ къ министрамъ, ошеломленнымъ такимъ нарушениемъ этикета, схватилъ ихъ за руки и сдавленнымъ голосомъ закончилъ: — если такъ, то Великобританія вскорѣ же будетъ не только владычицей міра, но владычицей мира всего міра! (not only sovereign of world, but sovereign of peace!)... Вы меня поняли?.. Друзья мои! я беру съ васъ слово добраго британца, что всѣ наши разговоры на эту тему, какъ бы незначительны они ни казались на первый взглядъ, останутся между нами въ глубокой тайнѣ. Вѣдь, часто пустой намекъ, случайно брошенное слово, можетъ дать вѣрную нить, указать путь къ разгадкѣ...

— Милордъ! — послѣдовалъ рѣшительный отвѣтъ,—на нашу честь вы можете положиться!

Дургэмъ.

Дургэмъ—это одинъ изъ тѣхъ уголковъ Англіи, которые невольно вызываютъ въ памяти идиллическія акварели XVIII вѣка, отъ которыхъ вѣтъ „пасторалью“, при взглядѣ на которыя мы какъ бы вновь

возвращаемся къ далекой, безвозвратно ушедшей молодости, когда въ горячихъ юношескихъ мечтахъ такъ дружно уживались и рыцари, закованные въ желѣзо, шедшіе, по объѣту, въ далекую Палестину, и дамы ихъ сердца, долгіе годы, съ вершины башни, смотрѣвшія на дорогу, по которой долженъ вернуться милый, и безсердечные палачи и тюремщики, и кровожадные тираны, и святые отшельники, и любвеобильныя горожанки и поселянки, перевязывавшія раны мужественныхъ бойцовъ, подъ угрозой смерти и поруганія укрывая ихъ отъ преслѣдователей...

Группа чистенькихъ бѣлыхъ домиковъ съ красными черепичными кровлями пріютилась на склонѣ холма, увѣнчаннаго старымъ двухъ-башеннымъ замкомъ.

Казалось, что отъ блестящей, но шумной и суетливой, жизни XIX вѣка, городокъ взялъ только хорошее. Обзавелся электрическимъ освѣщеніемъ, канализаціей, образцовыми путями сообщенія, но остался чуждъ лихорадочной спѣшкѣ жизни, пульсъ которой бился въ немъ такъ-же ровно и мѣрно, какъ во времена сальныхъ свѣчей и даже смоляныхъ факеловъ.

Отчасти, понятно. Вѣдь всего въ 15 миляхъ къ сѣверу отъ него находился Ньюкэстль. Слишкомъ близко, чтобы не привлечь къ себѣ всѣ безпокойные, жаждущіе дѣятельности, элементы населенія, и — слишкомъ далеко, что-бы захлестнуть скромный городокъ волною кипучей жизни промышленнаго центра.

Туда, въ это царство фабричныхъ трубъ, окутанное облаками дыма, къ этимъ прокопченнымъ зданіямъ заводовъ, конторъ, банковъ, складовъ и магази-

новъ,—туда, въ погонѣ за счастьемъ, стремились люди, наполнявшіе собою вагоны поѣздовъ желѣзной дороги, съ шумомъ и грохотомъ пронесившіеся у подножія дургэмскаго холма. — Должно быть, не разъ путешественники, страхнувъ съ себя на мгновение гнетъ всецѣло охватывающихъ ихъ коммерческихъ расчетовъ и соображеній, отдыхали (а можетъ быть даже и умилялись) душою, глядя изъ оконъ экспресса на медленно движущіяся, тяжелыя, солидныя повозки фермеровъ, на которыхъ возсѣдали не менѣе тяжелыя и солидныя ихъ хозяева, на тучныхъ коровъ, прерывавшихъ жвачку при свистѣ паровоза и лѣниво, не поворачивая головы, провожавшихъ его глазами, и на бѣлорозовыхъ, раскормленныхъ свиней, вовсе не обращавшихъ вниманія на плоды человѣческой культуры... А если въ праздникъ случайно заглянувшій сюда туристъ увидѣлъ бы, какъ чинно (и всегда попарно) расходятся изъ церкви обитатели городка, какъ солидно бесѣдуютъ между собою люди пожилые, какъ скромно потупивъ глаза, идутъ молодыя дѣвицы съ молитвенниками въ рукахъ, какъ сдержанно, съ опаской, шушукуются подростки, — ему показалось бы, что онъ грезить, что стоитъ протереть глаза, и вмѣсто современныхъ причесокъ, шляпъ, костюмовъ и безобразной обуви онъ увидитъ длинныя волосы, падающіе на широкіе отложные воротники, обшитые кружевомъ, пышныя косы и высокіе головные уборы, мѣшечки въ родѣ гусарскихъ ташекъ, подвѣшенныя къ поясу на длинныхъ цѣпочкахъ, плащи, шлейфы, башмаки съ бантами и пряжками и сапоги съ отворотами, украшенные огромными шпорами... Чего добраго, и

прозаическій полисмѣнъ окажется въ стальномъ шишаѣ, съ алебардой въ рукахъ...

Таковъ Дургэмъ.

Въ кругу семьи.

Сырой и холодный вѣтеръ сердито кружилъ въ воздухѣ пушистые хлопья снѣга, которые, падая на землю, сейчасъ же таяли и разводили грязь даже на чистенькихъ улицахъ патріархальнаго городка. Улицы эти, и днемъ не слишкомъ многолюдныя, теперь, слабо освѣщенные только фонарями (въ Дургэмѣ еще сохранился добрый старый обычай имѣть ставни, закрывающіеся на ночь), представляли собою пустыню. Кажется, полисмѣны, и тѣ большую часть времени проводили за осмотромъ ближайшихъ кабачковъ своего района, справедливо полагая, что въ такую погоду врядъ-ли кто вздумаетъ нарушить тишину и спокойствіе на открытомъ воздухѣ.

Зато въ небольшомъ домикѣ (Church Street, 14) было тепло, свѣтло и уютно.

Обѣдъ кончился, и молодой лейтенантъ Джемсъ Старфордъ, только что вернувшійся изъ дальняго плаванія, всталъ изъ-за стола, намѣреваясь пойти въ свою комнату выкурить сигару.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не пушу!—неожиданно запротестовала его сестра Грэсъ. — Мама! онъ пріѣхалъ такой голодный, все только ѣлъ, ничего не рассказывалъ... Разрѣшите ему остаться! Пусть курить въ каминѣ!

— Ну, конечно! — разсмѣялась мистрисъ Старфордъ, не спускавшая глазъ съ сына, все еще не освоившаяся съ мыслью, что этотъ крѣпкій, сильный мужчина, съ лицомъ, обожженнымъ солнцемъ, съ замашками морского волка, тотъ самый юноша, съ которымъ она, пять лѣтъ тому назадъ, прощалась на рейдѣ Спитхэда. — Конечно, Джеми, берите вашу хересь, пойдемъ въ гостиную, и старайтесь, по возможности, дымить въ каминную трубу. Впрочемъ, если, даже, вы немного прокоптите занавѣски, — съ этимъ можно примириться ради перваго дня свиданія послѣ такой долгой разлуки.

Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, никакіе обстоятельныя, на опредѣленную тему; разговоры не удавались. Каждый находилъ, что вопросъ, пришедшій ему въ голову, самый важный, что именно на него надо раньше всего отвѣтить. Грэсъ и Джеми перебивали не только другъ друга, но даже и мистрисъ Старфордъ, что, по англійскому этикету семейной жизни, совершенно недопустимо.

— А что подѣлываетъ дядя Джорджъ? Я былъ увѣренъ, что встрѣчу его здѣсь. Вѣдь онъ уже давно въ отставку? Вы мнѣ писали, но какъ то смутно, и я ничего не понялъ. Почему? Что за идея?..

Мистрисъ Старфордъ тяжело вздохнула.

— Ахъ, Джеми! Я и сама ничего не понимаю въ поведеніи моего брата... знаю только, что со времени выхода въ отставку онъ увлекся какими-то опытами. Какими?—неизвѣстно. Отъ него самого слова не добьешься—молчить, какъ рыба. Гдѣ?—тоже неизвѣстно. Онъ пропадаетъ куда-то на цѣлые мѣсяцы. Вотъ и

теперь—съ ноября о немъ нѣтъ ни слуху, ни духу...—
Я боюсь...

— Чего?

— Не охотится-ли онъ за бѣлымъ зайцемъ въ
июльскую пору...

— Жаль, жаль...—смущенно промолвилъ Джеми,—
а я думалъ, что опять его услышу и пополнию свой
запасъ анекдотовъ изъ его неистощимаго... Пом-
ните?—весело заговорилъ онъ, видимо, стараясь раз-
сѣять легкое облачко грусти, тѣнь котораго появи-
лась въ гостиной, — помните, какъ дядя острилъ
надъ вашимъ вязаньемъ, которое раздается да-
мамъ, участницамъ „Общества призрѣнія бездомныхъ
негритянскихъ дѣтей центральной Африки“, которымъ
вовсе не нужны ни фуфайки, ни набрюшники? — А
вѣдь вы, кажется, и до сихъ поръ заняты этимъ дѣломъ?

— Теперь, Джеми, вы не услышали бы отъ него
ни анекдотовъ, ни остротъ. Въ немъ сидитъ, неот-
ступно его преслѣдуетъ, какая-то затаенная мысль.
Раза два онъ начиналъ говорить со мною, видимо,
рѣшившись высказаться, подѣлиться своими заботами,
но... говорилъ такими загадками, такъ непонятно...
и вдругъ обрывалъ себя на полу-словъ... Я боюсь,
Джеми... и боюсь—это странно—не столько за него,
сколько за васъ...

— Что-жь, мама? вы думаете, что это зарази-
тельно?..

Но шутка не вышла.

— Ну вотъ — всё раскисли!—воскликнула Гресь,
энергично тряхнувъ головкой.—Мамочка, милая! пе-
ремѣните разговоръ, иначе я буду цѣловать васъ за

ушкою, вы перепутаете свое вязанье и какой-нибудь бѣдный негритенокъ останется безъ фуфайки!

— Все та-же сорви-голова, что была и до вашего ухода въ плаваніе! Неправда-ли, Джеми? — разсмѣялась мать. — Только позволить, и она, несмотря на длинное платье, готова лазить по деревьямъ за жолудями и галочьими гнѣздами. Когда только эта дѣвчонка станетъ солиднѣе!

— Молодость—недостатокъ, отъ котораго излечиваются съ каждымъ днемъ, — сентенціозно замѣтилъ юный лейтенантъ, любовно оглядывая сестру, и добавилъ,—а въ общемъ, она прехорошенькая и могла бы вскружить голову не однимъ мичманамъ, а даже и солиднымъ капитанамъ королевскаго флота, хотя, конечно, она выберетъ первыхъ!

Грѣсъ, польщенная неожиданнымъ комплиментомъ, такъ ущипнула брата за руку, что онъ едва не вскрикнулъ.

— Ну, ну! Не хватаетъ, чтобы вы по старой памяти подрались! — остановила ихъ мистрисъ Старфордъ.—Ваши восторги, Джеми, поберегите для другого случая, который вамъ скоро представится. Если нѣтъ дяди Джорджа съ его рассказами и островами, зато мы ждемъ другого гостя, вѣрнѣе гостю, и притомъ сегодня же—за ней уже посланъ экипажъ на станцію желѣзной дороги. Ни за что не угадаете кто!

— И не пробую догадываться!—отозвался Джеми, весь поглощенный заботой объ отраженіи новой атаки со стороны сосѣдки.

— Ваша кузина Мэдждъ, или, какъ ее теперь на-

зываютъ, графиня Маргарита Цуръ-Мюленъ фонъ-Магдгофъ фонъ-Дандебургъ etc., etc., etc... звѣзда первой величины при берлинскомъ дворѣ и самая красивая женщина въ Европѣ, если вѣрить ея апологетамъ. Сама я уже два года, со времени ея замужества, съ нею не видѣлась. Признаться, даже потеряла надежду, что ея великолѣпіе когда-нибудь соберется навѣстить старую тетку... Да!.. жаль, что сестра Модъ не дожила до триумфа своей любимицы!.. Мэдъ писала, что въ этотъ сезонъ, по поводу официального траура, при дворѣ и въ высшемъ свѣтѣ отмѣнены всѣ празднества, что она свободна и спѣшитъ повидаться съ добрыми родственниками... Очень мило съ ея стороны... Неправда-ли?.. Вы слышите, Джеми? Или кузина Мэдъ давно забыта?

Старая лэди говорила ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, всецѣло поглощенная счетомъ петель своего безконечнаго вязанья, не замѣчая ни пронизывающихъ взглядовъ, ни отчаянныхъ жестовъ своей дочери, ни того преувеличеннаго вниманія, съ которымъ ея сынъ копаются въ каминѣ, стараясь уложить уголь именно такъ, чтобы... горѣть ему не было никакой возможности.

— Да, да...—отозвался лейтенантъ. — Какъ-же... я помню—вы писали: она вышла замужъ незадолго до выхода въ отставку дяди Джорджа...—Дѣтей нѣтъ?—Слышаль...—очень жаль. Знатная дама? блещетъ?..—Сердечно радъ... Приѣдетъ? Можетъ быть, сегодня?—Приятная встрѣча...

— А я ее разлюбила!—рѣзко прервала Грэсъ путанную рѣчь брата.—Бредила, бредила, восторгалась,

восторгалась своимъ Вильгельмомъ, „котораго исторія назоветъ der Grosse!“ — Писала, что она хоть и дочь Модъ Гардстонъ, но урожденная фонъ Трейлингъ! — Какой-то прусскій маіоръ идіотскаго вида, загибно-тизировавшій тетю Модъ черезъ стеклышко своего монокля...

— Тише, дѣтка! Зачѣмъ...

— Нѣтъ, я правду говорю!.. Вдругъ — раскисла! „Хочу повидать наши старыя ивы; сердце рвется къ доброй, старой Англи; кровь, гуще воды...“ — Все ложь! все ложь! Не вѣрю ей! Заранѣе не вѣрю!

— Грэсъ! My darling! Что за свирѣлость?..—пробовалъ успокоить ее Джеми. — Можно подумать, что вы говорите не о кузинѣ Мэдъжъ, съ которой лазили по деревьямъ, а о какомъ то драконѣ...

Рѣзкій звонокъ въ прихожей прервалъ споръ. Первой кинулась туда Грэсъ; за ней, уложивъ вязанье въ корзинку, прошла мистрисъ Старфордъ; только Джеми остался въ гостиной, облокотившись на каминную доску и вертя въ рукахъ растрепанный окурокъ давно потухшей сигары...

Онъ не слышалъ громкихъ, преувеличенно радостныхъ возгласовъ, доносившихся оттуда... Такъ ясно, такъ живо ему представлялся тотъ сладостный весенній вечеръ, когда развалины стараго дургэмскаго замка, казалось, были окутаны не туманомъ, а легкой дымкой сновидѣній минувшихъ вѣковъ, полныхъ беззавѣтной любви, преданности... Могъ ли онъ не вѣрить... когда въ отвѣтъ на его робкій, полудѣтскій шопотъ, мерцали въ сумракѣ зеленоватые, кошачьи

глазки, и нѣжный, прерываемый счастливымъ смѣхомъ
голосъ шепталъ: „Я то!—О, я сумѣю ждать!..“

II.

Кузина Мэдждъ.

— Ну! Гдѣ же онъ, этотъ морякъ-скиталецъ?

Съ такими словами Медждъ ураганомъ ворвалась въ
гостиную.

— Вы мнѣ не рады, Джеми? Вы даже не захо-
тѣли встрѣтить вашего „old chap“? А еще говорятъ,
что старая любовь не ржавѣетъ! Вы ли не клялись
мнѣ при лунѣ и на мечѣ въ вашей вѣчной предан-
ности?

— Графиня...—пробормоталъ молодой лейтенантъ,
поспѣшно отдѣлившись отъ камина и идя навстрѣчу
къ новоприбывшей,—сердечно радъ привѣтствовать...

— Ха, ха, ха! — разсмѣялась та. — Тетя! милая!
Онъ, кажется, забылъ какъ мы съ нимъ дрались, а
вы разставляли насъ по угламъ? Hallo, sweet boy!
Come in! Или вы не хотите поцѣловать вашу Мэдждъ?
Или я такъ подурнѣла?

...Горячія, жадныя губки, холодныя (съ воздуха)
щечки касались его лица... мягкія руки обвились во-
кругъ его шеи, какъ тогда... въ ту весеннюю ночь...
ароматъ духовъ—новыхъ, еще не знакомыхъ, но „ея“
духовъ—билъ въ голову...

Онъ началъ понимать кое-что лишь въ столовой,
буда увели гостью, заявившую, что она голодна, какъ

волкъ, что за весь день съѣла лишь нѣсколько сандвичей, которые были „plus forts qu'un rocher!“

— А что дѣлаетъ дядя Джорджъ и скоро ли онъ выступить въ роли повелителя міра? — спросила Мэдждъ, обгладывая ножку цыпленка.

— Что такое?—удивился Джеми, уже овладѣвшій собою и неторопливо прихлебывавшій хересь изъ старинной, граненой рюмки.

— Я васъ не понимаю... — замѣтила мистрисъ Старфордъ, заботливо считая петли вязанья.

— Ну, ну! что такое вы слышали про дядю Джорджа? Говорите скорѣе! — заторопилась Грэсъ, словно забывшая о своихъ недавнихъ неблагоприятныхъ отзывкахъ про кузину, смотрѣвшая ей въ глаза и старавшаяся угадать всякое ея желаніе.

Мэдждъ окинула присутствующихъ пытливымъ взглядомъ и (словно убѣдившись въ ихъ искренности) заговорила въ тонѣ удивленія, даже негодованія:

— Неужели вы, здѣсь, въ Англии, не знаете того, что дѣлается у васъ подъ бокомъ, о чемъ кричать на континентѣ?.. Вы не знаете, что дядя Джорджъ по соглашенію съ королемъ строитъ какіе-то воздушные корабли, что вотъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ какъ въ Кабаньей долинѣ (гдѣ-то въ Шотландіи), въ строжайшей тайнѣ сооружается этотъ воздушный флотъ, и никто другой, какъ дядя Джорджъ поведетъ его на покореніе міра?..—Oh-la-la! Какъ хорошо дрессирована ваша печать! — Молчить? — А у насъ нѣтъ такого листка, который не билъ бы тревогу! — Но вы, Джеми, неужели и вы, по дорогѣ, ничего не слышали?

— Ничего... то-есть... можетъ быть... вообще, я думалъ больше всего о предстоящемъ возвращеніи домой, о свиданіи съ мамой и съ Гресь... газеты мало меня интересовали...

— И дядя Джорджъ ни словомъ не порадовалъ своего любимца?

— Почти... мы почти не переписывались... Ахъ, да!—на Мальтѣ я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ проситъ меня немедленно по прибытіи въ Англію увѣдомить его, гдѣ я, и когда со мной можно увидѣться, но адресъ для отвѣта довольно странный: Единбургъ, до востребованія и какія-то буквы...

— Какія буквы?—живо заинтересовалась Мэджь...

— Виновать... не помню... не все-ли равно...— смущенно бормоталъ Джеми, весь вспыхнувшій при мысли, что онъ едва не проболтался.

— Ну, вотъ и поздравляю!—безпечно разсмѣялась новопривывшая.—Выходитъ, что вмѣсто берлинскихъ новостей, я, прибывшая изъ Германіи, могу порадовать васъ англійскими! Я, которая мечтала, что по-видавшись и поболтавъ съ вами, такъ возгоржусь званіемъ племянницы Джорджа Гардстона, что отрекусь отъ моей новой родины, вспомню мои дѣтскіе годы и запою:—„Rule, Britania!..“

— Вмѣсто „Deutschland über alles?..—неожиданно зло прервала ее Гресь.—Легко-жъ вы мѣняете ваши гимны! Впрочемъ,—всегда съ побѣдителями! Побѣдителей не судятъ.

— Гресь! милая Гресь!—тревожно заговорила старая лэди.—Опомнись! Наша дорогая гостья...

— Ахъ, нѣтъ, тетя, не мѣшайте намъ, вѣдь мы

такъ часто ссорились, но ровно столько же разъ мирились!—горячо отозвалась Мэдждь, зеленые глаза которой, на мгновенье вспыхнувшіе недобрымъ блескомъ, опять свѣтились чарующей лаской...

Въ патриархальномъ Дургэмѣ рано встаютъ и рано ложатся спать.

Для Мэдждь была приготовлена та самая комната, въ которой она бывало подолгу гостила, рядомъ со спальней Грэсъ. Когда-то онѣ такъ любили переговариваться черезъ полуприкрытую дверь... Теперь обѣ улеглись молча. Грэсъ чувствовала себя нѣсколько виноватой, но ее разсердило, что братъ, на прощанье, такъ сурово шепнулъ ей: „За что вы ее обидѣли?“— Развѣ она хотѣла обидѣть?—Это вышло какъ-то само собой... Просто она чувствуетъ, что не будетъ добра отъ этого визита... что-то неладно... Это, конечно, глупо... она постарается... Но хорошо ли забыть все (вѣдь она была ихъ повѣренной), выйти замужъ за какую-то нѣмецкую обезьяну, ради ея богатства и четырехъ-этажной фамиліи, а потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, броситься ему на шею съ поцѣлуйми, хотя бы... родственными.

— Господи! Господи!—шептала Грэсъ, пряча лицо въ подушку, смоченную слезами. — Ты научишь меня, какъ быть! Ну, если я не могу!..

Наконецъ она заснула, и тогда, въ сосѣдней комнатѣ, вузина Мэдждь, прислушавшись къ ея ровному дыханію, безшумно поднялась съ постели, зажгла свѣтъ (предварительно убѣдившись, плотно ли задернуты занавѣски оконъ), раскрыла дорожный бюварь,

достала листокъ бумаги и конвертъ, спѣшно написала нѣсколько строкъ, потомъ сунула готовое письмо подъ подушку и... тоже заснула.

Тихъ и безмятеженъ былъ ея сонъ, какъ сонъ чело-вѣка, имѣющаго право сказать самому себѣ, что трудовой день не даромъ пропалъ, что кое-что сдѣ-лано.—Зато сосѣдку ея „маленькую Грэсъ“ всю ночь преслѣдовалъ ужасный кошмаръ: ей снилось, что она видитъ Мэджъ, подругу ея дѣтства, первую любовь ея брата, видитъ ее радостную, ласково улыбающуюся, любитъ ея пышными рыжевато-золотистыми волосами, смотрится въ ея странные, зеленые, точно кошачьи, глаза, и вдругъ... не можетъ уже различать ни лба, ни рта, ни пухлаго подбородка съ ямочкой — вмѣсто того изъ пышной прически, только что обрамлявшей самое очаровательное личико въ мірѣ, къ ней тянется голова змѣи... и глаза у ней тѣ же!.. тѣ же зеленые глаза кузины Мэджъ!.. все ближе, ближе... и нѣтъ силъ крикнуть, позвать на помощь!.. И почему-то ей кажется, что, если-бы крикнуть, стряхнуть съ себя это оцѣпенѣніе, то на помощь явится не Джеми... Джеми—хуже, чѣмъ ей!.. а дядя Джорджъ, который однимъ ударомъ можетъ отбросить, уничтожить га-дину, чарующую ее взглядомъ своихъ большихъ, зе-леныхъ, словно кошачьихъ, свѣтящихся глазъ...

Любопытныя новости.

Прошло нѣсколько дней.

Мэджъ (будемъ называть такъ, для краткости, первую красавицу берлинскаго двора) не совѣмъ опи-

балась, иронически отзываясь „о высокой степени дрессировки“ англійской печати. Дѣйствительно, факты, о которыхъ лондонскія газеты упоминали лишь вскользь, словно нехотя, даже съ оттѣнкомъ недовѣрія къ источникамъ, откуда исходили свѣдѣнія о нихъ, на континентѣ служили предметомъ горячей полемики, видимо серьезно волновали не только корреспондентовъ, охочихъ до сенсаціонныхъ извѣстій, но и высшія сферы, особенно военныя.

Несмотря на всѣ мѣры, принятыя капитаномъ Гардстономъ для сохраненія его тайны, она, переставъ быть достояніемъ одного лица, перестала быть непроницаемой. Какими-то путями, кое-что, куда-то просачивалось. Эти крупицы заботливо собирались людьми, опытными въ дѣлахъ такого рода, комбинировались и, въ результатѣ, вмѣсто отрывочныхъ сплетень, получалось нѣчто цѣльное, намѣчалась въ общихъ чертахъ картина возможнаго будущаго, характера весьма угрожающаго.

Въ Германіи (какъ объясняла Мэджъ) хорошо знали, что въ Кабаньей долинѣ приводится въ осуществленіе какой-то заговоръ, имѣющій міровое значеніе. Строится боевая воздушная эскадра.

— Вы здѣсь, въ вашемъ захолустѣ, ничего не знаете, а тѣ, кого это близко касается, знаютъ кое-что и даже много! — съ жаромъ поясняла она. — Поймите, что вѣдь всѣ эти „дирижабли“, это лишь прообразъ воздушнаго корабля! Будущее за аэропланами! Только аэропланъ свободенъ въ своихъ движеніяхъ! Только ему открытъ широкій, безпредѣльный путь совершенствованія!..

— Кузина! можно подумать, что вы специально посвятили себя разработкѣ проблеммъ воздухоплавания?—полushутя вставилъ Джеми.

— Ну, что-жъ? Какъ видно, я могу сообщать вамъ много новаго по этому вопросу...

— Hear! Hear!—промолвила мистрисъ Старфордъ, усаживаясь поудобнѣе въ креслѣ и готовая погрузиться въ счетъ петель.

— Аэропланъ отдѣляется отъ поверхности земли, скоростью своего поступательнаго движенія побѣждая силу земнаго притяженія. Взвившись къ небу, онъ паритъ на своихъ крыльяхъ, какъ орелъ. Вся разница въ томъ, что крылья эти неподвижны, что не ихъ взмахи, но винтъ двигателя сообщаетъ ему необходимую скорость.—Развѣ орелъ не тяжелѣе воздуха?— Да, я думаю, у Грэсъ силы не хватитъ поднять на руки мертваго орла, а вѣдь онъ—царь воздуха! Весь вопросъ въ томъ, что бы мертвый аппаратъ снабдить такимъ же запасомъ энергiи, какимъ обладаетъ живой орелъ. Конечно, пропорціонально ихъ вѣсу. Если орелъ свободно уноситъ барашка, который немногимъ легче его, долженъ и аэропланъ быть въ состоянiи унести съ собою лишнiй грузъ. И этотъ грузъ—боевое снабженiе... Изобрѣсти этотъ могучiй двигатель, найти средство для его питанiя—надъ этимъ трудятся лучшiе умы всего мiра. Вѣдь если создать аэропланъ, который могъ бы бороться съ ураганомъ, снабдить его такимъ запасомъ энергiи, чтобы онъ могъ держаться въ воздухѣ не часы и не дни, а недѣли и мѣсяцы,—осуществить эту идею, во всей ея полнотѣ, хоть въ маломъ масштабѣ,—то все дальнѣйшее—пу-

стяки!.. Дѣтская задача для техники въ современномъ ея состояніи!.. Тотъ, кто первый вырветъ отъ природы ея тайну, — тотъ будетъ владѣть міромъ!.. Нѣтъ оружія равнаго такимъ воздушнымъ эскадрамъ! Не подь землю же уйдутъ ихъ противники! А создать что-либо подобное себѣ на поверхности земли или воды,—этотъ флотъ не позволить! Для него не будетъ тайны! Онъ уничтожитъ въ корнѣ всякую такую попытку, смететъ, разрушитъ всякій заводъ, всякую мастерскую, которые осмѣлились бы строить что-либо ему подобное, безъ его разрѣшенія! Для него—нѣтъ невозможнаго, потому что нѣтъ ему равнаго! Онъ всемогущъ, вездѣсущъ, всевѣдущъ!..

Мэдждъ увлеклась. Ея зеленоватые глаза, казалось, гипнотизировали слушателей. Старая лэди оставила вязанье; Джеми весь какъ-то вытянулся и подался впередъ, жадно слѣдя за каждымъ словомъ вдохновенной проповѣдницы; Грэсъ забилась въ уголь дивана, свернулась клубочкомъ и тщетно пыталась стряхнуть съ себя какія-то, уже знакомыя, непонятныя чары... „Змѣя?“—мелькало у нея въ головѣ, и недавній сонъ такъ ярко вспоминался...

— Всемогущъ, вездѣсущъ, всевѣдущъ! — восклицала Мэдждъ. — Вѣдь, это — Богъ! Это — Его свойства!

— Дитя, дитя!..—остановила ее мистрисъ Старфордъ.—Вы забыли главное — справедливость, милосердіе и благость...

Мэдждъ словно опомнилась и нервно размѣялась.

— Конечно, тетя,—заговорила она своимъ обычнымъ мягкимъ тономъ, —я виновата, я упомянула

лишь тѣ Его свойства, къ достиженію которыхъ стремятся и слуги „князя міра сего“... Вы правы... Но націи, къ сожалѣнію, не такъ ужъ твердо слѣдуютъ евангельскимъ завѣтамъ, и вожди ихъ больше всего полагаются на силу... Вѣдь Фаустъ спасся-же, употребивъ на добрыхъ дѣла ту власть, которая была ему дана Сатаною!.. Обладая этой властью, кого-же еще бояться на землѣ?..

— Бога, дитя мое, Бога...

— Недаромъ Бисмаркъ заявилъ, что нѣмцы бояться только Бога!—прозвенѣлъ въ полутьмѣ прерывающійся голосокъ Грэсъ.—Можетъ быть уже въ то время вашъ великій канцлеръ предвидѣлъ возможность союза съ Сатаной!

— Грэсъ, вы больны?..

— Грэсъ, что съ вами?..

— Оставьте! оставьте!—Я такъ люблю ее, и именно за ея ненависть къ Германіи, которая смѣетъ мечтать о будущей (и какой отдаленной) борьбѣ съ Англіей за владычество надъ морями... Вѣдь и во мнѣ течетъ кровь Макъ-Стона, которому за его боевыя заслуги нашъ кланъ присудилъ добавку „Hard“ къ родовому имени!.. Не знаю, можетъ быть, меня назвали бы измѣнницей моей новой родинѣ, но если бы наша старая Англія сдѣлалась царицей не только морей, но міра,—я первая крикнула бы:—„Rule, Britannia“ , хотя бы... надъ Германіей!.. Нѣтъ,—англійскую кровь ничѣмъ нельзя разбавить! И если дядя Джорджъ, дѣйствительно, нашель этотъ „generator“...

— Что? что?—крикнулъ Джеми, срываясь съ мѣста.—Тамъ знаютъ...

Старинный, красного дерева столикъ-подставка, опрокинутый его рѣзкимъ движеніемъ, покатился по полу; запрыгали, зазвенѣли черепки разбитыхъ фарфоровыхъ чашекъ и статуэтокъ.

Мистрисъ Старфордъ выронила вязанье изъ рукъ.

— Что вы надѣлали? Можно-ли быть такимъ не ловкимъ?—сокрушалась Грэсъ.—Мой любимый китайскій болванчикъ...

— Мама... простите и не ужасайтесь... Я все это достану вамъ въ первомъ же плаваніи... рызцу, хоть на днѣ морскомъ!..—вторилъ ей Джеми, ползая по полу и собирая осколки...

И никто въ этомъ переполохѣ не оглянулся на статсъ-даму императорскаго и королевскаго двора, которая тоже поднялась со своего мѣста; никто не замѣтилъ какой радостью засвѣтились ея зеленые (кошачьи или змѣиные?) глаза; никто не разслышалъ ея торжествующаго шопота — „значить я не ошиблась!“

III.

По вѣрному слѣду.

Жизнь въ уютномъ домикѣ на Церковной улицѣ Дургэма текла, со стороны глядя, полная тишины и мира.

По заведенному обычаю, тотчасъ послѣ брѣкфаста старая лэди отправлялась навѣстить больныхъ и бѣдныхъ своего участка. Грэсъ неизмѣнно ей сопутствовала. Мэджъ крайне охотно вступила въ комитетъ

дамъ-благотворительницъ, но рѣшительно отвергла предложеніе „помогать“.

— Если мы будемъ являться втроемъ,—ваши бѣдныя въ правѣ будутъ восклицать, пародируя Калхаса, „qu'il y a trop des bienfaitrices!“ — Нѣтъ! дайте мнѣ „моихъ“, за которыми я и буду смотрѣть!

Джеми попытался было предложить свои услуги кузинѣ, которая, можетъ быть, за время долгаго отсутствія забыла закоулки Дургэма и не найдетъ лачужекъ, гдѣ ждутъ ея прибытія, какъ „луча солнца“,—но былъ немедленно остановленъ въ своихъ покушеніяхъ энергичнымъ, слегка насмѣшливымъ заявленіемъ, что „даже въ такой сантиментальной странѣ, какъ Германія, за лейтенантомъ, навѣщающимъ бѣдныхъ, ходили бы толпы уличнаго сброда, и никакой дуракъ не повѣрилъ бы, что онъ занимается этимъ дѣломъ безкорыстно“...

— А я вовсе не желаю, чтобы здѣшніе добрые фермеры, хоть на мгновение, заподозрили моего вѣрнаго рыцаря въ корыстныхъ намѣреніяхъ! — такъ весело и непринужденно смѣялась она, что ему не оставалось ничего другого, какъ покориться.

Мистрисъ Старфордъ не могла налюбоваться сыномъ, который и выросъ и возмужалъ. Ей, воспитанной въ строгихъ пуританскихъ нравахъ прямыхъ потомковъ дружинниковъ Кромвеля, ей и въ голову не приходило обращать вниманія на взгляды, которыми обмѣнивались между собою ея сынъ и ея племянница. Молодежь такъ рада свидѣться другъ съ другомъ послѣ долгой разлуки! Пусть счастливы! Пусть смѣются! Зато Грэсъ все видѣла. Она пробовала

стыдить сама себя; она говорила себѣ, что глупо, что нелѣпо ревновать кузину къ брату, но не могла освободиться отъ чувства глухой неприязни къ „этой нѣмкѣ“, ставшей ей поперекъ дороги...

Почему „эта нѣмка“, прожужжавшая ей уши „своимъ“ Вильгельмомъ, вдругъ только и твердить, что о любви къ „нашей старой Англїи?“ — Что случилось?—Грэсъ инстинктомъ чувствовала, что это не просто... Она ей не вѣрила!.. Ну...—хотя бы корреспонденція!—Вѣдь ужъ всѣ въ домѣ знаютъ, что около 8 ч. утра приходитъ почтальонъ, котораго сабаки встрѣчаютъ, какъ добраго знакомаго, вручаетъ письма, газеты и журналы старому Вилли, который аккуратно раскладываетъ ихъ на столикѣ въ прихожей, и взаменъ сдаетъ ему, съ того-же столика собранныя, письма обывателей дома, готовыя къ отправкѣ... А вотъ Мэджъ всегда сама (должно быть во время утренней прогулки) бросаетъ свои письма въ почтовый ящикъ... Почему?.. она, кажется, много лишетъ, часто по ночамъ (это видно по свѣту въ ея комнатѣ), но что? — письма или дневникъ? или какой-нибудь романъ?.. и всегда такъ торопится первой сойти внизъ, чтобы никто не успѣлъ раньше нея взглянуть на почтовый столикъ... Порою Грэсъ такъ хотѣлось бы спросить стараго Вилли: много-ли писемъ получаетъ кухня? или сбѣжать внизъ раньше ея и просмотрѣть корреспонденцію, но она всегда, даже наединѣ сама съ собою, густо краснѣла при одной мысли о такомъ поступкѣ — вѣдь это значило бы „шпіонить“ за гостей!..—А Джеми, ея милый Джеми!—онъ замѣтно уходилъ отъ нея все дальше и дальше...

Вначалѣ, они всѣ втроемъ возобновили свои предобѣденныя прогулки по склонамъ дургэмскаго холма, по, такъ называемымъ, козымъ тропинкамъ среди кустовъ вереска, гдѣ надо было знать „въ лицо“ каждый камешекъ, на который можно смѣло опереться ногой... Потомъ... она замѣтила, что... она имъ мѣшаетъ... Она стала чаще и чаще присаживаться на какомъ-нибудь поворотѣ, отговариваясь усталостью, а они уходили впередъ, звали ее за собой, но (такъ ей казалось) не слишкомъ настойчиво... Иногда она вовсе отказывалась отъ участія въ прогулкѣ подъ предлогомъ головной боли, или хлопотъ по хозяйству, и опять таки (такъ ей казалось) они не слишкомъ настаивали и... уходили одни... Это было не только обидно, но и... тревожно,—а почему?—уяснить этого она не могла, но какъ-то такъ чувствовалось...

Мэдждъ вздрогнула. Среди писемъ, лежавшихъ на столикѣ въ передней, ея зоркій глазъ сразу же замѣтилъ одно со штемпелемъ „Бальмораль“, съ адресомъ, написаннымъ такимъ размахистымъ, крючкочковатымъ почеркомъ, котораго нельзя было не признать, хоть разъ его видѣвъ, тѣмъ самымъ почеркомъ дяди Джорджа, за которымъ издавна утвердилось названіе „арабской грамоты“...

Должно быть, что въ этотъ день программа ея „визитаціи“ была необычно краткой, и едва-ли не черезъ полчаса она уже вернулась домой.

— Джеми!

Молодой лейтенантъ, надписывавшій адресъ на

только что запечатанномъ конвертѣ, послѣшно прикрывъ его рукой и обернулся къ открытому окну въ садъ. Оттуда, словно изъ рамки, вся въ яркихъ лучахъ весенняго солнца, въ ореолѣ золотисто-рыжеватыхъ волосъ глядѣла на него очаровательная головка кузины.

— Чѣмъ вы заняты? Что за секреты? Oh-la-la! Неужели—послание къ милой? Уже?

— Какъ вы можете думать...—смущенно заговорилъ онъ, не имѣя силы оторваться отъ этихъ зеленеватыхъ, мерцающихъ глазъ.— Просто дѣловое письмо, самое обыкновенное, дѣловое письмо...

— Въ самомъ дѣлѣ? Не буду спорить,—отозвалась она дѣлано-небрежнымъ тономъ.

— Вы такъ рано вернулись...—попытался Джеми прервать наступившее молчаніе.

— Да, да... мнѣ положительно не везетъ на больныхъ и бѣдныхъ, которые поручаются моему вниманию—либо выздоравливаютъ, либо богатѣютъ!

— Это потому, что вы всюду приносите съ собой счастье!..

— Ай, ай!—воскликнула Мэджъ, зажимая уши.— Джеми! Пощадите! Я довольно наслушалась подобныхъ изреченій отъ сантиментальныхъ поручиковъ и даже капитановъ германской арміи! Неужели и вы способны умолять меня пройтись подъ руку съ вами вечеромъ по дорожкѣ сада, чтобы „вдыхать ароматъ лучей луны, пронизывающихъ мои волосы и скользящихъ по складкамъ моего платья?“ Нѣтъ! нѣтъ! Никогда не повѣрю!

— И совершенно напрасно, —сдержаннымъ голо-

сомъ заговорилъ онъ, перегибаясь черезъ подоконникъ...

— Вы? мой старый морской волкъ?

— Да, я—вашъ старый морской волкъ. На материкахъ уже нѣтъ мѣста сказкамъ, умерли богини и нимфы, только старыя, настоящіе, не такіе, какъ я, морскіе волки еще рассказываютъ легенды о сиренахъ... и, слушая ихъ, я все мечталъ, бродя по океанамъ, не найду ли мою сирену, мою очаровательницу...

— И... не нашли?..

— Говорятъ, что часто... долгіе годы поисковъ въ морѣ, среди лишеній, трудовъ и опасностей оказываются безплодными... и вдругъ въ тихой гавани она сама васъ встрѣчаетъ... вѣдь счастье капризно...

Онъ такъ близко наклонился къ ней, что могъ бы „вдыхать ароматъ солнечныхъ лучей, пронизывавшихъ ея волосы“...

Зеленый туманъ окуталъ его, или чьи-то зеленые глаза такъ близко мелькнули передъ его глазами, или, можетъ быть, подогнулась рука, опиравшаяся на подоконникъ?..

Туманъ разсѣялся. Въ саду близко, но все же шагахъ въ двухъ отъ окна, стояла Мэджъ, укоризненно качавшая головкой и оправлявшая прическу.

— Джеми, это—глупо! Этого—я не ожидала!.. Если бы тети, съ ея пуританскими взглядами...

— Вздоръ!—перебилъ Джеми, ловко соскакивая съ подоконника въ садъ.—Мама была бы очень довольна и сказала бы, что, наконецъ-то, они ведутъ себя, какъ друзья дѣтства...

— Stop, old chap!—Я шла по дѣлу—падо бросить письмо въ почтовый ящикъ...

— Пойдемте вмѣстѣ!

— Совершенно излишне!— Можете возвращаться къ себѣ и заняться вновь вашей таинственной корреспонденціей.

— Но я уже кончилъ! Мнѣ тоже надо бросить письмо въ почтовый ящикъ!

— Тогда... пожалуй...

Они шли быстро, неровнымъ шагомъ, словно въ перегонку, по пустынной улицѣ, залитой яркими лучами весенняго солнца; мѣстами еще не просохли лужи (слѣды ночной непогоды). Было (или казалось, что было?) тѣсно. И всякій разъ, когда ея плечо касалось его плеча, онъ чувствовалъ себя счастливымъ и на притворно негодующій возгласъ „Джеми“!— отвѣчалъ восторженнымъ взглядомъ...

А вотъ и почтовый ящикъ.

— Ну, гдѣ же ваше письмо?

Джеми, внезапно сдѣлавшійся серьезнымъ, вынулъ его изъ бокового кармана и собирался опустить въ прорѣзъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! Мое раньше!— крикнула Мэдждъ, шаловливо отталкивая его руку.

Джеми не успѣлъ уступить дамѣ, или Мэдждъ слишкомъ поторопилась, но только письмо ея упало не въ ящикъ, а на тротуаръ.

Оба наклонились, чтобы поднять его, и при этомъ движеніи, почти вплотную къ ея лицу, оказался кон-

вертъ, который онъ держаль въ рукѣ, на которомъ было написано: „Эдинбургъ, R. V. R. T. W“. и „до востребованія“...

— Право, мнѣ кажется, что солнце старой Англии молодитъ меня на десять лѣтъ и я держу себя, какъ дѣвчонка въ короткомъ платьѣ!—говорила Мэдъжъ на обратномъ пути домой, заставляя своего кавалера съ ней вмѣстѣ прыгать черезъ лужи, необычно оживленная и разрумянившаяся. — Воображаю, если бы меня могли увидѣть изъ Потсдама наши почтенныя старушки!

И Джеми, не имѣвшій ни малѣйшаго представленія о потсдамскихъ старушкахъ и никогда ими не интересовавшійся, отъ души вторилъ ея задорному, дѣтскому смѣху.

„Ich liebe dich“...

Они рѣшили до времени никому не довѣрять своей тайны.

Конечно, она будетъ хлопотать о разводѣ, но вѣдь свадьба ихъ можетъ состояться лишь послѣ того, какъ осуществятся планы дяди Джорджа и короля Эдуарда, которыхъ никто не знаетъ, а до того надо молчать и ждать.

Что касается Джеми, то онъ былъ бы готовъ отказаться отъ чести вступить въ число членовъ „Ордена Кабаньей Долины“, гроссмейстеромъ котораго, какъ говорили, состоялъ самъ король. Ужъ слишкомъ тяжелъ и суровъ былъ уставъ этого братства, какого

не вѣдали ни рыцари храма, ни меченосцы, ни мальтійцы, и за нарушеніе котораго не было другой кары, какъ смерть!..

Всякій, по доброй своей волѣ переступившій линію часовыхъ, сплошнымъ кольцомъ охватывавшихъ Кабанью Долину, влялся: 1) оставаться въ ней, если бы это оказалось нужнымъ, до самой своей смерти; 2) слѣпо исполнять всякое, хотя бы нелѣпое по внѣшности, приказаніе начальника; 3) всякое письмо, отправляемое къ роднымъ или близкимъ людямъ, представлять на цензуру начальника; 4) не только письма, но даже газеты, журналы и книги получать лишь по просмотрѣ ихъ начальникомъ или тѣмъ, кому онъ укажетъ.—За малѣйшее нарушеніе этихъ основныхъ пунктовъ, посвящаемый признавалъ себя заранѣе подлежащимъ лишенію чести и жизни во имя величія и славы Британіи.

— Принять на себя этотъ суровый обѣтъ, отречься отъ міра, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда готовы осуществиться мечты юности, казавшіяся несбыточными, навѣки утраченными?.. когда сердце полно любви, счастья и жажды жизни?.. Возможно ли?..

— Нѣтъ! нѣтъ!.. Джеми! милый Джеми! Это мысли, недостойныя англичанина! Кому какъ не мнѣ, за мою красоту попавшей въ золотую клѣтку придворной жизни, мечтать о счастьѣ, о свободѣ? но и я готова ими жертвовать, готова ждать... долго ждать— во имя величія и славы нашей Старой Англіи!

Послѣднее время они приняли за обычай вести разговоры на нѣмецкомъ языкѣ, и хотя Джеми заявлялъ совершенно откровенно, что его „*rigin german*“

сильно смахиваетъ на то нарѣчіе, которымъ пользуются негры южно-африканскихъ колоній Германіи, Мэджъ утверждала, что это скоро пройдетъ, а флотскій офицеръ долженъ свободно владѣть языкомъ возможнаго противника, и потому практика необходима. Это объясненіе было всѣмъ такъ понятно... но, по правдѣ, истинную причину такого пристрастія къ нѣмецкому языку слѣдовало искать глубже.

Однажды „она“ сказала „ему“:

— Единственное преимущество языка Шиллера передъ языкомъ Шекспира, это...—„Du“. Англичане говорятъ „Ты“ только Богу, а нѣмцы—всякому близкому или дорогому человѣку, и это даетъ впечатлѣніе такой... жуткой интимности... Du liebst?

А Джеми смѣялся счастливымъ смѣхомъ и повторялъ:

— Конечно, конечно... такъ хорошо—ich liebe dich...

Съ этого и началось...

Была, пожалуй, еще и другая причина: пользуясь нѣмецкимъ языкомъ они могли быть совершенно спокойны, что никто изъ рѣдкихъ прохожихъ, попадавшихся на пути, не подслушаетъ ихъ бесѣды, не дастъ повода къ сплетнямъ.

Лингвисты среди обитателей Дургэма и его предмѣстій были немногочисленны.

IV.

Весенній вечеръ.

Капитанъ Гардстонъ, переписываясь со своимъ племянникомъ, повидимому забылъ внушить ему правило,

имъ-же подсказанное самому королю: вовсе ни съ кѣмъ не говорить о тайнѣ, потому что иногда случайно брошенное слово, намекъ, оговорка — уже могутъ дать нить къ разгадкѣ...

Вдобавокъ, Мэджъ отъ своихъ германскихъ корреспондентовъ знала едва-ли не больше самого готовившагося къ посвященію. Онъ, конечно, не оспаривалъ того, что было вѣрно, но не могъ не указывать на ошибки, не разувѣрять ее въ тѣхъ преувеличеніяхъ, которыми, по ея словамъ, склонны были предаваться на континентѣ.

Разъ всѣ знаютъ, то бесполезно было бы отрицать, что дядя Джорджъ изобрѣлъ или, вѣрнѣе, случайно натолкнулся на идею своего generator'a, выработалъ соответственный типъ двигателя, и его воздушные корабли снабжены такимъ запасомъ энергіи, что могутъ держаться въ воздухѣ не часы и не дни, а мѣсяцы! что, обладая чудовищной скоростью, они могутъ смѣло выгребать противъ урагана! Вѣдь ураганъ—это 24 метра въ секунду, а они, при полномъ ходѣ, могутъ развить болѣе 30! Да имъ и нужды не будетъ принимать такія героическія рѣшенія! что имъ стоитъ (при скорости 55 узловъ) сдѣлать небольшой крюкъ въ тысячу миль, чтобы обогнуть неприятное мѣсто? Зато попутнымъ штормомъ они будутъ пользоваться, какъ современные корабли пользуются попутнымъ теченіемъ!.. Предполагать, однако, что это будутъ какіе-то воздушные броненосцы—прямо глупо! Да и къ чему? Вѣдь если тайна будетъ сохранена, если они будутъ единственные въ мірѣ, вѣдь имъ будетъ достаточно нести съ собой, сравнительно, небольшой запасъ бомбъ,

бросаемых просто рукой, или через направляющую трубу силой их собственной тяжести... Вѣдь для того, чтобы совершить кругосвѣтное путешествіе по экватору, даже не самымъ полнымъ ходомъ, имъ потребуется всего 18 сутокъ!.. Вѣдь они будутъ почти вездѣсущи!.. Ну, скажемъ: въ Японіи открыто что-то подозрительное. Разслѣдовать и помѣшать; въ случаѣ сопротивленія—смести съ лица земли! И черезъ 5 сутокъ воздушный флотъ, снявшійся со своихъ пристаней въ Шотландіи, уже рѣшетъ надъ островами Восходящаго Солнца... Я неправильно выразился—„главныя силы воздушнаго флота“—вотъ какъ слѣдовало бы сказать! Вѣдь будутъ же отряды, патрулирующіе покоренныя царства съ высоты орлинаго полета, и эти отряды немедленно примутъ свои мѣры, какъ только донесенія агентовъ съ земли по беспроволочному телеграфу сообщать имъ о готовящемся злоумышленіи... Резервы придется вызывать лишь въ томъ случаѣ, когда окажется, что охрана сплеховала... А знаете-ли, сколько времени, при этой скорости, нужно патрулирующему воздушному кораблю, чтобы пролетѣть надъ всей Японіей, по дугѣ отъ южной оконечности Кіу-Сіу и до 50-й параллели, разграничивающей русскія и японскія владѣнія на Сахалинѣ?—24 часа!..—Ну, что же? Какое начинаніе, какая затѣя могутъ укрыться отъ взоровъ такой воздушной полиціи?..

— Джем!.. — шептала она, словно зачарованная его мечтой.—Джем!.. и ты (du bist) одинъ изъ многихъ посвященныхъ въ тайну?.. Какъ я буду счастлива, какъ я буду гордиться твоей великой, без-

смертной, немеркнувшей славой!.. Вы, вашъ маленькій кружокъ людей, которыхъ многіе скептики называютъ фанатиками, даже... сумасшедшими! Какими жалкими окажутся они передъ вами! Какъ они будутъ пресмыкаться передъ этой почти божеской силой!.. Нѣтъ!.. Я—не Цуръ-Мюленъ, не Трейлингъ!.. Я—Гардстонъ!.. даже больше... я—просто Стонъ, а „Hard“ пусть будетъ мною заслужено!

Джеми слушалъ, и сердце его было готово разорваться отъ счастья.

— My darling, my darling!.. я всегда вѣрилъ, что кровь гуще воды, что ты вернешься къ намъ изъ твоей чопорной Германіи!..

Приближался срокъ снятія офіціального траура при германскомъ дворѣ; приближался срокъ отъѣзда очаровательной кузины; приближался и срокъ отбытія Джеми въ таинственныя нѣдра Кабаньей Долины. Дядя Джорджъ категорически заявилъ, что, не считая себя въ правѣ вовсе лишать племянника 6-тимѣсячнаго отпуска, заслуженнаго 5-тилѣтнимъ плаваніемъ въ дальнихъ моряхъ, онъ, въ силу государственной надобности, сокращаетъ его до 2-хъ мѣсяцевъ. И больше ни часу.

— Когда-жъ ты вернешься! Когда-жъ „это“ случится?.. Du... mein Liebchen!.. — говорила она, тѣсно прижимаясь плечомъ къ его плечу.

Они сидѣли рядомъ на выступѣ мощной скалы, которую прикрыли собою мягкіе, зеленѣющіе склоны Дургемскаго холма, но острые углы которой высовы-

рались то тутъ, то тамъ, словно, источенные временемъ обломки костяка до нынѣ сердитаго гиганта, только ждущаго подходящаго момента, чтобы однимъ движеніемъ сбросить съ себя всю эту плѣсень.

Далеко, внизу, подъ ними, по чуть намѣчавшейся въ призрачной мглѣ весенняго вечера узкой полоскѣ желѣзнодорожнаго полотна, ползъ (такъ казалось отсюда) длинный поѣздъ; издали окна его сверкали не ярче свѣтляковъ, смѣло зажигавшихъ свои фонарики почти вплотную къ влюбленнымъ и, видимо, вовсе не боявшихся этихъ людей, занятыхъ только другъ другомъ.

Такъ это было похоже на тотъ сладостный весенній вечеръ... Впрочемъ — нѣтъ! Тогда только трепетала и билась въ сердцѣ, какъ птица въ неволѣ, безумная, несбыточная мечта о счастьѣ... а вотъ... теперь... оно здѣсь... подъ руками...

И густые, только что распустившіеся кусты вереска такъ любовно склонялись надъ ними, такъ ревниво берегли отъ чуждаго взора тайну, которую они одни только знали, которая только имъ однимъ была ввѣрена...

— Но если-бъ я могла въ твоихъ письмахъ имѣть хоть строчку, хоть слово, про которое я бы знала, что оно обращено отъ тебя ко мнѣ!.. Понимаешь? — ко мнѣ! ко мнѣ одной!

— Дорогая моя!.. Пока ты несвободна, писать письма прямо тебѣ — вѣдь это... невозможно!.. Какъ быть?..

— Не знаю! не знаю!.. Но, Джеми! хоть строчку, хоть слово!.. Я отказываюсь... да! да! — отрекаюсь

отъ всѣхъ моихъ патриотическихъ тирадъ... Если бы ты могъ остаться со мною!..

— Слово дано. Я ѣду. Нашему слову мы никогда не измѣняли!

— Правда, Джеми! и будь я проклята, если попыталась бы склонить тебя на такой позоръ!.. Но... какъ тяжело!.. Жизнь, счастье... Какое мнѣ дѣло до вашихъ тайнъ, до того, кто будетъ владѣть міромъ! Хотя бы кафры или папуасы! Но ты! ты!.. надолго ли?.. Вѣдь клятва обязываетъ безъ срока, до смерти!

— Въ этомъ случаѣ могу тебя утѣшить—не такъ ужъ долго. Это—я знаю...

— Все-таки годы, долгіе годы...

— Да не убивайся же, радость моя! Совѣмъ не такъ страшно. Ну годъ—два... Дѣло идетъ полнымъ ходомъ...

— Когда еще вы кончите ваши опыты...

— Никакихъ опытовъ! Все дѣло въ постройкѣ самого флота! Съ опытами давно покончено!..

— Правда?..

— Мэджь!.. Я и такъ сказалъ слишкомъ много... Не надо...

— Милый, милый... ты могъ бы довѣрить мнѣ всѣ твои тайны и не бояться, что ихъ кто-то „чужой“ подслушалъ... Ну... развѣ я—чужая тебѣ?..

И опять, подъ внезапно налетѣвшимъ, ласкающимъ порывомъ весенняго вѣтра низко склонились кусты только что распустившагося вереска, свято оберегая имъ однимъ ввѣренную тайну...

— Full speed! Full speed!—торопила его Мэджъ, спускаясь съ холма по головоломной тропинкѣ. — Неужели мы опоздаемъ къ обѣду? Уфъ!—радостно воскликнула она, очутившись на Church street и указывая на часы подъ шпцемъ церкви.—Не опоздали! Нѣтъ еще и половины восьмого! А ты, кажется, совсемъ задохнулся?..

— Вовсе нѣтъ... и, знаешь, мнѣ пришла мысль... Въ моихъ письмахъ я буду часто вставлять цитаты изъ Священнаго Писанія (или имитацію подъ нихъ), гдѣ Богу говорятъ „ты“, но это ты будешь моимъ богомъ, а потому всѣ эти изреченія будутъ письмами къ тебѣ...

— Джеми!—воскликнула она,—ты—геній, и завтра же я тебя расцѣлю!..

Первая жертва.

Проводы (почему-то) походили на похороны. Грѣзь такъ плакала, что у нея разболѣлась голова, глаза едва смотрѣли, а носикъ распухъ и покраснѣлъ, какъ при злѣйшемъ насморкѣ. Мистрисъ Старфордъ долго крѣпилась, но въ послѣдній моментъ не выдержала и, судорожно прижимая голову сына къ своей груди, тоже расплакалась и какъ-то растерянно шептала: „Неужели навсегда?.. Нѣтъ... не спорьте... Это—предчувствіе... Помните одно и не мучьтесь мыслью обо мнѣ:—„Ради нашей старой Англїи!..“ Ей—я васъ уступаю“... Даже зеленые глаза всегда твердой Мэджъ на мгновеніе

(только на мгновеніе) подернулись какой-то дымкой... но она тотчас-же овладѣла собою.

— Вѣрно, теть! Вѣрно! Rule, Britania!.. Дорогой кузень, примите мои добрыя пожеланія успѣха и мой поцѣлуй... надѣюсь, не послѣдній...

Джеми писалъ домой не очень часто, но и не слишкомъ рѣдко, во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ за время плаванія въ дальнихъ моряхъ, при этомъ письма его пріобрѣли какой-то мистическій характеръ. Среди разспросовъ о семейныхъ дѣлахъ и разсказовъ о полумонашескомъ образѣ жизни такъ и пестрѣли тексты изъ св. Писанія, часто такіе, которыхъ старая лѣди не только не помнила, но даже и найти не могла въ своей Библии.

— Для нихъ, пошедшихъ на великій подвигъ, во имя родины отрекшихся отъ прелестей міра,—такъ понятно искать бодрости и утѣшенія въ словахъ божественнаго откровенія.. — говорила она. — Я такъ рада за Джеми! Какъ это было бы грустно, если бы онъ свои досуги посвящалъ легкомысленной болтовнѣ за стаканомъ „whisky and soda“. Къ святому, чистому дѣлу надо приходиться съ чистой душой и съ чистыми руками, иначе—не будетъ на дѣлатель благословенія Божія...

Грѣсъ недоумѣвала надъ такимъ внезапнымъ „преображеніемъ“ брата, который, еще такъ недавно, ужасалъ ее своимъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ священнымъ книгамъ, „сочиненнымъ ꙗпоами, не глупѣе нашихъ“, который признавалъ только Евангеліе, да

и въ этомъ послѣднемъ многое считалъ чуждымъ основной идеѣ ученія Христа. „Грэсъ, Грэсъ! — говорилъ онъ,—вѣдь они писали много позже, на память! Вотъ если бы Его слова были записаны тогда же стенографистками...“ Но Грэсъ не слушала, затыкала уши, убѣгала и у себя въ комнатѣ горячо молилась, чтобы Богъ не вмѣнилъ въ смертный грѣхъ ея дорогому Джеми этой хулы, сказанной, очевидно, по легкомыслию или, можетъ быть, съ единственной цѣлью подразнить ее...

Зато Мэдъжъ съ глубочайшимъ вниманіемъ по многу разъ перечитывала эти изреченія, словно стараясь запечатлѣть ихъ въ своей памяти...

— Скоро придетъ царство вѣрныхъ... Если Ты, Господи, увидишь во судъ, то кто же устоитъ?.. Зрѣетъ колосъ и близится жатва. Волною морскою сокрывшій гонителя, мучителя фараона... Левъ Іуды, мечъ Давида, и печать мудрости Соломона... Вездѣ рука Твоя достигнетъ меня, и десница Твоя направитъ меня...—звѣзды Тебѣ повинуются и бездна передъ Тобою трепещетъ... Мечъ принесъ я въ міръ... Ягненокъ будетъ пастись со львомъ... Ибо бремя мое благо и иго мое легко...

Въ этотъ день внезапный приступъ мигрени не позволилъ Грэсъ, какъ обычно, сопутствовать своей матери въ ея утреннемъ „благотворительномъ походѣ“—она лежала на постели, въ своей комнатѣ, стараясь не шевельнуться, въ надеждѣ, что это скоро пройдетъ. Въ самомъ дѣлѣ, стало, какъ будто, легче... Кажется, она задремала... Шумъ выдвигаемыхъ ящиковъ, лег-

кихъ быстрыхъ шаговъ въ сосѣдней комнатѣ (въ комнатѣ Мэдждъ) разбудилъ ее. Голова уже не болѣла, чувствовалась только усталость, почти оцѣпенѣніе... Съ трудомъ поборовъ его, она все-таки поднялась, рѣшивъ „быть молодцомъ“, и пошла къ кузинѣ. Но тамъ никого не было. Видимо Мэдждъ заходила только на минутку...

Грѣсъ, еще не вполне давая себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, все еще въ туманѣ, подошла къ столу, и ея блуждающій взглядъ упалъ на раскрытый дорожный бюварь, который всегда былъ запертъ на ключъ, всегда тщательно прятался... Совершенно машинально смотрѣла она на листокъ бумаги, покрытый плотными линіями буквъ, написанныхъ на машинкѣ, какъ вдругъ ее поразила явно англійская фраза: „Rule, Britannia, Rule The World!“ Какимъ образомъ эта фраза попала въ нѣмецкое письмо? Искренно, или какъ насмѣшка? Она не могла удержаться, чтобы не попробовать прочесть и понять ближайшія строки — нѣмецкій языкъ не былъ ея спеціальною—но съ первыхъ же разобранныхъ словъ вся кровь хлынула къ ея сердцу...

— ...Колоссальное значеніе... гениальная догадка... „World“, а не „Waves...“ не адресъ только, но лозунгъ... кое-что уже удалось...

Вся дрожа, съ широко раскрытыми глазами, она судорожно перебирала листокъ за листкомъ и читала:

— ...вспомните, Юдифь... нельзя отступать... помогите рекомендаціей... — развѣ дядя откажетъ, протежѣ племянника?..—только бы былъ свой человекъ...

Наконецъ... вотъ — письмо, вѣрнѣе, записка на клочкѣ бумаги, но писанная не на машинкѣ, а ка-

рандашомъ, отъ руки, размахистымъ, готическимъ почеркомъ...

— Нетерпѣливое дитя... никогда нельзя падать духомъ, никогда... ваши... проливаютъ свѣтъ, даютъ нить... незамѣнимо, безцѣнно... тексты изъ Библии chef d'oeuvre!.. толкованіе верхъ остроумія... Нѣтъ, нѣтъ! къ цѣли, всегда къ цѣли!.. Жанна д'Аркъ не сдѣлала большаго... вамъ-ли нервничать?—Да благословитъ васъ Богъ на трудный подвигъ для блага Германіи...

Подписано:—W. I. R...

Словно во снѣ, не помня себя, она бросилась въ свою комнату, схватила зонтикъ, выбѣжала изъ дому. Какой-то инстинктъ влекъ ее къ крутымъ склонамъ дургэмскаго холма, къ его козымъ тропинкамъ... ей хотѣлось воздуха, простору... несвязныя мысли вихремъ крутились въ ея головѣ... отрывочныя восклицанія— „Боже! Позоръ!.. Дядя!.. Несчастье!.. Джеми!..“ — срывались съ ея губъ...

И вдругъ онѣ встрѣтились.

— Грѣсъ! дорогая моя! Куда вы мчитесь, сломя голову?

— Куда? Прочь отъ васъ! Змѣя! Змѣя!

— Что съ вами?..

— А! такъ вы еще смѣете отпираться?.. Прочь отсюда! Прочь! Прочь! Сегодня-же!.. Не позорьте нашего дома!.. Вѣдь только... въ память отца, въ память дѣда, который былъ и вашимъ дѣдомъ... только ради добраго имени предковъ я не отдаю васъ въ руки полиціи!..

— Грѣсъ! Вы съ ума сошли!..

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я въ здоровомъ умѣ!.. Вы „геніально“ догадались, что значить: R. V. R. T. W.— А я... я вѣдь тоже догадалась, что значить W. I. R. — Wilhelm Imperator Rex!.. — А!.. вы блѣднѣете?.. это пугаетъ васъ?..

Онѣ стояли, эти двѣ женщины, лицомъ къ лицу на узкой тропинкѣ, извивавшейся надъ крутымъ обрывомъ...

— Надо было бы надежнѣе прятать свою корреспонденцію!.. Не забывать на столѣ документовъ!..—выкрикивала Грэсъ, и каждое ея слово падало, какъ ударъ хлыста...

Но добрый скакунъ хлыста не терпитъ...

— Такъ вы рылись въ моихъ бумагахъ? Унизились до шпионства?

— Нѣтъ! я избличила шпиона!

— Что?!

Ее хоронили въ воскресенье.

Дядя Джорджъ допустилъ великое нарушеніе устава братства: онъ прибылъ на похороны не одинъ, но въ сопровожденіи Джеми, который былъ первымъ членомъ, получившимъ право покинуть на время Кабанью Долину раньше, чѣмъ ея тайна перестала быть тайной.

Несмотря на всю спѣшность (дядя Джорджъ, извѣстный педантъ, не рѣшился вывезти племянника, не получивъ, чисто формальнаго, королевскаго разрѣшенія), они вошли въ церковь уже къ концу заупокойной службы, когда старый пасторъ заганчивалъ свою проповѣдь.

— ...Душа ея была, какъ цвѣтокъ, безопасно глядѣвшій въ бездну, а къ небу возсылавшій свое благоуханіе... Друзья мои! Всѣ вы такъ любили ее, всѣ звали ее свѣтлымъ лучемъ, проникающимъ въ бездну страданія... И вотъ — сама она пала въ бездну и... умерла... Но смерть ея не скорбь смерти, а радость воскресенія!.. Неисповѣдимы пути Божіи!.. и если Онъ, Всеблагій, призываетъ къ себѣ чистыя души для пополненія сонма ангеловъ—не возропщемъ, не будемъ плакать, но возрадуемся! Это намъ, грѣшнымъ и слабымъ, кажется, что лучше было бы молодой жизни цвѣсти среди насъ и радовать насъ своимъ сіяніемъ... Но Ему, Всевѣдущему, лучше знать, нежели намъ... Если бы духъ ея не завершилъ уже во всей полнотѣ пути совершенствованія въ скорбной земной жизни, развѣ Онъ допустилъ бы, чтобы отъ невѣрнаго шага, отъ камня, не устоявшаго подъ ногой ея, она бы низверглась со скалы, разбилась на смерть?.. Нѣтъ!.. Или забыты вами боговдохновенныя слова псалмопѣвца—„Звѣзды Тебѣ повинуются, и бездна предъ Тобою трепещетъ!“

— Ну, вотъ!.. я такъ и думалъ, то-есть я никакъ этого не думалъ... я надѣялся, что не будетъ... что нельзя-же... — бормоталъ дядя Джорджъ, порывисто шагая по комнатѣ своей племянницы.

Въ комнатѣ былъ полный беспорядокъ; стояли раскрытые сундуки и чемоданы, въ которые наскоро было что-то набросано,—видимо, готовились къ спѣшному отъѣзду...

— Дядя! милый дядя! — молила она.—Я не могу!

Поймите, не могу! Грѣсъ... здѣсь... рядомъ... годы дѣтства... а теперь!..

Она даже не успѣла снять шляпки и путалась въ длинномъ креповомъ вуалѣ.

— Вздоръ! Вздоръ! — дѣланно-сердитымъ тономъ возражалъ тотъ.— Ну, если-бы она сорвалась съ берега въ воду, вы могли бы упрекать себя, что не бросились за ней, но тутъ... это ужасно... вотъ и все!.. Возьмите сами въ руки, подумайте о моей сестрѣ—вашей теткѣ—вѣдь это полуживой человѣкъ... чтобъ не сказать полумертвый!

— Дядя!..

— Нѣтъ! Слушать не хочу! Вы должны оставаться! Напишите вашему мужу—не бревно—пойметъ!.. Да... будь прокляты мои глаза! Или вы не дочь моей сестры Модъ, и въ васъ не течетъ кровь Гардстоновъ?! Тысяча чертей!.. Мы, я и Джеми, уѣзжаемъ сегодня же—такъ велитъ долгъ передъ родиной!—А вы тоже? Бросите убитую горемъ старуху на попеченіе прислуги? Да нѣтъ! Быть этого не можетъ!

Она осталась...

V.

«Coup de maitre».

Завѣса надъ тайной Кабаньей Долины замѣтно колебалась.

Несмотря на всю выдержку англійской печати въ дѣлахъ такого рода, то тутъ, то тамъ появлялись перепечатки изъ континентальныхъ газетъ.

Какъ знать? — возможно, что тутъ дѣйствовала чья-то рука, или, какъ говорили во Франціи, — *la charge de cavalerie de St.-George* *)...

Такъ или иначе, страсти разгорались. — Упомянулось (даже приводились подсчеты) о милліонахъ фунтовъ, выброшенныхъ на какую-то затѣю, о сути которой до сихъ поръ упорно молчать (можетъ быть, потому, что стыдно признаться въ ребяческомъ увлеченіи?), намекали на то, что, кому по средствамъ, можетъ чудить, какъ ему вздумается, но тратить на причуды деньги, добытыя пѣтомъ и кровью народа, никто не имѣетъ права; что прошло около двухъ лѣтъ со времени учрежденія „Долины Тайнъ“ (такъ окрестили Кабанью Долину), а до сихъ поръ ни въ палатѣ лордовъ, ни въ палатѣ общинъ никто изъ членовъ правительства и словомъ не обмолвился о томъ, въ какую бездну проваливаются чрезвычайные кредиты...

Особенное недовольство вызвало послѣднее распоряженіе: всю огромную котловину, замкнутую съ сѣвера массивомъ горы Бен-Мак-Дьюи, обнести изгородью изъ колючей проволоки, протянувъ ее по вѣшнему склону окрестныхъ возвышенностей такъ, чтобы даже часовые и тѣ не могли бы заглянуть въ „Долину Тайнъ“... Для несенія этой безпримѣрной караульной службы, при которой посты были расположены на дистанціи 10 шаговъ другъ отъ друга, а въ непогоду вдвое чаще, — было назначено двѣ дивизіи Гайлен-

*) Фунтъ стерлинговъ—англійская золотая монета—имѣетъ на лицевой сторонѣ изображеніе Св. Георгія, поражающаго дракона.

деревъ, по началу покорно принявшихъ странное назначеніе, а теперь, подъ вліяніемъ пропаганды, начавшихъ открыто роптать...

Кромѣ постройки изгороди изъ колючей проволоки, требовалось еще устройство электрической сигнализациі и несчетнаго числа духовыхъ фонарей (при каждомъ часовомъ), которые загорались бы по тревогѣ или автоматически при всякой попыткѣ пробраться сквозь изгородь или перелѣзть черезъ нее...

Все это стоило чудовищныхъ денегъ, и немудрено, если оппозиція рѣшилась, наконецъ, выступить съ запросомъ.

Какъ водится, въ первую голову былъ выпущенъ не первый, но все же одинъ изъ выдающихся ораторовъ. Онъ достаточно зло характеризовалъ ту смуту, то волненіе умовъ, которое вызываетъ не только въ Европѣ, но и во всемъ свѣтѣ „Долина Тайнъ“, и особенно подчеркнул то обстоятельство, что не выдержала и громко высказала свое негодованіе сама, первая въ мірѣ по своей корректности, англійская печать, столь охотно бьющая тревогу по поводу недостаточности ассигнованій на флотъ и армію, всегда поддерживавшая правительство во всѣхъ его начинаніяхъ, клонящихся къ увеличенію военной мощи Соединеннаго Королевства, а нынѣ — протестующая, требующая отчета въ суммахъ, израсходованныхъ на осуществленіе какой-то мечты, можетъ быть, неосуществимой... Пусть тайна остается тайной, но народъ, стонущій подъ бременемъ налоговъ, въ правѣ спросить: — Куда идутъ его гроши, добытые потомъ и кровью? Что сдѣлано уже, и на что надѣются въ бу-

дущемъ?—Вѣдь и алхимики, въ поискахъ за философскимъ камнемъ, тратили бѣшенныя суммы, разорялись сами и разоряли правителей, жертвовавшихъ для производства ихъ опытовъ народнымъ достояніемъ!..

— Не возвратились же мы къ темному царству среднихъ вѣковъ! Свѣту! Хотя немного свѣту въ этомъ темномъ дѣлѣ! — закончилъ онъ, спускаясь съ трибуны.

— Посмотримъ, какъ-то они вывернутся! — промолвилъ нѣмецкій дипломатъ, склонившись къ своему сосѣду, французу. — Отмолчаться какъ будто бы не удастся!

Сосѣдъ сдержанно разсмѣялся.

— Вы не надѣетесь?—спросилъ нѣмецъ.

— Нѣтъ, не то!.. я подумалъ: кому бы пришло въ голову, два года тому назадъ, сказать — у насъ или у васъ—„Нѣтъ больше Богезовъ!“—а вотъ теперь мы—союзники...

— Союзники передъ общимъ врагомъ...

— Тсс... тсс...—раздалось кругомъ.

На трибуну поднимался военный министръ.

— Господа!;—заговорилъ онъ, — тайна, извѣстная двумъ лицамъ, уже не тайна. Я самъ знаю не многимъ больше вашего. Я только исполнитель поручаемыхъ мною приказаній. Я вѣрю и васъ прошу вѣрить, что все дѣлается для блага и величія Соединеннаго Королевства.

Глухой ропотъ негодованія, какъ шквалъ передъ бурей, пробѣжалъ по скамьямъ депутатовъ, отозвался въ переполненныхъ ложахъ и мѣстахъ для публики...

— Et ça va!—не утерпѣлъ французъ.

— Et ça ira!—поддержалъ его нѣмецъ.

Выступленіе лидера оппозиціи было встрѣчено громомъ аплодисментовъ.

Но... тутъ произошло событіе, которому во всей исторіи Англіи не было прецедентовъ...

Не успѣлъ еще лордъ Блэккюрентъ начать рѣчь, какъ предсѣдатель, кинувъ ему отрывистое — „Silence!“—поспѣшно оставилъ свое мѣсто и, низко склонивъ голову, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ боковой двери, откуда только что появился... Эдуардъ VII...

Пожилой gentleman тѣмъ же размѣреннымъ, спокойнымъ шагомъ, какимъ совершалъ свои обычныя, ежедневныя прогулки въ паркѣ, вышелъ впередъ и заговорилъ:

— Господа! Военный министръ сказалъ вамъ немного, но и я не скажу вамъ большаго... (Движеніе). Вы, народные представители, требуете отчета въ израсходованіи народныхъ денегъ. — Я не дамъ вамъ этого отчета... (Сильное движеніе, даже ропотъ). Каждый изъ васъ къ чему-нибудь стремится, а мнѣ желать нечего, я—король Англіи! Единственное доступное мнѣ тщеславіе—видѣть ее великой и ея народы—благоденствующими!.. — Вы, представители этого народа, говорите, что на плечи его возложено непосильное бремя, и что виною тому непонятныя, ничѣмъ неоправдываемыя расходы на „Долину Тайнтъ?...“ И все-таки тайны ея я вамъ не открою!...—Расходы?—Чтобы снять бремя ихъ съ плательщиковъ налоговъ, я принимаю ихъ на себя!.. — Мало? — туда же всѣ средства моей семьи!—И того не хватитъ?—надѣюсь.

что благородные лорды и уважаемые дѣятели Сити придутъ мнѣ на помощь, повѣрятъ въ долгъ на слово!.. — Но дѣло не въ деньгахъ, и не за тѣмъ я пришелъ къ вамъ!.. — Я прошу вашего довѣрія!.. — Сэръ!—закончилъ онъ, обращаясь къ предсѣдателю,— исполните вашу обязанность!

Блѣдный, какъ полотно, но вполне овладѣвшій собою, предсѣдатель провозгласилъ:

— Вотируется довѣріе Эдуарду VII, королю Англіи, Шотландіи и Ирландіи, императору Индіи!.. Несогласныхъ прошусѣсть!..—онъ обвелъ глазами, торжественные въ ихъ безмолвіи, ряды депутатовъ и закончилъ: — Принято единогласно!..

Эдуардъ VII слегка поклонился, сдѣлалъ привѣтственный жестъ рукой и тѣмъ же увѣреннымъ, спокойнымъ шагомъ, высоко поднявъ голову, направился къ выходу.

Никогда еще стѣны стараго аббатства не видали такой бури!..

— Voilà un coup de maître!—восторженно воскликнулъ французъ, забывъ всю свою дипломатическую выдержку...

— А наша кампанія въ самой Англіи безнадежно проиграна! — сердито прервалъ его нѣмецъ. — Теперь уже не наладишь ни за какія деньги!.. Попробуемъ иначе...

Онъ былъ правъ. — Уже вечернія газеты пестрѣли заголовками— „Король въ парламентъ“.

На слѣдующее утро — былъ апофеозъ. — Изъ устъ

Царица міра.

въ уста передавалось крылатое изреченіе лордъ-мэра— „Джентльмену на слово? — сколько угодно!“ — и ужъ къ полдню англійскій банкъ записаль десятки милліоновъ фунтовъ вкладовъ подъ девизомъ— „Эдуарду, на-слово“.

Всемирная коалиція.

Да! дѣйствовать приходилось иначе и, притомъ, немедленно!

Какъ ни широко были раскинуты сторожевые посты, опоясывавшіе котловину, замкнутую съ сѣвера вершиной Бен-Мак-Дьюи, они могли уберечь отъ нескромнаго взгляда лишь глубину „Долины Тайнъ“, а небо надъ нею оставалось доступнымъ для наблюдений:—нельзя же было обезлюдить страну на десятки миль въ окружности! — Конечно, можно было бы воспретить употребленіе зрительныхъ трубъ и биноклей въ извѣстномъ раіонѣ, но... запретить легко, а какъ провести въ жизнь такое запрещеніе?..

Съ цѣлью хотя бы затруднить дѣятельность астрономовъ-любителей, подъемы воздушныхъ кораблей производились исключительно по ночамъ и притомъ, по возможности, въ темныя, безлунныя ночи. — Тѣмъ не менѣе, при большомъ числѣ наблюдателей, трудами опытныхъ людей, сводившихъ въ одно цѣлое получаемыя отъ нихъ свѣдѣнія, воссоздавалась понемногу картина будущаго, картина характера весьма угрожающаго.— Сначала рассказывали лишь о томъ, какъ воздушныя чудовища рѣютъ надъ долиной, то несясь съ неимоверной скоростью, то, паря въ воздухѣ, собираясь въ

группы... Потомъ пошли вѣсти еще болѣе тревожныя— утверждали, что, взвившись къ небу, они исчезали и не возвращались къ утру, и что ихъ отсутствіе измѣрялось не часами, а днями, даже недѣлями... Были нѣкоторые намеки на то, что на континентѣ знали даже больше, чѣмъ могли бы сообщить непосредственные наблюдатели...

Это послѣднее обстоятельство особенно тревожило капитана Гардстона, который, чаще обыкновеннаго, являлся къ королю и совѣщался съ нимъ—какъ всегда, съ глазу на глазъ—въ центрѣ обширнаго граунда Уиндзорскаго парка.—О чемъ они говорили—оставалось тайной.

Но не дремали и тѣ, что признавали необходимымъ „дѣйствовать иначе“.

Повидимому, карты были брошены на столъ. Игра пошла въ открытую. Застрѣльщиками выступили континентальные газеты и журналы (очевидно руководимые и субсидируемые), которые, оставивъ намеки и притчи, заговорили о „мировомъ заговорѣ“, о замыслѣ Британіи сдѣлаться не только владычицей морей, но владычицей міра, пользуясь новой, всеокрушающей силой, секретъ которой случайно попалъ въ ея руки, и при посредствѣ которой она стремится создать „монополію могущества“...

Печать, эта новая великая держава, шумѣла и возмущалась, а дипломаты, въ тиши своихъ кабинетовъ, писали ноты, или договаривались лично при „совершенно случайныхъ“ встрѣчахъ на водахъ или морскихъ купаньяхъ... Въ результатѣ, въ германскихъ газетахъ появилось воззваніе, которое стоустой молвой

приписывалось перу самого императора Вильгельма.— Это воззваніе, переведенное на всѣ языки, было перепечатано въ самыхъ глухихъ уголкахъ міра и всюду, даже въ Китаѣ, даже въ мелкихъ республикахъ Южной Америки и въ еще формирующихся государствахъ Африки, нашло горячій откликъ.

Вотъ текстъ его:

НАЦИИ ВСЕГО МІРА, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!

— Величайшіе умы нашего вѣка не могутъ разрѣшить проблемы, на рѣшеніе которой случайно наткнулся офицеръ британскаго флота. Если бы „generator“ не сдѣлался военной тайной британскаго правительства, какіе безпредѣльные горизонты были бы намъ открыты! Владѣть воздухомъ! — Миѳъ объ Икарѣ—сказка, ставшая дѣйствительностью!—Ни моря, ни безводныя пустыни, ни цѣпи горъ, дремлющихъ подъ шапками вѣчныхъ снѣговъ, не разъединяли бы между собою нынѣ разобщенныя группы человѣчества. Человѣкъ—царь воздуха—былъ бы, какъ воздухъ, свободенъ! Но намъ не дано права воспользоваться всѣми неисчислимыми благами, которыя несетъ съ собою открытіе generator'a!—Англія объявила его своей привилегіей!—Съ какой цѣлью? Только съ коммерческой?—О! конечно, съ коммерческой, но въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова!—Превратившись изъ „Владычицы морей“ въ „Царицу воздуха“, она сдѣлается „Царицей міра“ и мы, всѣ, донныя свободныя, націи, насчитывающія тысячи лѣтъ упорнаго труда, мирной и кровавой борьбы за право жить и быть самими собою,—мы станемъ ея рабами!

Противъ этого грознаго призрака, противъ этой всемірной тираніи—

НАЦИИ ВСЕГО МІРА, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!

Такъ писали, такъ шумѣли газеты... А въ тиши дипломатическихъ кабинетовъ уже создавался планъ всемірной коалиціи, ставящей своей цѣлью принудить Англiю (хотя бы открытой силой, если нельзя иначе) подѣлиться съ міромъ великимъ открытіемъ...

Надо-ли говорить о томъ впечатлѣніи, которое вся эта кампанія вызвала среди гражданъ Соединеннаго Королевства? — Это было какое-то упомоѣшательство!—Не представители народа, а весь народъ вотировалъ довѣріе королю въ осуществленіи его грандіозныхъ плановъ...

Разсказывали, что кака-то нищенка явилась въ англійскій банкъ и требовала, чтобы отъ нея приняли вкладъ—какихъ-то 9 пенсовъ—„Эдуарду на-слово“...

Гвардейскіе полки просили, какъ милости, послать ихъ на охрану „Долины Тайнъ“, если „этимъ гайлендерамъ“ ихъ служба кажется тяжелой, а „эти гайлендеры“, недавно почти открыто роптавшіе, заявляли, что не останутся передъ братоубійственной распрей, огнемъ и мечомъ встрѣтить дерзкихъ, которые попытаются смѣнить ихъ на почетномъ посту...

Въ то же время дипломаты все писали свои весьма секретныя бумаги, встрѣчались „случайно“ на водахъ и на морскихъ купаньяхъ...

Что-то назрѣвало...

Подъ предлогомъ маневровъ или провѣрки канце-

лярской работы штабовъ, мобилизовались арміи, формировались эскадры...

Капитанъ Гардстонъ, въ теченіе двухъ лѣтъ лишь изрѣдка заглядывавшій въ Уиндзоръ, такъ рѣдко пользовавшійся своимъ правомъ аудіенціи „въ центрѣ граунда“, гдѣ ни одна душа не могла подслушать его разговоровъ съ королемъ,—сдѣлался во дворцѣ обычнымъ гостемъ...

Отнюдь не подавая вида, что придаетъ какое-либо значеніе всѣмъ этимъ слухамъ и сплетнямъ, Англія, подъ тѣми же благовидными предлогами, мобилизовала весь свой флотъ, комплектовала армію, созывала въ учебные сборы полки милиціи... Этихъ послѣднихъ, то-есть милиціонеровъ, особенно трудно было сдерживать въ ихъ чрезмѣрномъ рвеніи: шотландцы подавали петицію за петиціей, заявляя, что поголовно становятся въ ряды дѣйствующихъ войскъ, что въ „Долину Тайнъ“ врагъ сможетъ проникнуть лишь послѣ того, какъ имъ будетъ уничтожено все населеніе, способное носить оружіе и драться съ непріателемъ. „хотя бы на ножахъ!“

Открытаго выступленія еще не было; разрывъ еще не былъ объявленъ, но онъ чувствовался въ воздухѣ...

Въ этой прелиминарной игрѣ Англіи, какъ казалось, не повезло...

Гигантскій транспортъ, везшій въ Коломбо два батальона 47-го Шотландскаго полка и массу какихъ то запасовъ, пропала безъ вѣсти по выходѣ изъ Адена.

Два огромные парохода, спеціально зафрахтованные у компаніи „P. and O.“, переполненные какимъ-то военнымъ грузомъ, — миновавъ Коломбо, такъ и не

прибыли ни въ Гонгъ-Конгъ, куда были адресованы, ни въ промежуточные порта.

Бюро „Veritas“ (въ Парижѣ) за какіе-нибудь два мѣсяца занесло въ списокъ „безъ вѣсти пропавшихъ“ судовъ вдвое больше, чѣмъ за годъ... И все подъ англійскимъ флагомъ!..

Общественное мнѣніе Англии, столь вѣрно отражаемое ея высоко корректной печатью, было смущено.

Появились, сначала робкія, а потомъ все болѣе и болѣе рѣзкія, замѣтки на тему, что „политика авантюръ — самая плохая политика“, что не персть ли Божій указываетъ—„Опомнитесь!“

Безсмертный лозунгъ—„Эдуарду на-слово“ съ каждымъ днемъ терялъ свое обаяніе...

И, наконецъ, пришелъ день, когда, только вѣками воспитанная политическая выдержка англійскаго народа, спасла королевство отъ всеокрушающаго взрыва...

Это было 15-го іюля...

VI.

Катастрофа.

Чтобы не утомлять читателей передачей всѣхъ слуховъ, сплетень, рассказовъ очевидцевъ и тѣхъ, которые выдавали себя за очевидцевъ, позволимъ себѣ ограничиться приведеніемъ одного только правительственного сообщенія, сухого, сжатаго, но дающаго достаточно яркую картину разразившагося бѣдствія.

„Еще 14 іюля метеорологическія станціи предупредили о жестокомъ штормѣ отъ SW, надвигающемся на центральную Шотландію. Съ утра, 15 іюля, послѣ цѣлаго ряда дней тихой и ясной погоды, начали налетать шевалы, а къ вечеру заревѣлъ штормъ необычайной силы, сопровождаемый дождемъ.—Люди съ трудомъ удерживались на ногахъ.

„Въ 10 ч. 43 м. вечера того же числа командиръ 36-го полка, полковникъ Лесли, бывшій въ тотъ день начальникомъ охраннаго района и находившійся въ зданіи главнаго караула (по дорогѣ въ Бальмораль) получилъ донесеніе, что съ постовъ видно надъ „Долиной“ какое-то зарево, и одновременно же—телеграмму отъ капитана Гардстона, гласившую:—„Пожаръ главнаго депо. Подозрѣваю злоумышленіе. Катастрофа неизбежна. Попытаюсь спастись въ воздухѣ. Штормъ—надежды мало. Все равно—гибель и здѣсь. Не пытайтесь тушить—поведете людей на вѣрную смерть. Хуже изверженія вулкана. Помогите намъ Богъ. Привѣтъ роднымъ! Rule, Britania!“

„Не смотря на полученное предостереженіе, полковникъ Лесли во главѣ своихъ людей, уже собравшихся по первой тревогѣ, поспѣшилъ на помощь и такой же приказъ далъ (по телеграфу) на всѣ главные посты.

„Идти по размытой дождемъ дорогѣ противъ яростнаго вѣтра было крайне затруднительно. Люди спотыкались о камни, скользили по откосамъ, падали, поднимались, измученные, окровавленные, но шли впередъ, побуждаемые энергіей своего начальника. Достигнувъ перевала, передъ спускомъ въ долину, они могли убѣ-

даться въ тщетѣ своихъ надеждъ. Городокъ „Долины“ представлялъ собою море пламени. Высоко надъ пожарищемъ, озаренные его отблескомъ, держались корабли воздушной эскадры. Насколько возможно было замѣтить, строй ихъ былъ неправильный, и они „по-способности“ старались только „выгрести“ противъ вѣтра, не быть унесенными штормомъ. Повидимому, на такую борьбу не хватало силъ. Замѣтно для глаза, эскадра, державшая курсъ SW, сдавалась къ NO...

„Въ тотъ моментъ, когда доблестный полковникъ и его незнающіе страха шотландцы начали спускаться въ долину, произошелъ взрывъ главнаго депо. Дѣйствительно, въ родѣ изверженія вулкана! Глыбы камня, желѣзныя балки взбрасывались на высоту нѣсколькихъ сотъ футъ и, подхваченныя штормомъ, относились отъ мѣста катастрофы на многія мили... За первымъ взрывомъ слѣдовали другіе, но уже меньшей силы.

„Брошенные на землю, полузадушенные огненнымъ ураганомъ, несшимъ съ собою ядовитыя газы, наши молодцы, едва опомнившись, все же стремились впередъ, но полковникъ Лесли остановилъ ихъ порывъ. Безполезно было бороться со стихіей. Есть невозможное и для героевъ...

„Послѣ взрыва воздушная эскадра пришла въ еще большее разстройство. Казалось, что нѣкоторое время она пыталась укрыться за массивомъ горы Бен-Мак-Дьюи, но попытка эта успѣха не имѣла. Спуститься на землю въ такой штормъ — значило бы разбиться.

„Все это время беспроволочный телеграфъ принималъ непонятныя депеши. Очевидно, капитанъ Гард-

стонъ отдавалъ приказанія эскадрѣ по своему „своду сигналовъ воздушнаго флота“.

„Въ 11 ч. 37 м. аппаратъ принялъ: „Передать королю:—Пробую пуститься попутнымъ штормомъ. Можетъ быть, удастся перелетѣть море, склониться къ югу. Ищите—Швеція, Финляндія. Помогите намъ Богъ! Люди помочь намъ не могутъ“.

„Со всѣми государствами, лежащими къ востоку отъ Англїи, уже вступлено въ сношенія. Отовсюду получены завѣренія, что будутъ приняты всѣ мѣры содѣйствія воздухоплавателямъ, если они гдѣ-либо спустятся.

„На случай, если бы имъ не удалось выгрести къ югу, всѣмъ крейсерскимъ отрядамъ королевскаго флота приказано, какъ только ослабѣтъ штормъ, идти въ море, обыскать весь возможный путь эскадры, не исключая острововъ Ледовитаго океана“.

Это сообщеніе появилось утромъ 16 іюля.

Вечеромъ того же дня вышло второе, весьма краткое: „О воздушной эскадрѣ нѣтъ никакихъ извѣстій“.

Тоже и въ послѣдующіе дни...

Наконецъ, всякая надежда была утрачена... Газеты вышли въ траурныхъ рамкахъ...

„Надѣнемъ трауръ, почтимъ память героевъ, которые мечтали, во славу Англїи, покорить стихію, но пали въ неравной борьбѣ—писалъ „Times“.—По доброй волѣ они обрекли себя на великій подвигъ отшельничества и молчанія, храня въ своей „Долинѣ“ священную тайну, которая, явись міру во всемъ своемъ блескѣ, дала бы ихъ родинѣ владычество надъ нимъ... Эту тайну унесли они съ собой въ могилу... Но не

надо терять надежды! Что удалось капитану Гардстону, то может удастся и другому. Одушевленные вѣрою въ Провидѣніе, ведущее Англію къ славѣ и могуществу, мы найдемъ утраченное, мы вновь откроемъ тайну generator'a“!..

„Надежда—вещь хорошая (острилъ по этому поводу „Matin“) и мы тоже смѣемъ надѣяться, что этотъ кошмаръ, нависшій надъ міромъ, разсѣялся безслѣдно и навсегда. Болѣе двухсотъ ученыхъ (и даже любителей!) трудились надъ разгадкой секрета, нынѣ благополучно погребеннаго въ волнахъ Ледовитаго океана. Было бы невѣроятно и даже несправедливо, если бы нашей сосѣдкѣ второй разъ подъ-рядъ привалило такое сумасшедшее счастье. Будемъ вѣрить, что когда вновь кто-нибудь откроетъ generator, то эта честь выпадетъ на долю ученаго, который облагодѣтельствуетъ міръ своимъ открытіемъ, а не дастъ его въ руки хищника, мечтающаго о всесвѣтномъ владычествѣ!“

Ликованіе и злорадство были всеобщими, хотя официально ни одно государство не преминуло выразить королю Эдуарду своего глубокаго сочувствія по поводу разразившейся катастрофы.

Одни только германскіе офиціозы, а за ними и прочія германскія газеты, какъ будто, не особенно радовались. Появилась карикатура (которую приписывали карандашу Вильгельма II), изображавшая „Похороны воздушнаго флота“ и представлявшая собою пародію на общеизвѣстную—„Какъ мыши kota хоронили“. Германская дипломатія прилагала всѣ усилія, чтобы завершить почти налаженное дѣло организациі мировой коалиціи противъ Англіи. Указывалось, что

вѣдь нигдѣ не нашли даже и слѣда воздушнаго флота, и, если онъ исчезъ такъ безслѣдно, то это не можетъ не возбуждать подозрѣній. Можетъ быть, онъ только скрылся до времени... Нельзя пропускать благоприятнаго момента, надо воспользоваться недовольствомъ, царящимъ въ Англіи, и разъ навсегда отбить у нея охоту къ подобнымъ затѣямъ.

Надъ этими страхами только смѣялись, а къ предостереженіямъ относились подозрительно.

Извѣстный *Caran d'Ach* выпустилъ двѣ карикатуры, изъ которыхъ первая называлась „Воздушная опасность“, а вторая—„Націи всего міра, объединяйтесь въ мою пользу!“

На первой бжлѣ изображенъ императоръ Вильгельмъ, несущійся верхомъ, маршь-маршемъ, мимо представителей всѣхъ народовъ и указывающій имъ на страшнаго видомъ воздушнаго змѣя, веревка котораго привязана къ хвосту его же лошади, а на второй—тотъ же Вильгельмъ отчаяннымъ жестомъ указываетъ тѣмъ же представителямъ на огромную жаровню съ каштанами.

Правы ли были, однакоже, и тѣ, что безопасно подсмѣивались, и тѣ, что руководились исключительно подозрительностью и недовѣріемъ?..

Опять въ Дургэмъ.

Послѣ трагической гибели любимой дочери, мистрисъ Старфордъ, своей бодростью и живостью возбуждавшая въ сверстницахъ чувство восхищенія (не безъ

примѣси зависти), вдругъ постарѣла на десять лѣтъ, если не больше.

Хуже того—она начала хворать, чего до тѣхъ поръ съ ней никогда не случалось.

Пожалуй, капитанъ Гардстонъ былъ правъ, требуя отъ племянницы, чтобы она ни въ какомъ случаѣ не покидала тетки, которую самъ онъ называлъ „полуживымъ, чтобы не сказать полумертвымъ“ человѣкомъ.

И, надо отдать справедливость, Мэдъжъ свято исполнила принятую на себя обязанность. Не только сестра милосердія, но и родная дочь не могла бы ухаживать за больной съ такой заботой, съ такимъ самоотверженіемъ...

Свѣтила медицинской науки выписывались не только изъ Лондона, но даже съ континента.

Средства для этого имѣлись въ избыткѣ, такъ какъ, уѣзжая, дядя Джорджъ со словами—„на расходы“—сунулъ ей въ руки чековую книжку на солидную сумму, но она, словно испугавшись, поспѣшила запереть ее въ ящикъ стола... Ей ли нужны были деньги?..

Профессора собирались на консилиумы, говорили между собой на плохомъ, но зато никому непонятномъ, латинскомъ языкѣ, ставили діагнозы, многозначительно покачивали головами, засыпали Мэдъжъ мудреными названіями, никогда ею не слыханныхъ, болѣзней, а когда она скромно просила ихъ говорить по-человѣчески — сердились и коротко отрѣзывали: „Сердце слабо... къ тому же старость... Перемѣна обстановки... легкія развлеченія... конечно, укрѣпляющая діета... Главное—отогнать гнетущую мысль“...

Легко было прописывать такіе рецепты, но какъ было ихъ исполнить, когда малѣйшій намекъ на необходимость покинуть Дургэмъ вызывалъ страшнѣйшее возбужденіе, кончавшееся припадкомъ удушья.

— Нѣтъ, Мэджъ!.. Нѣтъ, моя милая!.. Вы должны обѣщать, что не только похороните меня рядомъ съ нею, но и умереть дадите здѣсь, у этого окна, черезъ которое я вижу ограду владбища и старый букъ, склонившійся надъ ея могилкой...

Мэджъ плакала и клялась исполнить ея волю ..

Какихъ только предосторожностей не было принято, чтобы утаить отъ больной извѣстіе о катастрофѣ 15 іюля... И все-таки, уже 18-го она узнала о ней... узнала изъ несвязныхъ, сердечныхъ словъ соболѣзнованія бѣдной женщины, которой она раньше много помогала, и которая, увидѣвъ у окна „свою добрую лэди“, не могла удержаться, чтобы не подбѣжать къ ней, не высказать ей своего участія въ горѣ...

Съ трудомъ привели ее въ чувство послѣ глубокаго обморока.

Она уже не въ силахъ была подняться съ постели, только просила переставить постель такъ, чтобы черезъ окно ей былъ виденъ старый букъ, осѣнявшій своими вѣтвями могилку ея маленькой Грэсъ.

— Тетя! Милая!—шептала Мэджъ, склоняясь надъ ея изголовьемъ,—не падайте духомъ! Вѣдь дядя Джорджъ собирался держаться въ воздухѣ недѣли, мѣсяцы! Ну, что имъ стоило перелетѣть Сѣверное море! Можетъ быть, ихъ отнесло къ сѣверу, но вѣдь Норвегія,

Швеція, Россія—уже послали особья экспедиціи, чтобы исхать ихъ среди горъ, среди тундръ, гдѣ они могли бы спуститься! Наконецъ, вѣдь крейсера всѣхъ европейскихъ флотовъ полнымъ ходомъ рыщутъ по Ледовитому океану, обыскиваютъ каждый островокъ, осматриваютъ каждую льдину!.. Ихъ найдутъ!..

— Да будетъ воля Твоя...—въ полузабытїи говорила мистрисъ Старфордъ.—Жаль ее... Напрасная жертва...

Мэджъ отшатнулась, словно ее ударили, и невѣрными шагами, судорожно схватившись за голову, вышла изъ комнаты.

— Напрасная жертва... да... напрасная жертва...—стучало у нея въ вискахъ...

Старый Вилли принуждѣнъ былъ совершить величайшую некорректность—схватить ее за руку—чтобы обратить на себя ея вниманіе.

— Что такое?..

— Письмо... Почеркъ молодого барина...

Онъ протягивалъ ей какой-то смятый, грязный конвертъ...

— Адресовано старой лэди... но я подумалъ... можно ли ей передать сейчасъ?.. лучше черезъ ваши руки... а, можетъ быть, и совсѣмъ нельзя?..

— Конечно, Вилли, конечно! Вы не слуга, а старый другъ...—говорила Мэджъ торопливо, но тщательно оглядывая конвертъ со всѣхъ сторонъ и уже вполне овладѣвъ собою.—Мы вмѣстѣ съ вами прочтемъ письмо и вмѣстѣ рѣшимъ, какъ поступить.

Она вынула шпильку изъ волосъ, осторожно вскрыла ею конвертъ, бережно расправила на рукѣ закрывав-

шійся внутри листовъ, видимо, вырванный изъ записной книжки, и прочла вполголоса:

„Здоровъ, бодръ и полонъ надеждъ. Что бы ни случилось, нельзя терять надежды. Ею мы живы. „Скоро приду къ Тебѣ и не разстанусь съ Тобой во вѣкъ... Въ Тебѣ ли я усумнюся?“

Старый Вилли отвернулся въ сторону, словно солнце слишкомъ ярко било ему въ глаза, и шумно высморкался.

— Ну что-же?—промолвилъ онъ.—Отчего не показать?.. Значитъ умеръ добрымъ христіаниномъ... Упокой, Господи, его душу!.. Это будетъ ей утѣшеніемъ...

Въ своемъ смущеніи онъ не замѣтилъ, какъ быстро убитая горемъ женщина превратилась въ прежнюю гордую и властную красавицу, какъ заботливо спрятала она въ карманъ грязный, измятый конвертъ, какъ спокойно и увѣренно отвѣтила ему:

— Конечно, Вилли! вы правы—такъ я и сдѣлаю.

— Письмо Джемми... да... его рукой... 15 іюля... тотъ самый день...—съ трудомъ выговаривала мистрисъ Старфордъ, покрывая поцѣлуями лоскутокъ бумаги.— „Скоро приду къ Тебѣ и не разстанусь съ Тобой во вѣкъ“... да... да... онъ вѣрно... предчувствовалъ... да... скоро мы свидимся...

Не то стоить, не то рыданіе прервали ея несвязный лепетъ...

Это Мэдждъ, упавъ на колѣни, прятала свое лицо въ складкахъ одѣяла...

— Мэджь! my darling! Будьте тверды въ горѣ... Или мнѣ утѣшать васъ?.. вспомните, что ваша мать была Hard-Stone!..

Жестокая борьба происходила въ сердцѣ молодой женщины.—Открыть „ей“ истинный смыслъ „этихъ“ словъ? Сказать „ей“ то, въ чемъ она почти увѣрена?—Вѣдь, можетъ быть, это цѣна жизни! „Ея“ жизни, этой милой, любимой...—Но вѣдь это жъ—открыть тайну... Господи! неужели необходима еще жертва? еще?..—Но если такъ нужно для блага родины?.. Deutschland über alles!

Ея рѣшеніе было принято. Отступать было поздно...

Вернувшись съ похоронъ, Мэджь спѣшно укладывала свои вещи, готовясь къ отъѣзду, когда въ ея комнату вошелъ старый Вилли и, низко склонивъ свою лысую голову, спросилъ:—Каковы будутъ приказанія милэди?

— Что такое?..

— За смертью миссъ Грэсъ, лейтенанта Старфорда, капитана Гардстона и, наконецъ, мистрисъ Старфордъ—упокой, Господи, ихъ души—милэди является здѣсь единственной наслѣдницей и хозяйкой...

— Нѣтъ! нѣтъ!—съ необычнымъ возбужденіемъ заговорила Мэджь.—Не теряйте надежды! Они еще вернутся! Они непременно вернутся!.. Вотъ, вотъ,—она поспѣшно достала изъ ящика и передала ему чековую книжку дяди Джорджа.—Тутъ хватитъ на всякіе расходы и не на одинъ годъ... Чтобы все было по старому! Ничего, ничего не мѣнять! Ждите вашихъ на-

стоящихъ хозяевъ!.. А мнѣ—экипажъ... скорѣе, чтобы не опоздать...

Старикъ поклонился, принялъ чековую книжку, отступилъ къ двери, поклонился еще разъ и вышелъ, тяжело вздыхая и бормоча про себя, что такія несчастія, одно за другимъ, хоть въ комъ помутятъ разсудокъ... Вѣдь онъ и не подозрѣвалъ, что еще вчера утромъ по условному адресу было отправлено письмо, приблизительно, такого содержанія:

„18 іюля получено письмо отъ Д.—Конвертъ грязный, мятый, даже виденъ отпечатокъ каблука. Несомнѣнно валялось на землѣ, подобрано и опущено въ почтовый ящикъ *). Поверхъ грязи отчетливо виденъ штемпель—„Дублинъ, 16 іюля“.—Текстъ помѣченъ—„15 іюля“. Какъ текстъ, такъ и адресъ на конвертѣ писанъ ровнымъ, спокойнымъ почеркомъ, чернилами. Очевидно, заранѣе, до „катастрофы“. Значить—отбытіе предвидѣли, и катастрофа—мнимая. Штемпель „Дублинъ“. Значить, вовсе не унесены штормомъ къ полюсу, а шли противъ вѣтра на SW. Мой Д., желая дать мнѣ вѣсть о себѣ, бросилъ заранѣе приготовленное письмо, когда они проходили надъ Ирландіей. А вотъ и его слова: „Скоро приду къ Тебѣ и не разстанусь съ Тобою во-вѣкъ“. Кажется, ясно.“

*) Надо замѣтить, что въ Англии корреспонденція—священна. Всякій, замѣтившій лежащее на землѣ письмо, кто-бы онъ ни былъ, считаетъ своимъ долгомъ подобрать его и опустить въ ближайшій почтовый ящикъ.

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

I.

Первая ласточка.

Эдуардъ VII свято сдержалъ свое королевское слово. Ни одинъ пенни изъ баснословной суммы, затраченной на предпріятіе, завершившееся катастрофой, не легъ бременемъ на плечи плательщиковъ налоговъ. Все было уплачено изъ личныхъ средствъ королевской семьи... Но этого мало! Онъ спѣшилъ, какъ можно скорѣе, расплатиться и съ тѣми, что внесли въ англійскій банкъ свои вклады — „Эдуарду, на-слово“. Часть этихъ вкладовъ была израсходована...

Тщетно протестовали благородные лорды, возмущались богатѣйшія фирмы и сѣрдились вкладчики, принесшіе свои трудовые шиллинги, — чиновники банка отвѣчали имъ: — „Выдайте росписку въ полученіи вклада обратно и, если желаете, жертвуйте эти деньги на благотворительность, или хоть бросьте ихъ въ воду. Слово „старого джентльмена“ дороже золота. Онъ бралъ въ долгъ и возвращаетъ взятое“.

„Король-нищій“ — это была кличка, которой можно было по праву гордиться! И, конечно, Эдуардъ VII вовсе не разсердился, когда, въ одно прекрасное утро, взявъ въ руки „Punch“, увидѣлъ на первой его страницѣ изображеніе собственной своей особы. По вер-

сін Punch'a, онъ (Эдуардъ VII) босикомъ, въ одной только рубашкѣ, сидѣлъ на камешкѣ возлѣ жаровни уличной торговли и, жадно улетаая у нея же купленный печеный картофель, говорилъ: „Я продалъ свои послѣдніе рваные штаны, но зато уплатилъ свои послѣдніе шесть пенсовъ долга, взятаго на-слово!“

А передъ нимъ стоялъ Mister Punch, такъ низко, такъ глубоко кланяясь, что перья его шутовской шляпы, которую онъ держалъ въ рукѣ, мели землю, и говорилъ—„Sir! you are gentleman“.

Да!.. Это—было шикарно!..

Со времени „катастрофы“ прошло около года...

Бобъ Бобсонъ, рядовой собственнаго его величества ирландскаго стрѣлковаго полка, скучая и (въ душѣ) бранясь, отмѣривалъ свои „пять шаговъ вправо и пять шаговъ влѣво“ отъ караульной будки на террасѣ Уиндзорскаго замка.

Конечно, можно было бы найти не мало постовъ еще глупѣе этого, но за ними было хоть право давности: когда-то утвердили и хранить по традиціи... А здѣсь? — всего 5 — 6 мѣсяцевъ тому назадъ выдумали... Ну, коего чорта тутъ караулить въ самомъ центрѣ королевской резиденціи!..

Нѣтъ!—Бобъ Бобсонъ совершенно не одобрялъ этой „блажи“ начальства. Тѣмъ болѣе, что послѣ вчерашней ночи, которую онъ провелъ съ „ней“, „вздыхая подъ зелеными ивами“, не только постель, но даже холодныя плиты террасы казались ему такими заманчивыми...

Однако-же Бобъ твердо боролся съ искушеніемъ, тѣшась мечтами...

— Скажемъ такъ (самъ себя подбадривалъ Боби): въ 2 ч. ночи—смѣна; сплю до шести; съ шести до восьми—на посту; опять смѣна... Около полдня смѣна караула — дома. Формальности... переодѣваніе — четверть часа... Значить — не позже какъ 20 мин. перваго...

Дальше онъ уже не могъ расчитывать своего времени по часамъ и минутамъ, такъ какъ по выходѣ изъ казармы, за угломъ, на первой скамейкѣ бульвара, подъ каштаномъ, его должна была ждать голубоглазая Фанни...—„Хороша дѣвченка!—разсуждалъ онъ. — Боюсь только не сбиль бы ея съ пути долговязый Джимъ...“

Жаркая, темная изъ-за тучъ, душная лѣтняя ночь, аромат цвѣтовъ, запахъ прѣлой зелени, доносившійся изъ парка, все какъ-то такъ отвѣчало этимъ несвязнымъ мечтамъ, нагоняло такую сладкую дрему...

Что-то большое, мягкое и упругое шлепнулось о плиты террасы неподалеку отъ него, раза два-три подпрыгнуло и... замерло...

Дремоты—какъ не бывало.

Ни на мгновеніе не растерявшись, твердо памятуя уставъ караульной службы, Боби вскинулъ ружье „на изготовку“ и крикнулъ—„Кто идетъ?“

Никто ему не отвѣтилъ, потому что никто не шелъ. „Оно“ лежало и не шевелилось.

— Кто идетъ?—повторилъ Боби.—Кто идетъ?—крикнулъ онъ въ третій разъ...

Никакого отвѣта... А вѣдь онъ видѣлъ, что „оно“

лежитъ совсѣмъ близко... можетъ быть, сейчасъ бросится...

Холодный потъ выступилъ на лбу браваго малаго... (вѣдь ирландцы такъ суевѣрны)... „Часовой обязанъ стрѣлять хотя бы по самому чорту, если тотъ не знаетъ пароля!“—вспомнилось ему изреченіе стараго фельдфебеля...

Сухой, рѣзкій трескъ выстрѣла нарушилъ тишину ночи...

Увѣренный, что всадилъ пулю по назначенію, Боби, готовый послать вторую, не спуская глазъ съ „него“, сдѣлалъ два шага назадъ и локтемъ правой руки нажалъ кнопку сигнала о тревогѣ...

„Оно“ оставалось неподвижнымъ и безмолвнымъ... Мгновенія казались вѣчностью...

Прошипѣвъ и проворчавъ что-то, вспыхнулъ надъ террасой дуговой фонарь, озаривъ своимъ свѣтомъ блѣднаго, какъ полотно, часового, не сходявшаго съ поста и державшаго на прицѣлѣ „что-то“, чье неожиданное появленіе наполнило его душу непонятнымъ страхомъ...

Наконецъ... о, радость!.. послышался дробный топъ бѣгущихъ людей.

— Разводящій и смѣна! — молніей мелькнуло въ головѣ Боби...

Донесся и звукъ стройнаго, размѣреннаго, бѣлаго шага бѣльшаго числа людей, очевидно, слѣдовавшихъ за передовыми...—Самъ караулъ!..

Боби вдругъ сдѣлалось такъ стыдно... Яркій свѣтъ, близость людей—разсѣяли ночные страхи... Онъ ясно видѣлъ, что передъ нимъ лежитъ какой-то мѣшокъ,

не имѣющій въ себѣ ничего дьявольскаго, что стрѣлять въ него, а тѣмъ болѣе поднимать тревогу, было, по меньшей мѣрѣ, глупо... Тѣмъ не менѣе онъ такъ и замеръ въ своей воинственной позиціи, не сводя „его“ съ прицѣла...

— Что такое? Съ кѣмъ вы тутъ воюете? — рывкнулъ, вскакивая на террасу, его взводный начальникъ, подлиннаго имени котораго въ полку не помнили, а звали попросту „Уискисода“.—Это?—продолжалъ онъ, сразу замѣтивъ предметъ, на который было наведено ружье Боби.—Это?—повторилъ онъ, ткнувъ „его“ ногою...

— Стопъ! стопъ! — прервалъ его начальникъ караула, спѣшно поднимавшійся по ступенямъ. — Въ чемъ дѣло?..

— Сэръ...—заговорилъ Боби, успѣвшій оправиться и взять ружье „къ ногѣ“,—осмѣлюсь доложить, что „это“ упало сверху...

— Съ неба, что-ли?—проговорилъ Уискисода...

— Да... именно... мнѣ показалось, что съ неба...

На этотъ отвѣтъ Уискисода вполголоса (изъ уваженія къ присутствію начальства) подалъ такую реплику, что передніе ряды караула такъ и колыхнулись отъ взрыва неудержимаго смѣха...

Казалось, однако-же, что начальникъ караула, лейтенантъ Муррей, вовсе не былъ склоненъ принять происшествіе въ шутку. — По его приказанію таинственный мѣшокъ перегернули... разъ, два...

— Ого!—воскликнулъ онъ...

На одной изъ сторонъ мѣшка было старательно

выписано крупными буквами (чернымъ по бѣлому)—
R. V. R. T. W.

— Несите за мной! — приказалъ лейтенантъ, направляясь въ караульное помѣщеніе.

Тревожные звонки, освѣщеніе парка среди ночи (выстрѣла почти никто не слышалъ) не могли не привлечь вниманія тѣхъ, кто долженъ былъ бодрствовать по долгу службы.

— Ну, что-жь, Муррей? Фальшивая тревога? Маленькій факель-цугъ?

Таковыми словами встрѣтилъ процессію дежурный адъютантъ короля, наскоро застегивавшій свою куртку.

— Сэръ,—строго-официальнымъ тономъ отвѣтилъ ему караульный начальникъ.—Благоволите немедленно разбудить короля и доложить, что на имя его величества полученъ пакетъ подъ лозунгомъ — R. V. R. T. W.

— Что такое?... Ничего не понимаю...

— Прошу въ точности исполнить мною сказанное. Это—царское приказаніе его величества, переданное мнѣ при смѣнѣ...

— Но я ничего не знаю...

— Не мое дѣло. Если вы отказываетесь, я самъ войду въ спальню короля, хотя бы силой...

— Оставьте угрозы.—Приказаніе его величества, вами мнѣ переданное, будетъ немедленно исполнено...

Что сказали бы, вѣрнѣе, что подумали бы члены дипломатическаго корпуса, если бы въ эту ночь они могли заглянуть въ королевскую уборную, куда, со-

гласно полученному приказанію, былъ внесенъ таинственный мѣшокъ?

Эдуардъ VII и его старшій камердинеръ, вдвоемъ, заперевъ двери на ключъ и вооружившись ножами и ножницами, вскрывали полученную посылку, ползая кругомъ ея на колѣняхъ...

Это былъ здоровый тюкъ неочищенного хлопка, зашитый въ холстину, украшенную магическими буквами.

— Ищите-жъ, Генри! Ищите хорошенько!—говорилъ король, задыхаясь отъ пыли и собственноручно копаясь въ грудѣ, которая все росла по мѣрѣ того, какъ ее тормозили...—Тутъ должно быть письмо!..

— Нашель! Сэръ! Нашель!..

Эдуардъ VII, съ ногъ до головы облѣпленный хлопкомъ, радостно вскочилъ на ноги, поспѣшно выхватилъ изъ его рукъ конвертъ, вскрылъ его, прочелъ находившуюся въ немъ коротенькую записку и съ крикомъ—„Перваго лорда адмиралтейства!“—бросился въ кабинетъ.

— Сэръ!—остановилъ его Генри. — Хорошо ли будетъ? Неужели дѣло не терпитъ до утра? Въ какомъ видѣ вы примете благороднаго лорда?..

— Ну, ну... конечно, вы правы... — засмѣялся король,—до утра подождать можно, хоть я, все равно, не засну!.. Да, да! старшій чортъ! отмѣйте этотъ день у себя въ календарѣ! Да не болтайте только! Это—для насъ съ вами!

II.

Игра въ открытую.

Необычайное происшествіе, конечно, несмотря на всѣ принятія мѣры, не могло сохраниться въ тайнѣ. Слишкомъ много было свидѣтелей полученія „посылки съ неба“, а вѣдь довольно было проболтаться и одному...

На континентѣ зашевелились... „Berliner Tageblatt“ проповѣдывалъ крестовый походъ, а „Journal de St. Petersbourg“ краснорѣчиво цитировалъ безсмертную фразу Петра Великаго: „Упущеніе времени—смерти безвозвратной подобно!“—„Matin“ и даже „Gaulois“ рекомендовали „раздавить гидру раньше, чѣмъ она вошла въ силу“...

Помимо слуховъ были и факты тревожнаго характера. Несчетные станціонеры, которыхъ Англія содержала во всѣхъ портахъ міра, которые, казалось бы, корни пустили въ тѣхъ гаваняхъ, гдѣ пребывали многіе годы, снимались съ якоря и уходили въ ближайшіе англійскіе порта. Къ англійскимъ портамъ (по инстинкту, что-ли?) жались и безчисленныя суда англійскаго торговаго флота...

Къ половинѣ іюля все англійское сосредоточилось подъ сѣнью англійскаго флага...

Однако-же, какъ ни странно, проповѣдь хорошо освѣдомленныхъ офиціозовъ успѣха не имѣла. Дипломаты, разсыпаясь въ любезностяхъ другъ передъ другомъ, все еще выработывали наилучшія формулы соглашенія, пытались такъ или иначе обойти другъ друга, выторговать сальнѣйшій огарокъ, забывая про

стеариновую свѣчку... когда 15 іюля, утромъ,—телеграфъ оповѣстилъ міръ, что представители всѣхъ націй при англійскомъ дворѣ получили одновременно ноту нижеслѣдующаго содержания:

МЫ, ЭДУАРДЪ VII, КОРОЛЬ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ВЛАДЫЧИЦЫ МОРЕЙ, А ОТНЫНѢ ВЛАДЫЧИЦЫ ВОЗДУШНАГО ОКЕАНА И ЦАРИЦЫ МИРА,

и пр., и пр.

Объявляемъ всѣмъ народамъ земли Нашу волю:— Немедленно приступить къ разоруженію флотовъ и роспуску армій.—Милостью Божіей, получивъ въ свои руки оружіе, которому не можетъ противустать никакая сила, никакая организація, Мы рѣшили удержать его въ Нашемъ исключительномъ пользованіи на благо мира всего міра. Не для угнетенія, не для порабощенія націй! Нѣтъ! Пусть каждый народъ живетъ въ предѣлахъ своей территоріи, мирно совершенствуясь, не боясь насилія со стороны сосѣда, но и самъ чуждый мысли о всякомъ насиліи. Поднявшій мечъ отъ меча погибнетъ! Настало время перековать мечи на плуги! Двѣ тысячи лѣтъ проповѣдывалось слово Божіе, вызывающее къ миру, но міръ не принялъ его... И вотъ, облеченные безмѣрной властью, Мы требуемъ этого мира отъ народовъ, требуемъ силу, въ упованіи, что, сознавъ свою немощность, покорившись по принужденію,—они привыкнутъ къ мирному сожителству, и настанетъ время благоприятное для наступленія истиннаго Царствія Божія...

Господи, Боже силь! съ Нами буди! И кто противъ Насъ!.. Неисповѣдимы пути Твои!..

Мечъ грозный приносится въ міръ.

Мечъ святой правды занесетъ надъ народами.

Мечъ—сокрушеніе всякаго насилія.

Мечъ—охрана всякаго слабого и беззащитнаго.

Мы, милостію Всевышняго, пріявшіе этотъ мечъ въ свои недостойныя руки, клянемся Всемогущимъ Богомъ за себя и за наслѣдниковъ Нашихъ, что не употребимъ, дарованнаго Намъ, во зло народамъ міра, въ исключительную пользу Нашу или народа Нашего!..

Цѣль Наша—заповѣдь Христа—миръ всего міра!

Нѣтъ больше ни армій, ни крѣпостей, ни военныхъ флотовъ.

Существующія должны быть упразднены въ кратчайшій срокъ, или будутъ уничтожены Нами. И всякая попытка возстановить ихъ будетъ пресѣчена Нами въ корнѣ.

Народы міра! страхните съ себя бремя милитаризма, вздохните свободно и живите свободными, не страшась призрака насилія!

Воздушный флотъ, сверхъ-человѣческая сила, бодрствуетъ надъ вами и блюдетъ право cadaго!..

И горе тѣмъ, кто попытается нарушить всеобщій миръ, миръ Божій, который Мы провозглашаемъ!

Какъ Христосъ бичемъ изгналъ изъ дома Отца Своего людей, корысти ради, осквернявшихъ святое мѣсто, такъ Мы, силою ввѣренной Намъ, сотремъ съ лица земли всякое начинаніе, клонящееся къ возстановленію раздора между отдѣльными семьями великаго всемірнаго братства народовъ.

Да будетъ!

Того же 15 іюля надъ столицами всѣхъ великихъ державъ появились отряды воздушнаго флота.

Каждый отрядъ изъ пяти кораблей.

Одиночные корабли (крейсера?) рѣяли надъ второстепенными государствами.

Всякое сопротивленіе было не только безнадежно, но прямо безумно...

Кое-гдѣ осмѣлились, но эти попытки завершились полнымъ разгромомъ.

Дирижабли и убогіе аэропланы, какіе до того времени успѣли соорудить, взвившіеся къ небу и требовашіе удаленія дерзкаго врага, были безъ труда уничтожены...

Имъ ли было бороться съ царями воздуха, владѣвшими тайной generator'a!..

Страшнѣе и властнѣе грома небеснаго были телеграммы, которыя подавались ими на землю.

Всѣ онѣ имѣли тождественный смыслъ и даже внѣшней формой мало отличались одна отъ другой внѣ зависимости отъ мѣста подачи—въ Европѣ, Азін, Африкѣ или Америкѣ.

— Распустить армію, разоружить флотъ, взорвать склады и т. д.

Приступить ко всѣмъ этимъ дѣйствіямъ предписывалось немедленно, а срокъ выполненія назначался сообразно съ мѣстными условіями. Предупреждалось, что по истеченіи договорнаго срока придутъ делегаты, командированные правительствомъ „Царицы Міра“, и если они донесутъ о невыполненіи предъявленныхъ требованій, то корабли, крѣпости, заводы, склады, скопища войскъ—будутъ уничтожены „сверху“.

Кое-гдѣ, въ государствахъ, въ которыхъ, по на-

чалу, не оцѣнили еще во всей полнотѣ значенія новой силы и пробовали протестовать,—эту угрозу пришлось осуществить...

Первые же уроки сразу всѣхъ отрезвили.

Воздушные корабли, недоступные, неуязвимые, не торопясь, словно продѣлывая лабораторный опытъ, увѣренно бросали въ намѣченные пункты свои страшныя бомбы, несшія съ собой какое-то стихійное разрушеніе.

Въ нихъ, въ этихъ бомбахъ, былъ тотъ же генератор, который давалъ энергію двигателямъ воздушнаго флота, только иначе примѣненный.

Міръ покорился.

Да ничего другого и не оставалось дѣлать.

Золотой вѣкъ.

Наступилъ золотой вѣкъ. Мечи были перекованы на плуги.

Конечно, не обошлось безъ экономическихъ потрясеній. Многія фирмы обанкротились. Акціи предприятий, обслуживавшихъ флотъ и армію, потеряли всякую цѣну. Оружейные, бронепрокатные и т. п. заводы пришлось либо бросать, либо приспособлять подъ цѣли производства орудій промышленности.

Главный ударъ пришелся по капиталу, и этимъ только и объясняется, почему міровой переворотъ не вызвалъ міровой революціи. Правда, десятки милліоновъ рабочихъ остались на первое время безъ заработка, но,

пока промышленность не приспособилась къ новымъ условіямъ, правительства всѣхъ странъ могли оказать имъ широкую помощь изъ военныхъ фондовъ, а неприкосновенные (на случай войны) склады интендантствъ, оказавшіеся теперь вовсе ненужными, были колоссальнымъ богатствомъ, выброшеннымъ въ народъ.

Поступить такъ приказала „Царица Міра“.

Съ другой стороны десятки милліоновъ молодыхъ, здоровыхъ гражданъ, цвѣтъ народонаселенія, освобожденныхъ отъ воинской повинности, вернулись въ свои семьи къ продуктивному труду.

— Смотрите, какъ вздорожала жизнь! — пробовали проповѣдывать органы капиталистовъ стараго строя.

Но ихъ не слушали, такъ какъ это было явной неправдой.

Не жизнь вздорожала, а деньги подешевѣли. Платить дороже за право пользоваться всѣми благами жизни, ничего не дѣлая, приходилось тѣмъ, что жили за счетъ накопленнаго золота, и это золото уходило отъ нихъ въ руки тѣхъ, которые создавали всѣ блага жизни своимъ личнымъ трудомъ.

Трудъ вздорожалъ и казалось, что недалеко то время, когда онъ сдѣлается единственной цѣнностью.

На зарѣ жизни человѣчества, когда личный трудъ характеризовался обязанностями воина-защитника жилища и обязанностями рабочихъ по хозяйству, было уже нѣчто подобное. Тогда цари пировали со своими дружинниками (простыми солдатами), или съ ними

изъ одного кубка; тогда господа садились обѣдать за однимъ столомъ со своими слугами; тогда царская дочь Навзикая вмѣстѣ со своими служанками ѣздила на рѣку мыть бѣлье ихъ общихъ защитниковъ, проводившихъ время въ заботахъ войны и охоты. Это былъ чистый обмѣнъ труда. Всякій дѣлалъ, что могъ, не только для себя лично, но и для другихъ,—зато и другіе дѣлали для него то, въ чему самъ онъ отъ природы не былъ способенъ.

Да, да!—золотой вѣкъ возвращался на землю.

Великій завѣтъ — „трудящійся да ястъ“ — готовился сдѣлаться основнымъ принципомъ существованія.

День - ото - дня деньги такъ дешевѣли, что не работая лично, не прилагая въ жизни собственнаго труда (конечно, на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ—ни науки, ни искусства не пострадали въ этомъ новомъ, необычномъ строѣ) можно было легко прожить не только миллионы, но даже миллиарды, накопленные предками и сдѣлаться нищимъ не только самому, но и дѣтей своихъ, если они не обучены какому-нибудь производительному труду, бросить въ нищету и на попеченіе общественной благотворительности... Впрочемъ, и эта послѣдняя, получившая самое широкое развитіе, дѣйствовала съ крайней осмотрительностью, рѣзко различая неспособныхъ къ труду отъ тунеядцевъ.

Помогать, не только помогать, но даже доставлять всѣ блага жизни первымъ—общество считало себя обязаннымъ, такъ какъ просвѣтленное словомъ Христа, не находило возможнымъ руководиться правилами

древнихъ спартанцевъ, убивавшихъ хилыхъ и слабыхъ еще въ дѣтствѣ, хотя находились изувѣры, проповѣдовавшіе и тогда подобныя идеи, даже въ печати. Зато всякій работоспособный, но не желавшій работать, могъ найти пріютъ только въ работномъ домѣ, гдѣ, со всею суровостью строго установленнаго режима, получалъ постольку, поскольку проявлялъ усердія къ обезпеченію своего существованія.

Правда, что за возможность осуществленія (казалось такой близкой) мечты о наступленіи золотого вѣка пришлось заплатить:—во-первыхъ, всѣ народы, пропорціонально своему бюджету, возмѣстили Эдуарду VII расходы, понесенные имъ при созданіи воздушнаго флота; а во-вторыхъ, также на міровой, общественный счетъ этотъ флотъ содержался, ремонтировался, обновлялся. Но это были такіе гроши въ сравненіи съ прежними военными расходами!

При новомъ порядкѣ вещей всякій могъ быть увѣренъ, что не только исторически сложившіяся права его народности никѣмъ не будутъ нарушены, ни съ какой стороны не потерпятъ насилія, но даже и личныя его права ограждены отъ всякаго посягательства на нихъ. De facto, англійскіе послы и резиденты являлись блюстителями законовъ. Къ нимъ можно было обращаться, какъ къ высшей апелляціонной инстанціи, а ихъ приговоръ, подкрѣпленный словомъ Эдуарда VII, являлся окончательнымъ...

Грубо выражаясь — за міровой счетъ „Царица Міра“ содержала міровой судъ и міровую полицію.

Главы государствъ, автономныя въ дѣлахъ внутренняго хозяйства, являлись не болѣе какъ ея

уполномоченными, да и въ дѣлахъ этого рода не могли не опасаться внезапной ревизіи со стороны всемогущей и вездѣсущей верховной міровой власти.

Побѣдители.

Врядъ-ли нужно пояснять читателямъ, что и пресловутая „катастрофа“, и загадочная „пропажа безъ вѣсти“ транспорта съ двумя батальонами гайлендеровъ, и таинственное исчезновеніе другихъ транспортовъ и пароходовъ частныхъ англійскихъ компаній, — были не болѣе какъ средствомъ спрятать концы въ воду и предотвратить осуществленіе идеи міровой коалиціи противъ Англии, подозрѣвавшейся въ покушеніи на свободу народовъ міра.

Тщетны были предостереженія германскаго императора, видимо, знавшаго больше другихъ, но не имѣвшаго въ своихъ рукахъ неопровержимыхъ доказательствъ, способныхъ побудить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ правительства прочихъ странъ. Впослѣдствіи высказывались предположенія—не сыграла-ли и въ этомъ случаѣ извѣстной роли „la charge de cavalerie de St. George“?. Какъ знать? Но такъ или иначе, ловкій маневръ имѣлъ полный успѣхъ.

Пока разноплеменные журналисты остряли и потѣшались надъ глупымъ положеніемъ, въ какое попалъ король Эдуардъ, на безвѣстномъ островкѣ, затерянномъ среди необъятнаго простора центральной, наименѣе посѣщаемой, части Индѣйскаго

океана, заканчивалась работа, начатая въ „Долинѣ Тайнѣ“.

Гигантскіе транспорты, числившіеся „пропавшими безъ вѣсти“, подходили къ этому островку, разгружались до послѣдняго гвоздя, винта, веревки, которые могли пригодиться, до послѣдней банки консервовъ, до послѣдняго сухаря; затѣмъ все населеніе ихъ перебиралось на берегъ, а самый транспортъ—затапливался, такъ какъ на островѣ не только не было бухты, удобной для стоянки, но даже и близъ него нельзя было стать на якорь.—Чуть ли не вплотную къ скаламъ глубина доходила до 100 саж.

Это обстоятельство и было причиной необитаемости острова и полного къ нему равнодушія предпріимчивыхъ народовъ Европы, давно подѣлившихъ между собою всё, такъ называемыя „Божьи“ или „ничьи“ земли. Недаромъ даже учебники географіи (только самыя подробныя) упоминали о немъ въ шутливомъ тонѣ, какъ о птичьей республикѣ, территоріи которой никогда еще не касалась нога человѣка.

И вотъ нашлись люди-птицы, безцеремонно овладѣвшіе этимъ ровнымъ высокимъ плато, изгнавъ его исконныхъ владѣльцевъ и расположившись, какъ дома.

Можетъ быть, читатели спросятъ:—Зачѣмъ же было топить эти транспорты? хоронить на днѣ океана сотни тысячъ фунтовъ стерлинговъ? — А какъ же можно было бы поступить иначе? Вѣдь вмѣстѣ съ ними хоронилась тайна предпріятія, которое должно было дать власть надъ міромъ!..

Возвращать ихъ въ Англію?—Но вѣдь это значило бы выпустить въ свѣтъ десятки людей, знающихъ

тайну!—Пусть даже это былъ народъ самый надежный,—можно ли было поручиться, что никто изъ нихъ не проболтается о томъ, что видѣлъ, хотя бы во 'снѣ, или хвативъ лишнюю рюмку виски?..

Приказать имъ крейсировать близъ острова?—Но вѣдь это—на годъ, а то и больше! Какой расходъ топлива!—А откуда его взять?—Выписывать новые и новые транспорты?—Но тогда около острова собрался бы цѣлый флотъ! Любой парусникъ (а эти здѣсь иногда проходятъ) донесъ бы о видѣнной имъ необычной картинѣ, и немедленно прибыли бы специально командированные крейсера, и тайна оказалась бы обезпеченной еще менѣе, чѣмъ въ „Кабаньей Долинѣ“.

Нѣтъ! Къ сохраненію тайны рѣшено было принять самыя радикальныя мѣры: всякій, прибывшій на островъ, оставался на немъ волей-неволей до конца, а пароходъ, сдавшій свой грузъ, дѣйствительно „пропадалъ безъ вѣсти“ въ пучинѣ океана.

Рѣшеніе оказалось правильнымъ: тайна была сохранена, а убытки надѣялись возмѣстить впоследствии, что... оправдалось.

Теперь уже не было надобности въ такой уединенной и отдаленной штабъ-квартирѣ воздушнаго флота. Гнѣздо его у подножія горы Бен-Мак-Дьюи, около года тому назадъ уничтоженное пожаромъ, сопровождавшимъ „катастрофу“, словно чудомъ, возникло изъ пепла, и (въ общемъ немногочисленные) члены „Священной Дружины Царицы Міра“ могли вернуться къ радостямъ жизни.

Теперь отъ нихъ уже не требовалось исполненія

всѣхъ тѣхъ пунктовъ, какіе имъ предъявлялись при вступленіи въ братство.

Съ того момента, какъ міръ покорился, поверхность земли была раздѣлена на раіоны, которые патрулировались дежурными кораблями. Прочіе—отдыхали. Въ среднемъ одна недѣля патрульной службы приходилась на три недѣли отдыха. Подсмѣняясь съ товарищами, можно было, цѣною 2—3 недѣль непрерывной службы, устроить себѣ отпускъ на 6—9 недѣль. Это было вовсе необременительно, и никто не жаловался.

Надо замѣтить, однако-же, что, несмотря на полную (казалось бы) обеспеченность господства надъ міромъ, признано было необходимымъ сущность генератора, способъ управленія воздушнымъ кораблемъ, какъ при „висѣніи“ въ воздухѣ, такъ и при его безумныхъ скоростяхъ, и тѣсно съ этимъ связанный способъ регулированія дѣйствія двигателей—продолжать хранить въ глубокой тайнѣ.

Это было не слишкомъ трудно.

Число кораблей воздушнаго флота (въ то время) достигало 50, но на каждомъ было только по 10 человѣкъ „первой степени посвященія“—5 управителей (въ томъ числѣ командиръ) и 5 механиковъ (въ томъ числѣ старшій механикъ)—которые имѣли право входа въ капитанскій постъ и въ секретное отдѣленіе. Каждый изъ нихъ, стоя свою вахту, всегда имѣлъ подъ рукой заряженный револьверъ и былъ обязанъ, не вступая ни въ какія пререканія, убить на мѣстѣ всякаго непосвященнаго, который осмѣлился бы войти во „святая святыхъ“.

Съ момента вступленія на вахту, они разобщались

съ остальнымъ населеніемъ корабля, и для переговоровъ съ ними предоставлялось пользоваться лишь слуховыми трубами.

Такимъ образомъ во всей Англии (и во всемъ мірѣ) воздухоплателей „первой степени“ было всего 500 человѣкъ.

Такъ мало, что суровый законъ, каравшій смертью всякій намекъ на предательство, оказывался даже излишнимъ...

Да и былъ ли какой-нибудь смыслъ кому-либо изъ нихъ совершить подобное предательство?—Вѣдь „Царица Міра“ оставалась ею лишь до тѣхъ поръ, пока не имѣла соперницы.

Міръ былъ у Ея ногъ, и Ея вѣрные рыцари пользовались всѣми его благами.

За какую же цѣну можно было бы продать тайну? Что могъ бы предложить искушитель?

Этотъ грубый, чисто коммерческій расчетъ обезпечивалъ нерушимость тайны надежнѣе всякихъ влятвъ и всякихъ угрозъ смертью...

III.

Бѣглянца.

Капитанъ воздушнаго флота, командиръ корабля „Star and Stone“, бывший лейтенантъ Джэмсъ Старфордъ, или, попросту, Джемми, а нынѣ лордъ Старстонъ, весь отдавшисъ нахлынувшимъ воспоминаніямъ, медленно шагаль взадъ и впередъ по гостинной род-

ного дома, усиленно стараясь соразмѣрять „ходъ“ и держать „курсъ“ такъ, чтобы ступать на одинаковые или сходные между собою узоры стариннаго ковра, и такъ, чтобы это выходило, по возможности, „прямыми курсомъ“. Въ дѣтствѣ это было его любимой забавой, а теперь — помогало ему бороться съ тяжелыми, гнетущими мыслями...

Онъ только что вернулся съ кладбища, гдѣ навѣстилъ двѣ дорогія могилки, и вовсе не слушалъ стараго Вилли, который, получивъ разрѣшеніе, неумолимо докладывалъ ему, чуть ли не день за днемъ, хозяйственный отчетъ минувшаго года. Отъ времени до времени, чтобы не обидѣть вѣрнаго слугу, особенно если тотъ дѣлалъ выжидательную паузу, Джемми одобрительно кивалъ головой, бросалъ отрывистыя фразы одобренія и благодарности, но мысли его были далеко... много дальше этой гостины, гдѣ все оставалось по-прежнему—даже „любимый китайскій болванчикъ“ его сестры, Грэсъ, который онъ разбилъ въ первый день по возвращеніи изъ плаванія, искусно склеенный цементомъ, стоялъ на своемъ старомъ мѣстѣ... Нѣтъ! не здѣсь и даже не на близкомъ кладбищѣ были его мысли! Дальше... много дальше... Ему такъ бы хотѣлось спросить... И развѣ же это не было бы вполне естественно?.. Но почему-то казалось неловко, даже страшно. Онъ чувствовалъ, что покраснѣть, что выдать себя наблюдательности этого „старога чорта“.

— Осмѣлюсь доложить,—скрипѣлъ Вилли, — что графиня отказались вступить въ наслѣдство, будучи, почему-то, твердо увѣрены въ вашемъ возвращеніи,

даже строго приказали мнѣ, чтобы я увѣдомилъ ихъ о днѣ вашего прибытія телеграммой въ три слова: „Приѣзжаетъ“ (число и мѣсяць), тогда я подумалъ...

— Чортъ васъ возьми, чтобы тогда вы ни думали!—неожиданно крикнулъ Джемми, бросаясь къ нему.—Что вы сдѣлали?

— Но, сэръ,—бормоталъ старикъ, ошеломленный внезапностью.—Я, конечно, въ точности исполнилъ приказаніе и, получивъ телеграмму отъ васъ, немедленно телеграфировалъ графинѣ.

— Вилли! другъ мой!

— ...и графиня изволили отвѣтить: „Выѣзжаю сегодня“, — продолжалъ тотъ, пытаясь сохранить всю свою невозмутимость, хотя его старыя кости жестоко страдали отъ дружескаго объятія „молодого барина“.

— Когда „сегодня“? что значить „сегодня“?

— „Сегодня“ было третьяго дня, и, прошу извинить, сэръ... вы были на кладбищѣ... я взялъ на себя смѣлость, не спрося васъ, послать экипажъ на станцію... онѣ должны прибыть съ этимъ поѣздомъ.

Топотъ лошадиныхъ копытъ и шорохъ колесъ по крупному песку, которымъ былъ усыпанъ взѣздъ къ дому, прервали бурное объясненіе.

— А я думала, что вы меня встрѣтите!—говорила Мэдждъ, стоя передъ зеркаломъ и снимая шляпку.— Или слава такъ васъ затуманила?

— Повѣрьте! если бъ только я зналъ, если бы меня предупредили...

— Милэди,—неожиданно вмѣшался Вилли, и въ голосѣ его зазвучали какія-то строгія нотки,—лордъ

Старстонъ прибылъ только сегодня и немедленно прослѣдовалъ на кладбище, чтобы впервые навѣстить могилу покойной лэди. Это я, въ такую минуту, не осмѣлился потревожить его извѣстіемъ о вашемъ прибытіи.

На мгновеніе зеленые глаза блеснули гнѣвомъ, но тотчасъ же вновь засвѣтились чарующей лаской.

— Мой старшій другъ, спасибо вамъ за урокъ... Вы тысячу разъ правы, я все та же сумасбродная Мэдждъ, которую вы когда-то—помните?—носили на рукахъ... Ну, не сердитесь больше?—закончила она, цѣлуя его почтенную лысину.

— Милэди... графиня... — растерянно бормоталъ старикъ,—развѣ бы я осмѣлился... солнце нашего осиротѣлаго дома... или я не помню... sweet baby...

Онъ долго еще не могъ успокоиться и бросалъ отрывистыя, мало понятныя, фразы, не замѣчая, что давно уже никто его не слушаетъ, ни Джемми, порывисто шагавшій изъ угла въ уголокъ гостиной и теперь вовсе не думавшій о согласованіи „хода“ и „курса“ съ рисункомъ ковра, ни Медждъ, голосъ которой доносился изъ ея комнаты, гдѣ она при содѣйствіи Эмми (дочери Вилли) разбирала свой багажъ.

— Дорогой кузень,—заговорила она необычно официально и строгимъ тономъ, когда послѣ обѣда они остались одни въ гостиной,—прошу васъ отвѣтить мнѣ на нѣсколько вопросовъ, но прямо и честно, какъ слѣдуетъ джентльмену, безъ всякой gallantry. Обѣщаетесь?

— Вы меня пугаете...

— Оставьте шутки! Дайте слово, что отвѣтите какъ джентльменъ!

— Я слушаю...

— Можетъ ли настоящій джентльменъ быть любовникомъ замужней женщины, хотя бы тайна была обезпечена?

— Нѣтъ, не можетъ... это—обманъ...—проговорилъ онъ твердо, чувствуя, однако-же, что блѣднѣеть.

— Какая разница между женщиной, которая отдается двоимъ, или троимъ, или десяткамъ мужчинъ, каждаго увѣряя, что только его одного она истинно любитъ?

— Никакой...—глухо промолвилъ Джемми.

— Ну, а если женщина видитъ, что ошиблась, что счастье ея не тамъ, гдѣ она думала его найти, что оно здѣсь, близко, но цѣпи закона не позволяютъ ей протянуть къ нему руку, можетъ ли она порвать эти цѣпи? можетъ ли притти къ своему избраннику и отдаться ему?

— Но безраздѣльно?

— Конечно! Всѣмъ жертвуя!—воскликнула она, гордо выпрямляясь.

— Тогда... это—героиня!—прошепталъ онъ, склоняясь къ ея ногамъ.—Высшій законъ, Божескій законъ, законъ Христа, основою своею имѣеть любовь. И эта любовь выше всякаго закона, придуманнаго людьми. Она сильнѣе всего на свѣтѣ! Пойдите!.. да... да... это сказалъ какой-то русскій, кажется, Тургеневъ— „Любовь сильнѣе смерти!“

.

— Джемми!—рыдала она, уткнувшись лицомъ въ подушки дивана.—Вѣдь я бѣжала!.. Джемми! „Онъ“ не только не даетъ мнѣ развода, онъ приходитъ въ бѣшенство при одной мысли, что я могла бы подумать навѣстить моихъ родственниковъ въ Англи! въ Англи, поработившей Германію! Вѣдь я здѣсь украдкой, на минутку! Онъ не знаетъ! Онъ думаетъ, что я поѣхала къ моей старой подругѣ въ Остенде! Онъ грозитъ убить, убить своими руками, если бы я осмѣлилась... Какъ быть? Какъ быть?

— Мэдждъ, дорогая моя,—заговорилъ Джемми,— надо рѣшить и рѣшить теперь же. Вѣрьте, что подъ охраной братства „Царицы Міра“ вы будете въ безопасности, и никакая мстительная рука не достигнетъ васъ, но... смѣю ли сказать?—во имя вашей любви способны ли вы отречься отъ радостей и утѣхъ жизни при дворѣ? Васъ, европейски-извѣстную красавицу, гдѣ-же не узнаютъ? Развѣ можно будетъ сохранить ваше инкогнито, если вы появитесь въ свѣтѣ? Вѣдь другой такой нѣтъ! Значить, прятаться? Согласны ли вы?

— Но если нѣтъ другого выхода! Джемми! Джемми! Или это такъ непонятно? Du liebst?

Загадочное происшествіе.

Дядя Джордждъ, которому въ тотъ же вечеръ племянникъ повѣдалъ свою тайну, сначала развелъ руками, потомъ сталъ браниться такъ, что... лопнули бы

отъ зависти всё боцмана, когда-либо служившіе подъ его начальствомъ, но въ заключеніе обѣщаль сдѣлать „что можно“. Принимая во вниманіе, что для адмирала воздушнаго флота „невозможнаго не существовало“—такое обѣщаніе являлось достаточной гарантіей успѣха всякаго предпріятія.

Графиня Маргарита Цуръ-Мюленъ пропала безъ вѣсти.

Императоръ Вильгельмъ принялъ живѣйшее участіе въ горѣ своего друга и приближеннаго.

Полиція Германіи, Франціи, Англіи—была поднята на ноги, но даже спеціально вызванные Шерлокъ Хольмсъ и Натъ Пинкертонъ ничего не могли сдѣлать.

Слѣдъ красавицы терялся въ Дургэмѣ.

Знаменитые сыщики въ точности установили, что 11 августа въ 11 ч. 57 м. утра она прибыла въ Іоркъ; здѣсь, видимо стараясь замести слѣды, оставалась около часу, перемѣнила двухъ извозчиковъ и зашла позавтракать въ ресторанъ, откуда отправила съ посыльнымъ свой небольшой багажъ на центральную станцію; съ нордъ-экспрессомъ, въ 1 ч. 18 м. пополудни выѣхала на сѣверъ (кассирша хорошо запомнила высокую, стройную даму подъ густымъ вуалемъ, изъ-подъ шляпки которой выбивались пряди роскошныхъ рыжевато-золотистыхъ волосъ, взявшую билетъ въ Эдинбургъ и очень спѣшившую); на маленькой станціи, не доѣзжая Дургэма, она вышла (здѣсь тоже обратили вниманіе на даму подъ вуалью съ золотыми волосами, которую ожидалъ экипажъ);

изъ обывателей Дургэма два лавочника, извозчикъ, почтальонъ и псаломщикъ церкви подтвердили, что вечеромъ 11 августа видѣли экипажъ Старфордъ, направлявшійся къ ихъ дому (Church Street, 14), а въ экипажѣ даму, лицо которой было закрыто вуалемъ, но по осанкѣ и, главное, по волосамъ могли почти съ увѣренностью признать въ ней графиню Цуръ-Мюлень, хорошо имъ знакомую племянницу покойной мистрисъ Старфордъ.

Въ теченіе двухъ дней, какъ будто, ничего особеннаго въ домѣ не произошло (на улицахъ графини никто не видѣлъ), а на третій день, т. е. 14 августа, оказалось, что онъ покинуть, и куда дѣлись его обитатели—старый Вилли, его дочь Эмми, кучеръ и садовникъ—неизвѣстно.

Опрошенный по этому дѣлу лордъ Старстонъ (онъ былъ въ отсутствіи по дѣламъ службы „Царицы Міра“ и допрашивали его черезъ нѣсколько недѣль, когда все вышеизложенное уже было строго установлено), крайне потрясенный необъяснимымъ происшествіемъ, засвидѣтельствовалъ, что 11 августа пріѣзжалъ на нѣсколько часовъ въ Дургэмъ навѣстить могилы матери и сестры, все въ домѣ нашелъ въ полномъ порядкѣ, но кухни не видѣлъ.—Можетъ быть, она пріѣхала какъ разъ послѣ его отъѣзда на сѣверъ? Но почему Вилли ничего не сказалъ ему объ ожидаемомъ прибытіи близкой родственницы? — Вѣроятно... не успѣлъ!.. этотъ старый чудакъ, кажется, думалъ, что баринъ пріѣхалъ на вѣчное жительство и, прямо, душилъ его своими хозяйственными отчетами...—Что же случилось дальше?—Онъ, право, не знаетъ и даже

предположить не может... Несчастья преслѣдуютъ его семью... Можно подумать, чье-то проклятіе нависло надъ домомъ!..—Ничего не похищено? нельзя подозрѣвать грабежа?—Рѣшительно ничего! ни малѣйшихъ подозрѣній!—Можетъ быть, месть?—Единственно, что остается думать, но кому? за что? и съ чьей стороны?—отказываюсь понять!

Нѣсколько дней, даже недѣль, газеты волновались, писали о драмѣ Берлинъ-Дургэмъ. Затѣмъ успокоились. Ужъ если Хольмсъ и Пинкертонъ признали загадку неразрѣшимой, такъ стоило-ли печатать догадки и предположенія „спеціальныхъ корреспондентовъ?“

Хольмсъ, впрочемъ, сдался только оффиціально. Наединѣ, въ бесѣдѣ со своимъ другомъ, докторомъ Ватсономъ, онъ не разъ возвращался къ этой темѣ.

— Молодой лордъ утверждаетъ, что уѣхалъ на сѣверъ вскорѣ по возвращеніи съ кладбища, до приѣзда графини. Значить—съ поѣздомъ 5 ч. 43 м. пополудни. Странно, что никто этого не видѣлъ. Правда, что и вообще его не видѣли на станціи при отъѣздѣ, ни въ этотъ, ни въ слѣдующіе дни, хотя многіе узнали при приѣздѣ... Это—очень странно... Мнѣ кажется, что по желѣзной дорогѣ онъ вовсе не уѣзжалъ изъ Дургэма...

— Такъ вы думаете...

— Я ничего не думаю, я только излагаю факты. Иду дальше. Въ комнатѣ, на которую указано какъ на обычную спальню графини, пустовавшую уже болѣе года, на туалетномъ столѣ и около него я подобралъ семь погнутыхъ шпилекъ для волосъ. Невѣроятно,

чтобы аккуратная женщина истребляла ихъ въ такомъ количествѣ при нормальныхъ условіяхъ... Онѣ (не шпильки, а женщины) достаточно опытны, чтобы не гнуть ихъ о собственную голову (вѣдь это больно)... скорѣе всего это случается, когда... смята прическа.

— И это все?..

— Да, если не считать этой пуговицы, которую я нашель тамъ же, пуговицы съ изображеніемъ крыльевъ... Конечно, воздушный флотъ въ данный моментъ такая злоба дня, что многія женщины въ Англіи носятъ подобныя пуговицы на разныхъ своихъ кофточкахъ и пелеринкахъ. Однако же графиня прибыла изъ Германіи...

Какъ ни добивался докторъ Ватсонъ дальнѣйшаго развитія идей своего друга, великій сыщикъ на этомъ пунктѣ становился нѣмъ, какъ рыба...

Кажется, былъ и еще одинъ человекъ, который не слишкомъ довѣрялъ свидѣтельству молодого лорда. По крайней мѣрѣ Джемми получилъ письмо довольно страннаго содержанія.

„Дорогой кузень (смѣю ли назвать такъ „Рыцаря Великаго Ордена“), если при вашемъ всемогуществѣ вы способны примириться съ фактомъ непонятнаго исчезновенія вашей кузины (моей жены), то я примириться съ нимъ не могу. Эта „катастрофа“ напоминаетъ мнѣ другую, подобную ей, и кажется весьма подозрительной. Раскрытіе тайны я ставлю единственной цѣлью моей жизни и добьюсь своего. Насильникамъ я сумѣю отомстить, но... горе ей! если... никакого насилія не было... Съ почтеніемъ — Цуръ-Мюленъ“.

IV.

Подъ сѣнью щита «Царицы Міра»...

Конечно, самымъ надежнымъ убѣжищемъ для бѣг-
лянки являлась бы „Долина Тайнъ“, но, несмотря
на всю любовь къ племяннику, ближайшему помощ-
нику и будущему замѣстителю на высокомъ посту,—
на такое нарушеніе устава „Главногокомандующій воз-
душнымъ флотомъ Царицы Міра“ все же не рѣшился...

Ее поселили въ такъ называемомъ „охранномъ
раіонѣ“, о которомъ необходимо сказать нѣсколько
словъ.

Высокая изгородь изъ колючей проволоки, со всеми
ея многосложными сигнальными приспособленіями,
опоясывавшая „Долину Тайнъ“ по виѣшнему склону
окружавшихъ ея возвышенностей (изъ-за сооруженія
которой возникъ извѣстный запросъ въ палатѣ общинъ,
закончившійся триумфомъ Эдуарда VII)—давно была
возстановлена. — Кромѣ того, прилежащая къ ней
извнѣ полоса земли, шириною (въ зависимости отъ
топографическихъ условій) мили 2--3, была объявлена
„охраннымъ раіономъ“. Въ этой полосѣ всякая ча-
стная собственность была выкуплена правительствомъ
„Царицы Міра“ (жалобъ не было, такъ какъ цѣной
не стѣснялись).

„Охраннй раіонъ“ находился въ исключительномъ
вѣдѣніи особаго „охраннаго корпуса“ (единственное
регулярное войско, уцѣлѣвшее во всемъ мірѣ), ком-
плектовавшагося отборными людьми, имѣвшаго ядромъ
своимъ тѣ два батальона гайлендеровъ, которые вер-

нулись съ „Тайнственнаго острова“, и, въ память этой службы, сохранившаго за собою историческое имя „47-го пѣхотнаго шотландскаго полка“, хотя по числу людей—это былъ уже вовсе не полкъ, по соединенію въ немъ всѣхъ родовъ оружія — отнюдь не могъ называться „пѣхотнымъ“, а что касается номера, то значеніе его опредѣлялось полнымъ отсутствіемъ по всему лицу земли какихъ-либо полковъ, подъ какими-либо номерами.

Чины „47-го полка“ сами не имѣли доступа въ „Долину Тайнъ“. Они только держали караулъ вдоль высокой и плотной изгороди изъ колючей проволоки, отдѣлявшей „Долину Тайнъ“ отъ ихъ „раіона“. Въ этомъ раіонѣ сторожевые посты были расположены такъ, что не было пяди земли, которая не была бы подъ надзоромъ. Это — днемъ. Ночью—помимо безчисленныхъ прожекторовъ, обслѣдовавшихъ мѣстность своими бѣлесоватыми лучами, цѣпь часовыхъ, расположенныхъ по внѣшней границѣ раіона, такъ сгущалась, что они могли переговариваться между собою, не возвышая голоса.

Эта внѣшняя граница „охраннаго раіона“ имѣла огражденіе... чисто символическое—рядъ низенькихъ тумбъ, связанныхъ между собою желѣзными прутьями—изгородь, черезъ которую ребенокъ могъ бы свободно перелѣзть, а взрослый человѣкъ просто перешагнуть.

Почему такъ? Потому, во-первыхъ, что всему свѣту былъ извѣстенъ законъ, запрещавшій переступать ее подъ угрозой получить пулю съ ближайшаго поста, а во-вторыхъ потому, что охрана наблюдала не только за своимъ раіономъ, но и за подступами къ нему,

всегда готовая силою отразить всякую попытку вторженія. Ясно, что при такихъ условіяхъ резервамъ (небольшіе конные отряды) долженъ былъ быть, въ любомъ пунктѣ, открытъ свободный путь для преслѣдованія злоумышленниковъ.

Въ одну изъ пустовавшихъ усадебъ этого района и были доставлены, въ ночь на 14 августа, обитатели стараго дома Старфордовъ въ Дургэмѣ.

Проницательность мистера Хольмса не обманула его и на этотъ разъ.—Лордъ Старстонъ дѣйствительно не уѣзжалъ изъ Дургэма по желѣзной дорогѣ. Старый Вилли снесъ на станцію коротенькую телеграмму, изъ 2—3 непонятныхъ словъ, а, чуть стемнѣло, молодой лордъ, пройдя незамѣченнымъ къ юго-восточной башнѣ замка, сѣлъ въ ожидавшій его авизо воздушнаго флота и быстрѣ вѣтра помчался на сѣверъ. Двухъ сутокъ (принимая во вниманіе неограниченныя средства) было за глаза довольно, чтобы заброшенную усадьбу превратить въ уголокъ, достойный фантазіи автора „Пѣсни пѣсней“, а затѣмъ, въ темную ночь, тотъ-же авизо, носившій имя „Старлингъ“, подъ управленіемъ самаго лорда Старстона *), прибылъ къ той же башнѣ и принялъ собравшихся здѣсь, по одиночкѣ и разными путями, пассажировъ.

Осуществленіе этого плана не встрѣтило особыхъ затрудненій, да и не могло ихъ встрѣтить. Пусть читатели припомнятъ уже сказанное о Дургэмѣ—этомъ

*) Непереводимая игра словъ: «старлингъ» звѣздный, сіяющій, и «старлингъ»—скворецъ.

обломкѣ старой, патриархальной Англии, уцѣлѣвшемъ, во всей своей неприкосновенности, среди шума современной жизни. Ну, что могли бы сказать почтенные, страдающіе одышкой полисмены господамъ Хольмсу и Пинкертону по поводу какихъ-то тѣней, скользящихъ вдоль стѣнъ домовъ и садовыхъ оградъ, когда собственные ихъ глаза неизмѣнно начинали слипаться одновременно съ окнами домовъ, закрывавшимися глухими ставнями?

Старое правило—самыя невѣроятныя происшествія совершаются именно тамъ, гдѣ никто не предполагаетъ ихъ возможности.

Duke of Airkigdom (онъ же дядя Джорджъ) хоть и не слишкомъ часто—на его плечахъ лежала вся тяжесть такого огромнаго дѣла,—но все же не упускалъ случая навѣстить племянника и племянницу въ ихъ уютномъ гнѣздышкѣ. При этомъ, спускаясь сверху на своемъ аэромобилѣ, онъ уже задолго начиналъ неистово ревъть сиреной — „чтобы — какъ пояснялъ онъ — не застать молодежь врасплохъ“, — а за рюмкою хереса, закуривъ послѣобѣденную сигару, никогда не могъ удержаться отъ мечтаній, заставлявшихъ краснѣть Меджъ и смѣяться Джемми.

— Ну, вотъ...—ораторствовалъ онъ.—Я старѣю, слабѣю, но мнѣ есть замѣститель въ лицѣ Джемми... А кто будетъ его замѣстителемъ?.. — Нѣтъ!... вы должны позаботиться, чтобы это былъ мальчишка!

Меджъ затыкала уши и убѣгала изъ-за стола, а дядя продолжалъ развивать свои идеи.

— Право, не понимаю въ чемъ дѣло... Послать къ чорту эту нѣмецкую обезьяну! Будь прокляты мои

глаза, если завтра же сотни поповъ англиканскихъ, протестантскихъ, католическихъ, греческихъ, наконецъ, самъ Папа — не расторгнуть прежняго брака и не освятить вашъ союзъ!..—Мало? прихватимъ въ ту же компанію Шейхъ-уль-Ислама и Далай-Ламу! Никто и пикнуть не посмѣетъ!..

— Дядя...—прервалъ его Джемми,—но графъ...

— Прихлопнуть его со всѣми потрохами!..

— Но вѣдь онъ въ „правѣ!“ и можно ли это право разрушить насиліемъ?.. Если онъ, этотъ „прихлопнутый“, спроситъ: „You are gentleman?“

— Ну... вы всегда были несправимымъ идеалистомъ... Съ такими взглядами... Только дуракъ не сѣсть у васъ травы изъ-подъ ногъ.

И дядя Джорджъ, разсердившись, улеталъ на своемъ аэромобилѣ...

Юдифь XX вѣна.

Въ общемъ жизнь была отшельническая, но для медоваго мѣсяца большаго не требовалось.

Раннимъ утромъ Джемми отправлялся въ „Долину“ и возвращался домой послѣ полдня—иногда рано, иногда только къ обѣду, въ зависимости отъ дѣлъ службы.

Работать приходилось много, и (онъ не могъ объяснить себѣ этого иначе, какъ переутомленіемъ) послѣ обѣда, когда они уходили въ его кабинетъ и устраивались поудобнѣе на широкомъ турецкомъ диванѣ, Джемми, несмотря на всѣ старанія быть весе-

лымъ и бодрымъ, неизбѣжно, упиваясь ласкающимъ взглядомъ ея кошачьихъ, мерцающихъ зеленымъ свѣтомъ глазъ—засыпалъ...

Сонъ этотъ продолжался часъ, два... иногда больше... И странно, что, проснувшись, онъ не только не ощущалъ освѣженія, прилива бодрости, — наоборотъ чувствовалъ себя несравненно болѣе разбитымъ, болѣе усталымъ, нежели засыпая. И это не было результатомъ какого-нибудь кошмара. Ни разу не могъ онъ вспомнить ни о какомъ гнетущемъ сновидѣннн, открывая глаза на рукахъ своей возлюбленной, глубоко увѣренный, что „только задремалъ“, хотя эта увѣренность немедленно исчезала при ея шутливомъ упрекѣ—„Mein Liebchen, некорректно такъ храпѣть въ присутствіи дамы!“ — и... взглядомъ на стрѣлку часовъ...

Онъ замѣтно похудѣлъ. Цвѣтъ лица сдѣлался землистымъ. Подъ глазами обозначились мѣшки.

— Вамъ надо отдохнуть, Джемми, — твердила Мэдъжъ, стараясь расправить и разгладить мелкія морщинки на его вискахъ—преждевременно появившіяся „гусиные лапки“.

— Плюньте на вашу нѣмецкую обезьяну и побѣжайте встряхнуться туда, гдѣ ананасы зрѣютъ и бапаны сами въ ротъ лѣзутъ!—ворчалъ дядя Джорджъ...

Джемми спорилъ, возмущался, но не могъ не признавать, что съ нимъ творится что-то неладное.

— Ахъ, да! вотъ забавный анекдотъ! — заявилъ онъ однажды вечеромъ, шагая по кабинету. — Мало того, что ты и дядя угнетаешь меня заботами о моемъ

здоровья, ноете о моемъ переутомленіи — къ вашей компаниі прибавился еще и старый Вилли. Сегодня утромъ онъ заявилъ мнѣ, что я слишкомъ много работаю. — Почему слишкомъ? — спрашиваю его, — вы развѣ видѣли меня за работой? — А онъ отвѣчаетъ: — „Здѣсь вамъ слѣдовало бы только отдыхать, но вы и здѣсь не даете себѣ покоя!“ — Признаюсь, въ первый моментъ я заподозрилъ старика въ шуткѣ дурного тона, хотѣлъ сразу его оборвать, но воздержался и только спросилъ: — Когда же вы видѣли меня за работой? — „Вчера, сэръ, проходя садомъ... оконныя занавѣси были плохо задернуты; оставалась изрядная щель... — прошу вѣрить, что я не подсматривалъ — это вышло случайно — но я отчетливо видѣлъ васъ у письменнаго стола что-то размѣряющаго циркулемъ“... — Подумай, Мэджъ! „циркулемъ!“ Да развѣ въ этомъ райскомъ уголкѣ можно найти, хотя бы цѣною жизни, циркуль, транспортиръ, треугольникъ?.. Я расхотался, какъ сумасшедшій, и совѣтовалъ ему не злоупотреблять спиртными напитками, особенно на ночь, такъ какъ въ его годы это небезопасно!.. Нѣтъ! ты подумай! — вчера вечеромъ, когда я спалъ, какъ сурокъ, и ты едва могла растормошить меня около полночи!

Напрасно Джемми, рассказывая свой „анекдотъ“, такъ энергично шагала взадъ и впередъ по комнатѣ. Если бы онъ смотрѣлъ не подъ ноги себѣ, а въ лицо кузинѣ, онъ, навѣрное, замѣтилъ бы, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ ловила она каждое его слово, какимъ тревожнымъ взглядомъ осматривала оконныя занавѣси — хорошо ли онѣ задернуты?

Когда онъ бросилъ сигару въ каминъ и подошелъ къ ней, она уже вполне владѣла собою.

— Ну, что же?

— Я думаю, это особый родъ галлюцинаціи, „галлюцинація преданности“.

Оба засмѣялись.

Вдругъ Джемми сдѣлался серьезнымъ.

— Не смѣйся, Мэдждж,—заговорилъ онъ,—у меня тоже есть своя „галлюцинація преданности“. Я боюсь за тебя. Въ своихъ утреннихъ прогулкахъ ты иногда уходишь такъ далеко, что часовые теряютъ тебя изъ виду за складками мѣстности и не могутъ отвѣчать за твою безопасность. Помни, что „онъ“ все еще не оставилъ надежды найти тебя. Скажу больше: число туристовъ чрезвычайно возросло!

— Всѣ стремятся побывать хотя бы въ окрестностяхъ „Долины Тайнъ“...

— Возможно... но среди нихъ есть, несомнѣнно, и „его“ агенты... Тебя выслѣживаютъ! На это у меня есть указанія!

— Но, Джемми,—она надула губки, словно собираясь заплакать,—въ нашемъ „районѣ“ я чуть ли не каждый камень въ лицо знаю. Такъ скучно! А по дорогѣ въ Бальмораль такія чудныя мѣста! Или я въ тюрьмѣ? или я плѣнница?

Джемми въ отчаяніи всплеснулъ руками.

— Кто говоритъ! кто смѣетъ подумать что либо подобное! Но... у меня всякое дѣло изъ рукъ валится, когда мнѣ по телефону сообщаютъ: „Лэди Мэдждж скрылась за холмомъ“—и какъ я счастливъ, когда придетъ новое извѣстіе: „Часовые опять ее видятъ“...

Какъ я мучаюсь!.. Вѣдь я знаю дорогу, и мнѣ говорятъ, гдѣ ты идешь... Говорятъ, напримѣръ, что скрылась за холмомъ Стенборо. По моему расчету, черезъ 10—15 минутъ должна бы изъ-за него выйти. Проходить полчаса—нѣтъ!.. Можетъ быть замедлила шагъ, можетъ быть присѣла отдохнуть, а можетъ быть—несчастье...

— Джемми, mein liebchen! у тебя, право, развивается манія преслѣдованія...

— Нѣтъ, нѣтъ! У меня факты въ рукахъ! Они бродятъ кругомъ, какъ волки... „Онъ“ вѣдь писалъ, что месть ставитъ единственной цѣлью своей жизни... И я вѣрю ему, и понимаю его!.. А онъ—еще живъ!.. Надо принять мѣры...

V.

«Deutschland über alles»...

Въ этомъ году конецъ сентября ознаменовался на рѣдкость ясной и тихой погодой. Ночами бывали заморозки. Для центральной Шотландіи все предвѣщало наступленіе ранней и суровой зимы. Зато, какъ ярко свѣтило солнце! Какой глубокой казалась лазурь неба! Какъ легко и привольно дышалось!..

Проводивъ Джемми на службу (теперь онъ уѣзжалъ въ „Долину“ и возвращался домой верхомъ, — какъ предписалъ докторъ), Мэдждъ, въ теплой кофточкѣ, мѣховой шапкѣ и съ муфтой въ рукахъ, сверкая на солнцѣ своими золотистыми волосами, бодро шагала по крутой тропинкѣ, пересѣкавшей „районъ“ и спу-

скавшейся къ широкой шоссеиной дорогѣ, ведущей въ Бальмораль. Часовые издали, только завидѣвъ ее, брали „на-караулъ“ (такой ужъ установился обычай), встрѣчные гайлендеры учтиво давали дорогу, приподнимая надъ головой свои шапочки, и всѣ одинаково ждали, когда она подаритъ ихъ своей улыбкой, кивнетъ головой и броситъ ласковое „Good day!“, отъ котораго свѣтлѣли самыя сумрачныя лица.

Вотъ и граница „раіона“, которую она не перешагнула, а перепрыгнула, вся охваченная тѣмъ зазоромъ, который разливали въ воздухѣ яркіе лучи солнца, словно торопившіеся отогрѣть подмерзшую за ночь землю.

Вотъ далеко, внизу, серебряной лентой блеснула Баллэтеръ, такой бурный и грозный весенней порой, такой сердитый въ періодъ дождей, а теперь прикинувшійся такой смиренной, такой тихенькой рѣчкой...

Въ это ясное утро панорама долины въ ея осеннемъ уборѣ, съ крутого поворота дороги, внезапно раскрывавшаяся на десятки миль, была такъ хороша, что вполне понятнымъ казалось восхищеніе какого-то туриста, который, усѣвшись на камнѣ, смотрѣлъ, не отрывая бинокля отъ глазъ.

Мѣсто было совсѣмъ пустынное и со стороны „раіона“, опоясывавшаго „Долину Тайнъ“, отгороженное кручей, такъ что самый ревнивый глазъ не могъ бы заподозрить наблюдателя въ какихъ-нибудь злостныхъ намѣреніяхъ. Да и смотрѣлъ-то онъ въ противоположную сторону, повернувшись спиной ко всѣмъ тайнамъ.

— „Deutschland, Deutschland über alles“...—за-

пѣлъ онъ вполголоса, когда Мэдждъ проходила мимо него.

Можетъ быть ей эта пѣсня что-нибудь напомнила, или просто вѣтеръ бросилъ въ лицо нѣсколько песчинокъ...—но Мэдждъ порывисто выхватила изъ муфты ту кружевную тряпочку, которую дамы называютъ носовымъ платкомъ, и поднесла ее къ глазамъ... Она даже не замѣтила, что при этомъ рѣзкомъ движеніи изъ ея муфты выпало маленькое серебряное портмонэ.

Зато легкій металлическій стукъ вещицы, упавшей на камни, привлекъ вниманіе туриста, даже взглядомъ не удостоившаго проходившую мимо него красавицу.

Онъ всталъ со своего мѣста, поднялъ блестящій предметъ, повертѣлъ его въ рукахъ и, вдругъ, словно догадавшись въ чемъ дѣло, бросился вдогонку за дамой.

Сухой трескъ ружейнаго выстрѣла, раздавшійся съ ближняго холма, заставилъ Мэдждъ вздрогнуть и поспѣшно обернуться. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, то хватаясь за грудь, то протягивая руки впередъ, словно ища опоры, стоялъ незнакомецъ, съ трудомъ державшійся на ногахъ, но все же лепетавшій — „Deutschland... Deutschland...“ Она бросилась къ нему, схватила протянутыя руки, пробовала его подержать... но эти руки не искали поддержки — онѣ передавали ей ея же портмонэ... И когда оно исчезло въ муфтѣ, раненый грузно опустился на землю... Небольшой револьверъ выпалъ изъ бокового кармана его куртки и лежалъ рядомъ, въ дорожной пыли, сверкая на солнцѣ своей никелировкой...

Полная какимъ-то священнымъ ужасомъ Мэджъ склонилась вадъ нимъ...

— Осторожнѣе... храни васъ Богъ... тамъ — въ кошелькѣ... на мнѣ—ничего... безопасно... скажите... я... за родину...

Кровь хлынула у него горломъ, но, собравъ послѣднія силы, онъ еще могъ прошептать:

— Дайте... дайте... святая...—и, судорожно схвативъ ея руки, прижалъ ихъ къ своимъ губамъ...

Конный патруль маршъ-маршемъ мчался къ мѣсту происшествія...

— Милэди! Вы невредимы? Вы ранены?—крикнулъ молодой лейтенантъ, на скаку спрыгивая съ коня и подбѣгая къ ней.

Она стояла блѣдная и неподвижная, какъ мраморное изваяніе, увѣнчанная короной рыжевато-золотистыхъ волосъ, выбившихся изъ подъ шляпки, и только расширенные, почти безумные глаза жили и, казалось, не могли оторваться отъ кровавыхъ пятенъ, покрывавшихъ ея свѣтло-палевыя перчатки...

— Вы ранены?..

— Нѣтъ, нѣтъ!.. — съ трудомъ промолвила Мэджъ. — Но я не думала, что это такъ ужасно... На моихъ глазахъ.... Зачѣмъ...

И молодой офицеръ, и его подчиненные оказались на высотѣ положенія (не даромъ это было единственное войско не только въ Англіи, но и во всемъ свѣтѣ). Онъ только сдѣлалъ едва замѣтный жестъ, и спѣшившіеся гусары совсѣмъ заслонили собою трупъ, распростертый на дорогѣ; нѣсколько сѣделъ, брошенныхъ въ кучу, образовали собою нѣчто въ родѣ дивана...

— Присядьте, милэди! По телефону уже дано знать и вашъ автомобиль идетъ сюда полнымъ ходомъ. Всякая опасность миновала... Воды! гдѣ вода?..

— Осмѣлюсь доложить, сэръ... глотокъ уиски... Милэди! послушайте стараго солдата... вмѣшался въ разговоръ сѣдоусый вахмистръ...

— Да! да!—полуистерично разсмѣялась Мэджь. — Дайте уиски!

Рѣзкимъ движеніемъ она опрокинула въ ротъ поданную ей чарку. Захватило духъ... въ глазахъ пошелъ какой-то туманъ... Она вскочила на ноги и протянула къ нимъ руки, съ которыхъ бравый лейтенантъ успѣлъ уже стащить окровавленные перчатки... О! если бы они знали, что въ муфтѣ, которая виситъ на шнуркѣ, охватывающемъ ее шею, лежитъ маленькій серебряный кошелекъ, а въ немъ... Они бы удавили ее этимъ самымъ шнуркомъ!.. Но они не знаютъ и ждутъ ея ласковаго слова, и готовы умереть за нее!..

Ей такъ хотѣлось безумно, безумно расхохотаться... Но она сдержалась.

— Друзья мои! чѣмъ бы я могла отблагодарить васъ за ваше самоотверженіе? Вѣдь вы мчались на выручку мнѣ, рискуя сломать себѣ голову!

— Милэди, ваши слова—наивысшая награда... — проговорилъ лейтенантъ, почтительно кланаясь.

— Я—доволенъ!—подтвердилъ вахмистръ.

— А я—нѣтъ,—возразила Мэджь и, подойдя къ нему, взяла его за голову и поцѣловала.

Кругомъ—ахнули...

— Остальные недовольны?—ну, тогда—каждому...

И она обошла всѣхъ, каждого награждая поцѣлуемъ.

Надо было ихъ видѣть, этихъ профессиональных воякъ, когда они получали такую необычайную награду!..

Рывнувъ сиреной, подкатилъ автомобиль, а черезъ минуту, развернувшись, уже уносилъ ее къ дому, но умѣренной скоростью, чтобы не уходить отъ эскорта гусарь, мчавшихся по бокамъ и кричавшихъ — „God save the Airqueen!“

Послѣдній шагъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. оставьте меня одну... дайте вздохнуть!—говорила Мэджъ, входя въ двери своего дома и встрѣченная всѣмъ его населеніемъ.

Даже Эмми и той она не позволила слѣдовать за собою, но, какъ была—въ теплой кофточкѣ, мѣховой шляпкѣ и съ муфтой—прошла прямо къ себѣ.

Каминь горѣлъ яркимъ пламенемъ...

Она заботливо заперла двери, стала передъ каминомъ, вынула изъ муфты серебряное портмонэ, а изъ него сложенный въ нѣсколько разъ клочекъ бумаги, тщательно его расправила и прочла:

„Казалось бы большаго ждать нельзя. Всѣ даннныя—на-лицо. Уже приступили къ работамъ. А все же, именемъ родины, прошу—еще!.. Жанна д'Аркъ всего міра! и первый преклоняюсь предъ вами, а за мною преклонятся и всѣ народы, если сердце у нихъ не

обросло мохомъ, если духъ Божій еще живъ въ нихъ!..—Чертежи, описанія, инструкціи — все прекрасно... но если бы намъ имѣть живого человѣка, который видѣлъ бы въ дѣйствиі всѣ эти механизмы!.. Кто можетъ быть имъ?..—мнѣ даже страшно высказать мою просьбу, но...—все равно—вы! только вы—звѣзда міра, солнце Германіи!.. Богъ да поможетъ вамъ!—W. I. R.“

Внимательно, нѣсколько разъ перечитавъ записку, она бросила ее въ огонь, взяла щипцы и заботливо поправила уголья, словно съ намѣреніемъ убѣдиться, что самый пепелъ „документа“ безслѣдно развѣялся...—Послѣ „того“ случая въ Дургэмѣ можно было научиться осторожности!—Затѣмъ она, не торопясь и безъ шума, отомкнула дверь, запертую на ключъ, и, какъ была, все еще не раздѣваясь, въ глубокой задумчивости опустила на кушетку...

Не прошло и получаса, какъ въ тихую комнатку бурей ворвался Джемми.

— Ну вотъ! ну вотъ!—Дождались!—Слава Богу, что мнѣ пришла мысль выставить посты внѣ „района“ по дорогѣ въ Бальмораль!..—Вѣдь безъ этого, можетъ быть, ты лежала бы тамъ, на пыльной дорогѣ...

— Но...—пролетела Мэдждъ,—мнѣ кажется... все это—какое-то ужасное недоразумѣніе...

— Однако же онъ бросился на тебя съ револьверомъ! Спасибо этому стрѣлку! Я отплачу ему! Вотъ вѣрный глазъ! Еще мгновеніе — и было-бы поздно!

— Но... право... я не видала у него въ рукахъ никакого револьвера...

— Однако его нашли рядомъ съ нимъ, на дорогѣ! Да наконецъ и стрѣлокъ ясно видѣлъ въ рукахъ его какой-то блестящій предметъ!..

— Все-таки... Джемми... это такъ ужасно... на моихъ глазахъ... руки, запачканныя кровью... можетъ быть, онъ вовсе...

— Ну, да! Конечно! Теперь пошли сантиментальности!...—Нѣтъ, сударыня! Я, разумѣется, не въ правѣ запретить вамъ гулять, гдѣ вамъ вздумается! хотя бы и въ толпѣ! Но знайте, что всякій, кто къ вамъ приблизится, и въ комъ можно будетъ подозрѣвать „его“ агента—будетъ застрѣленъ, какъ куропатка...—И если будутъ невинно-погибшіе—Богъ да вознаградитъ ихъ! А мнѣ—слишкомъ дорога ваша жизнь!..

Сдержанные рыданія заставили его опомниться.

Мэдждъ, свернувшаяся комочкомъ на своей кушеткѣ, вдругъ сдѣлавшаяся такой маленькой, слабой и беззащитной, горько плакала...

— My darling! my darling!—твердилъ Джемми, стараясь оторвать отъ ея лица руки, которыми она его закрывала, и осыпая ихъ поцѣлуями.—My darling! Я говорю глупости, я говорю совсѣмъ не то, что хотѣлъ сказать!—Слушай, mein liebchen! Дядя тысячу разъ правъ—ты не можешь, не должна хоронить свою жизнь въ этой берлогѣ!—Мы полетимъ! полетимъ, куда тебѣ вздумается...—сегодня—на Мадерѣ, черезъ два дня—въ Каирѣ, черезъ четыре дня—въ Японіи, черезъ недѣлю—гдѣ-нибудь въ южной Америкѣ... Нѣтъ!

„онъ“ за нами не угоняется!.. А когда будемъ возвращаться сюда, то... даже недурно будетъ отдохнуть отъ массы впечатлѣній въ нашемъ „районѣ“, отказавшись, конечно, отъ прогулокъ по бальморальской дорогѣ... Не такъ ли, my darling?

Слезы еще текли изъ ея глазъ, но она уже смѣялась, уже отвѣчала на его поцѣлуи.

— „Богъ да поможетъ вамъ“, — мелькала у нея въ головѣ заключительная фраза письма, полученнаго цѣною человѣческой жизни.—Но развѣ это не помощь Божія?—Безъ всякихъ просьбъ, безъ всякихъ уловокъ осуществляется то, о чемъ ни она, никто другой, не смѣли мечтать...

Этотъ запоздалый „voyage de pose“ былъ счастливейшимъ временемъ въ жизни Джемми, какимъ-то волшебнымъ сномъ...

Тѣмъ ужаснѣе было пробужденіе...

Недаромъ Джемми отговаривалъ ее отъ этой затѣи, указывалъ на близость Германіи, на возможность встрѣчи... Его томило какое-то предчувствіе... но она такъ просила!.. Ей казалось такимъ забавнымъ не подняться, а спуститься на вершину Юнгфрау, позавтракать, погулять и опять „подняться“, смѣясь надъ туристами, которые принуждены „спускаться“...

Что случилось? — несчастье или преступленіе?— Кто могъ отвѣтить? Кто могъ разрѣшить эту загадку?..

Она исчезла.

Она вошла въ зданіе станціи фуникулера, попро-

сивъ его „подождать одну минутку“, и уже не возвращалась...

Самые тщательные розыски не дали никакого результата.

По требованію „Царицы Міра“ была поставлена на ноги сыскная полиція всего свѣта.—Безрезультатно!..

Она исчезла безслѣдно...

.

Окончательно потерявъ всякую надежду добиться чего-либо на мѣстѣ, Джемми вернулся со своимъ кораблемъ въ „Долину тайнъ“ и здѣсь нашель письмо, ожидавшее его прибытія.

Оно было кратко.

„Сэръ. Правосудіе совершилось. Не ищите ея. Это былъ бы напрасный трудъ. Вы всемогущи и можете уничтожить меня, но смѣю замѣтить, что у насъ, въ Германіи, такого рода дѣла разрѣшаются на полѣ чести. Предоставляя вамъ свободный выборъ образа дѣйствій, считаю себя въ правѣ засвидѣтельствовать, что, давъ ложное показаніе господамъ Хольмсу и Пинкертону, вы поступили недостойно джентльмена. Фридрихъ Цуръ-Мюленъ“.

Въ Англіи, какъ извѣстно, дуэль непринята, но въ данномъ случаѣ — столеновенія съ подданнымъ классической страны дуэлей, гдѣ на нее смотрять, какъ на судъ Божій, — возможно ли было колебаться?..

Тѣмъ болѣе... этотъ намекъ на то, что „онъ“ заранѣе готовъ претерпѣть всякое насиліе безъ надежды оказать какое-либо сопротивленіе...

Джемми рѣшилъ послать ему своихъ секундантовъ, и дядя Джорджъ одобрилъ такое рѣшеніе.

Поединокъ состоялся на разсвѣтѣ 16 декабря въ окрестностяхъ Льежа.

Двѣнадцать шаговъ (меньше нельзя по правиламъ) и стрѣльба по командѣ.

Графъ Цуръ-Мюлень—убить. Лордъ Старстонъ тяжело раненъ.

VI.

Великая революція.

Пока въ опустѣломъ коттеджѣ, еще такъ недавно полномъ жизни, свѣта и счастья, Джемми боролся со смертью, окруженный попеченіями преданныхъ старыхъ слугъ, заботами товарищей и подчиненныхъ,— на міровой аренѣ подготавливалась великая трагедія, и событія, одно другого значительнѣе, слѣдовали съ головокружительной быстротой.

Знаменитый манифестъ Эдуарда VII не вызвалъ всемірной революціи потому, что ударъ пришелся по правящимъ и капиталистическимъ кругамъ общества. Народныя массы, безъ различія національностей, привѣтствовали его, какъ благую вѣсть.

Если главы государствъ возмущались и негодовали (конечно, про себя) по поводу низведенія ихъ на роль управителей автономныхъ областей міровой имперіи, если миллионеры и миллиардеры горѣли безсильнымъ бѣшенствомъ, видя, какъ день ото дня дешевѣютъ деньги и дорожаетъ трудъ,—зато тѣ, чей

трудъ мало-по-малу дѣлался краеугольнымъ камнемъ общественнаго и личнаго благополучія, чей трудъ готовился въ близкомъ будущемъ стать единственной цѣнностью — они благословляли великаго преобразователя.

Быль, однако же, въ этой системѣ одинъ слабый пунктъ, и умные люди не замедлили его использовать.

Десятки и сотни миллионѣвъ брошюръ и листовъ, дѣятельно распространявшихся по всему свѣту, не уставали твердить, что величайшее открытіе XX вѣка все же монополизировано Англійей, и что такой захватъ — преступленіе.

Неизвѣстные авторы рисовали волшебныя картины будущаго, заманчивыя перспективы, которыя могли бы такъ легко осуществиться, если бы только тайна generator'a сдѣлалась достояніемъ всего человѣчества.

Не пришлось бы ни рыть туннелей, ни строить мостовъ для желѣзнодорожныхъ путей; не было бы нужды гигантскимъ пароходамъ огибать цѣлые материки, бороться съ подводными опасностями, съ противными теченіями и штормами океановъ, чтобы доставить къ мѣсту свой драгоцѣнный грузъ...—Сообщеніе между двумя любыми точками земной поверхности производилось бы безпрепятственно, безопаснѣйшимъ и кратчайшимъ путемъ!..

А примѣненіе той же, чудодѣйственной, силы въ промышленности, въ повседневной жизни?..

Почему же, во имя чего не хотятъ дать рабочему человѣку возможности разогнуть его усталую спину, облегчить, свести до минимума его тяжкій трудъ?—Не искупленъ ли первородный грѣхъ?—Не настало ли

время, когда суровый приговоръ—„Въ потѣ лица твоего добывай хлѣбъ твой“—за давностью потерялъ силу, и Всевышній, повѣдавъ избраннику великую тайну, не возстановилъ ли тѣмъ самымъ перваго своего завѣта, которымъ землю со всѣмъ, что на ней, предназначилъ во владѣніе человѣка—вѣнца своего творенія?

Боятся, что великое открытіе будетъ употреблено во зло? Что вновь возникнутъ распри и междоусобія? Но такое опасеніе имѣло смыслъ лишь въ первый моментъ. Теперь, когда арміи распущены, флоты разоружены... когда народы, сбросивъ съ себя бремя милитаризма, на опытѣ познали блага всеобщаго мира, пора убрать этотъ мечъ, занесенный надъ ними, пора и его „перековать на плугъ!“

Если владѣющій мечемъ неустанно грозитъ мирнымъ труженикамъ, не помышляющимъ о насиліи, живущимъ и работающимъ въ братскомъ согласіи, то тѣмъ самымъ дѣлаетъ себя господиномъ, а ихъ—своими рабами!

Къ чему эта угроза?

Это ли обѣщанный „миръ Божій?“

„Свобода, равенство и братство!“—великій девизъ, провозглашенный болѣе вѣка тому назадъ—языкомъ смертныхъ переданный безсмертный завѣтъ—„Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя“...

Развѣ не глумятся надъ этими святыми словами тѣ, что кощунственно начертали ихъ нынѣ на своемъ знамени?

Возможна ли „свобода“ тамъ, гдѣ сила замѣняетъ право?

Всеобщее рабство есть ли идеаль „равенства?“

„Братство!..“—Смѣшно было бы говорить о братствѣ между рабами и ихъ повелителями, а что касается братства среди рабовъ, то оно существовало съ незапамятныхъ временъ...

Во имя этого братства, **НАРОДЫ МІРА, ОБЪЕДИНИТЕСЬ!..**

Конечно, этой пропагандѣ была противопоставлена контръ-пропаганда.

Епископъ Кентерберійскій сказалъ великолѣпную проповѣдь, которая въ сотняхъ мильоновъ экземпляровъ, переведенная на всѣ языки, была распространена по свѣту.

Въ ней указывалась, въ ней явственно разоблачалась преступная игра словами священнаго писанія, допущенная соблазнительями.

Пусть сказано, что „поднявшій мечъ отъ меча погибнетъ?“—Но хранящій мечъ въ ножнахъ, какъ оружіе для защиты слабого отъ возможнаго насилія, развѣ заслуживаетъ гибели? Развѣ ему она предсказана?

Не вернулись ли мы къ тому времени, когда первые люди въ райской обители пользовались благами „мира всего міра?“ Но вѣдь и имъ дана была заповѣдь—„не вкушать отъ плодовъ древа познанія добра и зла“.—Нарушивъ ее, утратили они свое блаженство, вступили въ юдоль мрака и страданія...

— Вкусите, и все познаете, и будете, какъ боги!— говорилъ діаволь...

И его послушали...

И нынѣ, какъ нѣкогда, соблазняютъ васъ и говорятъ:
„Сорвите завѣсу съ тайны и будете владѣть міромъ!“

Послушаете ли опять?

Кровью Христа Спасителя искупленъ первородный грѣхъ...

Чѣмъ искупите его повтореніе?..

Не лютой ли казнью всего человѣчества?..

Однако же контръ-пропаганда имѣла успѣхъ весьма посредственный, вѣрнѣе... не имѣла почти никакого успѣха...

Вѣдь такъ легко было играть на этой самой слабой струнѣ человѣческаго сердца—„на жаждѣ лучшаго“...

— Они говорятъ:—„Сброшенъ гнетъ милитаризма; личный трудъ сдѣлался основой благосостоянія—радуйся!“—Лицемерь!

— Они говорятъ:—„Какъ тяжело было раньше, и какъ легко теперь!—Чего желать еще? къ чему еще стремиться?..“—Грабители!

Да! грабители! потому что не хотятъ подѣлиться съ другими благами великаго открытія, только для себя берегутъ сокровище, которое могло бы сравнять имущественныя и сословныя различія!

„Никто, возжегши свѣтильникъ, не скрываетъ его подъ спудомъ, но ставитъ открыто, да свѣтитъ міру“.
Это тоже изъ священнаго писанія!..

Броженіе усиливалось...

На пространствѣ всего земного шара народныя массы глухо волновались.

Лозунгъ агитаторовъ былъ такъ заманчивъ, такъ общепонятенъ—„Хорошо, но можетъ быть еще лучше. —Есть довольство, а могло бы быть счастье“.

Резолюціи, выносившіяся гигантскими митингами, петиціи, покрытыя милліонами подписей,—всѣ резюмировались немногими словами:—Сдѣлайте великое открытіе достояніемъ человѣчества!

Если контръ-пропаганда не имѣла успѣха, то репрессіи, къ которымъ попыталось прибѣгнуть правительство Царицы Міра, только подлили масла въ огонь и усилили движеніе.

Въ довершеніе всего пронесся слухъ, что тайна генератора уже раскрыта, что гдѣ-то въ какихъ-то глухихъ мѣстахъ уже сооружаются воздушные корабли, и близокъ день, когда они соберутся въ эскадры и выступятъ противъ поработителей.

Этотъ слухъ, неясный, неопредѣленный, упорно держался.

Правительство встревожилось.

Воздушная полиція осматривала всѣ уголки міра, но тщетно.

Кромѣ пословъ, посланниковъ и резидентовъ, проживавшихъ въ столицахъ, во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ пунктахъ были учреждены консульства, снабженныя огромнымъ штатомъ агентовъ, выслѣживавшихъ призракъ грозной опасности.

Начались обыски и аресты...

Всякому становилось очевиднымъ, что народы утратили свою самостоятельность и порабощены міровой

имперіей, что императоры, короли, президенты республикъ и ихъ парламенты фактически лишены всякой власти...

Гнетъ становился невыносимымъ...

Наконецъ—вспыхнула великая революція!

Mot de Cambrone.

Какъ и слѣдовало ожидать, начала Франція, открыто, смѣло, почти безразсудно выступивъ въ защиту поправныхъ „правъ человѣка“.

Передъ величіемъ задачи смолела вражда партій; отъ крайнихъ правыхъ до крайнихъ лѣвыхъ — всё объединились, и палата депутатовъ вотировала единогласно слѣдующую резолюцію:

„Принимая во вниманіе, что правительство Великобританіи упорно хранитъ, исключительно въ своихъ интересахъ, тайну великаго открытія, которое могло бы осчастливить человѣчество,—мы объявляемъ это правительство врагомъ народовъ, а слугъ его—внѣ закона“.

Въ тотъ же день сенатъ, тоже единогласно, одобрилъ эту резолюцію, сдѣлавъ въ ней небольшое добавленіе, а именно:

„Британскимъ подданнымъ предоставляется трехдневный срокъ для ликвидаціи ихъ дѣлъ, по истеченіи котораго они обязаны покинуть предѣлы Франціи“.

Англійскій посоль потребовалъ немедленнаго выпуска обѣихъ палатъ.

Престарѣлый Фальеръ (недавно вновь избранный на свой высокій постъ) просилъ его обождать до завтра, такъ какъ случай оказывался неимѣющимъ прецедентовъ:—Палата, сенатъ и кабинетъ министровъ единогласно приняли опредѣленное рѣшеніе. Если даже онъ, лично, президентъ республики, не сочувствуетъ этому рѣшенію, то имѣетъ ли онъ право ему противиться? не надлежитъ ли ему прибѣгнуть предварительно къ плебисциту или просто сложить свои полномочія?

За ночь уже выяснилось съ достаточной опредѣленностью, что всякій плебисцитъ является излишнимъ, такъ какъ со всѣхъ концовъ Франціи—отъ генеральныхъ совѣтовъ, общинъ и городовъ—неслись по телеграфу восторженные привѣтствія мужественному рѣшенію и обѣщанія поддержки въ борьбѣ за священныя права человѣка.

Утромъ весь Парижъ былъ на улицахъ, и несмѣтныя толпы народа устремились въ Версаль. Гремѣла марсельеза; вѣяли трехъ-цвѣтные флаги... По чьей-то мысли изъ старыхъ арсеналовъ и музеевъ были добыты полуистлѣвшія знамена, свидѣтели былой славы, на которыхъ можно было прочесть всю исторію Франціи.

Къ нимъ относились съ благоговѣніемъ, не различая, какую эпоху, какой режимъ они характеризуютъ. Королевскія лиліи, императорскіе орлы, фригійскія шапки, вздѣтыя на пики, красное знамя коммуны и церковныя орифламы—всѣ встрѣчались громовымъ кликомъ—„Vive la France!“

Это былъ день всеобщаго братства, всеобщаго единенія...

Какъ только открылось засѣданіе конгресса, англійскій посоль попросилъ слова и поднялся на трибуну.

Рѣчь его отличалась краткостью и опредѣленностью.—Вѣрнѣе сказать, это былъ ультиматумъ.— Онъ требовалъ полной покорности, сдачи на милость побѣдителя.

— Сопротивленіе безцѣльно и нелѣпо,—закончилъ онъ,—воздушный флотъ уже спѣшитъ къ Парижу, и, въ случаѣ отказа въ повиновеніи, смететъ его съ лица земли. Обращаюсь къ вашему благородію и жду вашего отвѣта.

Президентъ грузно поднялся со своего мѣста и заговорилъ добродушнымъ тономъ стараго крестьянина:

— Милордъ! вечеромъ, въ день битвы при Ватерло остатки старой гвардіи, бывшіе въ тотъ моментъ, передъ лицомъ побѣдоноснаго врага, послѣдними представителями императорской Франціи, оказались окруженными вашими соотечественниками... Они не сдались, а когда англійскій генераль крикнулъ, что всѣхъ ихъ перестрѣляетъ, то генераль Камбронъ бросилъ ему въ лицо короткое слово, которое съ тѣхъ поръ такъ и называется „mot de Cambrone“. Вы, вѣроятно, его знаете...—Въ данный моментъ мы, послѣдніе народные представители свободной Франціи—(голосъ его зазвучалъ торжественно)—стоимъ передъ лицомъ врага, который грозитъ уничтожить насъ своимъ воздушнымъ флотомъ!—Но мы не сдаемся!—Думаю, что буду выразителемъ единодушнаго мнѣнія не только здѣсь присутствующихъ, но и всего народа, если отвѣчу вамъ тѣмъ же сло-

вомъ, какимъ нѣкогда Камбронъ отвѣтилъ вашему соотечественнику!..—Такъ ли я сказалъ, господа члены конгресса?

Бѣшенный взрывъ аплодисментовъ и криковъ порывъ заключительныя слова этой, единственной въ своемъ родѣ, рѣчи.

— Къ оружію, граждане!—вопилъ Жоресъ, потрясая кулаками.—За свободную Францію! Смерть или побѣда!

А Бодри д'Ансонъ, этотъ *enfant terrible* палаты, прыгая черезъ кресла, добрался до него, крикнулъ— „Вмѣсто пары пощечинъ, которыя я всегда обѣщаль вамъ при моихъ выступленіяхъ, примите пару поцѣлуевъ!“—и бросился къ нему на шею...

Чины англійскаго посольства вынуждены были скрыться отъ народной ярости...

Однако же беспроволочный телеграфъ успѣлъ сообщить о происшедшемъ воздушной эскадрѣ раньше, чѣмъ былъ уничтоженъ толпой.

Еще въ теченіе двухъ сутокъ угроза, высказанная лордомъ — бомбардировка беззащитнаго Парижа — не приводилась въ исполненіе.

Эдуардъ VII колебался...—Неужели такимъ ужаснымъ путемъ должна была завершиться его свѣтлая мечта о мирѣ всего міра, о благѣ человѣчества?..

Однако, переговоры, которые пытались завязать, не имѣли никакого успѣха, а между тѣмъ резолюція конгресса неукоснительно приводилась въ исполненіе. Британскіе подданные выселялись изъ предѣловъ

Франціи въ назначенный срокъ по доброй волѣ или при... содѣйствіи мѣстныхъ властей.—Надо отдать справедливость, что послѣднія прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы оградить имущественную и личную безопасность выселяющихся, а это было не такъ-то легко ввиду возбужденія, овладѣвшаго массами.

Дальнѣйшее промедленіе могло быть принято за слабость. — Развѣ эти массы поняли бы, что ихъ щадятъ? — Конечно, они сочли бы себя побѣдителями!—Создавался крайне опасный прецедентъ, который, разросшись во всемірную революцію, могъ бы повести къ повсемѣстному бойкоту Англійи и сдѣлать ее—Царицу Міра—самымъ жалкимъ изъ государствъ, любое изъ которыхъ, самое могущественное, она имѣла и силу, и возможность уничтожить.

Необходимы были рѣшительныя мѣры, чтобы пресѣчь зло въ корнѣ.—Такого мнѣнія единодушно держались не только члены англійскаго правительства, но и народъ, такъ какъ безъ всякихъ понужденій со стороны властей, по частной инициативѣ, вновь формировались давно распущенные полки регулярной арміи и милиціи, и ветераны суданской, бурской и китайской кампаніи радостно спѣшили подъ знамена Старой Англійи..

— Скажите, Генри!—говорилъ король своему старому камердинеру, нервно шагая по кабинету въ ожиданіи доклада,—что Верховный Совѣтъ въ сборѣ. Скажите! чего имъ нужно? чего они добиваются? Вѣдь ни одинъ народъ не благоденствовалъ при старомъ режимѣ такъ, какъ теперь! Я далъ имъ все, всѣ блага міра... Чего имъ не хватаетъ?—только возможности

вредить другъ другу... Этого. я имъ не далъ и... не хочу дать, и не дамъ!.. Для ихъ же пользы!..—Поймите, Генри, для ихъ же пользы!..—Почему же они встаютъ противъ меня? Во имя чего готовы жертвовать собой, счастьемъ и довольствомъ своихъ близкихъ?..

— Осмѣлюсь доложить, сэръ...—промолвилъ старикъ, какъ бы собираясь съ мыслями.—Если бы мнѣ за большое... очень большое вознагражденіе, посуливъ золотыя горы, предложили сдѣлаться французомъ и... застегивать ботинки ихъ президента...—я бы... добровольно не согласился. Можетъ быть я глупъ, и меня слѣдовало бы принудить принять предложеніе... Право, не знаю...

— Ахъ, Генри, Генри!—Но возможно ли царство любви и мира утвердить насиліемъ!—Вотъ сомнѣніе, которое меня гложетъ...

— Однажды, сэръ... Сынъ Божій пытался утвердить его кротостью, проповѣдью всепрощенія...

Бесѣда была неожиданно прервана появленіемъ дежурнаго адъютанта, доложившаго, что чины правительства и представители обѣихъ палатъ ожидаютъ выхода Его Величества.

Рѣшеніе было принято...

Міръ содрогнулся отъ ужаса...

VII.

Разгромъ Франціи.

Бомбардировка наиболѣе богатыхъ городовъ и промышленныхъ центровъ не привела къ желаемымъ результатамъ.—Франція не изъявила покорности...

На жестокость отвѣчали жестокостью...

Британскіе подданные, не успѣвшіе покинуть возмущившуюся страну, безпощадно истреблялись безъ различія пола и возраста, а ихъ имущество уничтожалось.

Каждый ребенокъ, едва научившійся лепетать, уже зналъ пѣсню, сложенную какимъ-то безвѣстнымъ авторомъ, и радостно подхватывалъ гордый refrain:

„Vous avez pu terroriser le monde,

„Mais notre sœur—vous ne l'aurez jamais!“

Дѣйствительно, при томъ единодушій, которымъ было охвачено все населеніе Франціи, когда роялисты, бонапартисты, республиканцы, социалисты, даже самъ Эрве, объединялись лозунгомъ марсельезы— „Contre nous de la Tygannie l'etendard sanglant est levé!“— Царица Мира была поставлена въ положеніе, почти безвыходное.

Владѣя воздухомъ, она оказывалась безсильной владѣть людьми, которые дышали этимъ воздухомъ, потому что эти люди рѣшили бороться до послѣдняго, и только смерть заставляла смолкнуть ихъ гордый, хотя и безсильный, протестъ.— Ихъ возможно было уничтожить, но поборить—нельзя...

Къ тому же вскорѣ, въ этой чудовищной борьбѣ беззащитной массы съ малочисленнымъ, но всемогущимъ врагомъ, выработалась особая тактика.

Почти всѣ силы воздушнаго флота были сосредоточены надъ территоріей Франціи, но ихъ все же оказывалось недостаточно для неуспѣшнаго наблюденія за каждымъ уголкомъ страны.—Особенно затруднилось

такое наблюдение ночью, так какъ лучи электрическихъ прожекторовъ освѣщали районъ, прямо, ничтожный. Между тѣмъ въ лѣсахъ, въ горныхъ ущельяхъ собирались граждане, формировавшіе свои батальоны... Чуть появлялся на небѣ воздушный врагъ, сборище разсѣивалось, а преслѣдовать и уничтожать одиночныхъ людей казалось нелѣпой жестокостью, вдобавокъ, недостигающей цѣли...

Становилось ясно, что въ томъ случаѣ, когда приходилось имѣть дѣло не съ правительствомъ, не съ его арміей, а съ самимъ народомъ,—одного воздушнаго флота недостаточно...

200-тысячная армія высадилась въ устьяхъ Сены и конвоируемая воздушной эскадрой, уничтожавшей по пути ея слѣдованія всякое подобіе укрѣпленій, разсѣивавшей всякое сборище людей, двинулась на Парижъ, лежавшій въ развалинахъ.

Она достигла его, нигдѣ не встрѣтивъ сопротивленія...

Но дальше?

Дальше началась самая беспощадная народная война, хуже той, которую испанцы характеризуютъ словами—„Война на ножахъ“.—Война, въ которой не только ножъ, но все, могущее причинить смерть или увѣчье, было пущено въ ходъ, все—до огня и яда включительно... война, въ которой все считалось дозволеннымъ.

Одиночные люди, даже небольшіе отряды, отдѣлявшіеся отъ главныхъ силъ и углублявшіеся въ страну, если только они не конвоировались воздушнымъ кораблемъ—пропадали безъ вѣсти.

Англійскія войска, вынужденныя держаться сплочено, владѣли лишь той территоріей (вѣриѣе клочками ея), на которой находились гарнизоны достаточной силы и охраняемые „сверху“.—Впрочемъ, даже и въ этихъ убѣжищахъ полной безопасности не было: заняты ими жилища—горѣли; источники—оказывались отравленными; продукты питанія—носили въ себѣ прививки злѣйшихъ эпидемій; мосты рушились; въ туннеляхъ происходили обвалы...

Иногда удавалось захватывать злоумышленниковъ и предавать ихъ казни.—Чалце—страдали невинные.—Но ряды бойцовъ все пополнялись новыми мстителями...

Лордъ Китчеръ, слѣшно вызванный изъ Индіи, убѣдившись въ невозможности терроризовать населеніе, какъ это удалось ему въ суданской кампаніи, попробовалъ примѣнить ту систему, которая доставила ему успѣхъ въ Южной Африкѣ,—но и это оказалось неосуществимымъ: если возможно было, располагая 250-тысячной арміей, взять въ плѣнъ все населеніе бурскихъ республикъ, едва достигавшее этой цифры, включая въ счетъ стариковъ, женщинъ и дѣтей, то вѣдь для 45 милліоновъ, чтобы поступить съ ними аналогичнымъ образомъ, потребовалась бы армія... въ 50 милліоновъ!..

Рѣшено было взять непокорныхъ изморомъ.

Отряды англійскихъ войскъ замкнулись въ укрѣпленныхъ пунктахъ. Воздушный флотъ патрулировалъ страну и держалъ строгую блокаду ея границъ. Франція была отрѣзаца отъ міра, обречена на постепенное одичаніе и вымираніе, если... не покорится...

Но она не покорялась!

Мало того! Разсѣявшіеся по глухимъ угламъ, самой націей охраняемые, ея представители (какимъ способомъ — неизвѣстно) пребывали въ постоянномъ общеніи между собою, издавали декреты, руководили дѣйствіями массъ, а самоотверженные люди ухитрились, какими-то путями, вывозить за границы „обреченной“ страны ихъ воззванія, обращенныя къ народамъ міра.

Эти воззванія, полныя горячей вѣры въ конечное торжество права надъ силой, переводились на всѣ языки, проникали всюду...

„Молитесь за погибающихъ, но не жалѣйте ихъ! Не оскорбляйте состраданіемъ тѣхъ, кто достоинъ зависти! Мы умираемъ свободными и вѣримъ, что близокъ часъ, когда буйное пламя прорветъ слой шлака и пепла, которымъ его старательно прикрывали. Близокъ часъ, когда проснется могучій духъ народовъ, сбросить съ себя оковы призрачнаго благополучія и довольства и властно потребуетъ, чтобы не какія-то крохи съ барскаго стола давались ему, но чтобы за этимъ столомъ каждому дано было мѣсто по праву! И если возстанутъ всѣ, всѣ, до послѣдняго парія, то что же предприметъ Царица Міра? Рѣшить упиточить человѣчество? — Невозможно! — Она захлебнется въ крови!“

И многое другое въ этомъ родѣ.

День ото дня положеніе становилось серьезнѣе.

Еще бы! Когда даже въ далекой Японіи, и тамъ мальчуганы, ученики начальныхъ школъ, наравнѣ съ національнымъ гимномъ пѣли „Фурансуно гайка“ (побѣдная пѣснь Франціи) съ припѣвомъ „Секай во одосу

кого девите,—вага кокоро но—цуи ни най!“ (Пусть вы смогли утратить весь міръ, но наше сердце—никогда)!

Нибелунги.

Въ глухой, затерянной среди горъ, долинѣ Тибета крейсера воздушнаго флота обнаружили, наконецъ, верфь, на которой строились воздушные корабли по системѣ, составлявшей монополию Царицы Міра, снабженные двигателями, работавшими generator'омъ, и даже складъ (небольшой) самого generator'а...

Строители, захваченные врасплохъ, не захотѣли сдаться на милость побѣдителя, подожгли зданія, склады, видимо пытаясь уничтожить компрометирующие документы, вещественныя доказательства; зато и сами были уничтожены.

Однако же кое-что, какіе-то клочки, извлеченные изъ-подъ пылающихъ обломковъ, дали правительству Царицы Міра руководящую нить къ раскрытію все-свѣтнаго заговора, имѣвшаго цѣлью ниспровергнуть ея владычество.

Одно было несомнѣнно: тайна generator'а перестала быть тайной, и эту раскрытую тайну пытались использовать для борьбы съ Царицей Міра, для борьбы съ ней равнымъ оружіемъ!

Правда, удалось, руководствуясь добытыми данными, розыскать и уничтожить еще двѣ подобныя верфи—въ верховьяхъ Нигера (Африка) и въ Чилийскихъ Андахъ (Ю. Америка), но по тѣмъ намекамъ,

которые имѣлись въ рукахъ, число ихъ надо было опредѣлять десятками!—Гдѣ же? Вѣдь всѣ обитаемыя мѣста состояли подѣ надзоромъ агентовъ верховнаго правительства, патрулировались воздушнымъ флотомъ.

Вскорѣ же выяснилось, что все до нынѣ обнаруженное оказывалось излишне самонадѣянными, дерзкими выходками, которыми враги „мира всего міра“ пытались ускорить ходъ событій, что главныя силы строятся скрытно, подѣ землей и въ нѣдрахъ горъ, недоступныя наблюденію ни воздушной полиціи, ни агентовъ консульствъ.

Это извѣстіе, облетѣвшее Англію съ быстротой молніи, вызвало бурю негодованія, не безъ примѣси, однако же, затаенной тревоги.

Требовали самыхъ рѣшительныхъ мѣръ.

Какихъ?—Въ этомъ должно было разобраться правительство.

Правительство не дремало, но... вѣдь нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, приняты за истребленіе человѣчества и сметать съ лица земли всякій поселокъ, гдѣ его агенты встрѣчали недружелюбный пріемъ? А если чаша терпѣнія переполнится и всѣ послѣдуютъ примѣру Франціи? Вѣдь бойкотированной окажется сама Царица Міра!

Положеніе было весьма затруднительное.

Новое открытіе. (И притомъ необычайной важности). Глава міроваго заговора — императоръ Вильгельмъ! — Оказывается, по наведеннымъ справкамъ, что добыча угля въ Вестфалии сильно упала, а между тѣмъ наплывъ рудокоповъ въ эту страну (рудокоповъ ли?) неимоვნю возросъ, при чемъ новоприв-

шіе стремятся преимущественно въ южную, гористую часть страны и здѣсь, словно, сквозь землю проваливаются...

Всякія попытки проникнуть въ таинственную область, разузнать въ чемъ дѣло, терпѣли неудачу. Офіціальныхъ представителей мірового правительства встрѣчали съ почетомъ, устраивали имъ торжественныя приемы не только на поверхности земли, но даже въ глубинѣ копей, залитыхъ электричествомъ и украшенныхъ флагами...—Этимъ все и заканчивалось.—Но если высокія особы не имѣли, да и не могли имѣть, успѣха въ своей миссіи, то, можетъ быть, отряды офіціальныхъ и неофіціальныхъ агентовъ, ихъ сопровождавшіе, что-нибудь развѣдывали?..—И—да, и—нѣтъ.—Кое что, конечно, было, но все только намеки на что-то, такъ какъ наиболѣе предприимчивые и пронырливые неизмѣнно дѣлались жертвами либо катастрофы, либо (по свидѣтельству проводниковъ) собственной неосторожности, а что касается агентовъ неофіціальныхъ—такъ тѣ просто пропадали безъ вѣсти...

Это становилось похожимъ на... глумленіе, чего Царица Міра, конечно, снести не могла!

Глухою ночью отряды галендеровъ, высаженные воздушнымъ флотомъ, окружили Потсдамскій дворецъ. Караулъ не оказалъ и тѣни сопротивленія.

Часовые, услышавъ въ отвѣтъ на свой окликъ грозныя слова—„Rule, Britannia!“—брали „на-караулъ“ и безпрепятственно пропускали пришельцевъ.

Но дворецъ былъ пустъ...

Зато на слѣдующее утро весь міръ (на это были

какія - то таинственныя средства, пресѣчь которыя сама Царица Міра оказывалась не въ силахъ) читалъ манифестъ бывшаго императора Германіи и короля Пруссіи:

„Довольно сраму! Мою корону я уступаю тому, кто, въ своей рабской преданности Царицѣ Міра, согласится надѣть ее!—Не золото, не брилліанты составляли ея цѣнность!—Я принялъ ее съ благоговѣніемъ, какъ символъ свободной власти надъ свободнымъ народомъ, въ которомъ я только первый свободный гражданинъ! — Народъ мой низвергнуть въ рабство Царицѣ Міра, и я, первый, сдѣлался ея первымъ рабомъ!..—Не хочу быть имъ, не хочу носить короны, утратившей бывшее значеніе!..

Кто хочетъ быть свободнымъ—иди за мной!

Царица Міра владѣетъ воздухомъ, окружающимъ землю, на поверхности которой мы живемъ...

Въ этомъ надземномъ царствѣ мы поработены ею.

Уйдемъ подъ землю! Слава Всевышнему!— тамъ власть ея не достигнетъ насъ.

И тамъ, въ нѣдрахъ нашей прародительницы, выкуемъ грозное оружіе, съ которымъ выступимъ противъ нашего общаго врага!

Наши поработители, въ своемъ самомнѣніи, уже придумали намъ насмѣшливую еличку „Нибелунговъ“, гномовъ, мечтающихъ покорить міръ...

Что-же? Примемъ это прозвище!

Будемъ носить его съ гордостью!

За мной, „Нибелунги“! за мной!“

Карты были брошены на столъ.

Пока еще разыщутъ остальные подземныя верфи, но, въ данный моментъ, необходимо было разорить гнѣздо всемірнаго заговора, захватить или... уничтожить его вдохновителя.

Наученные горькимъ опытомъ войны съ Франціей, войска Царицы Міра на этотъ разъ не предприняли похода для завоеванія Германіи.—Просто воздушный флотъ былъ мобилизованъ и близъ Мюнстера высадилъ на поверхность земли воинскую силу, казалось бы, вполне достаточную для проникновенія въ заповѣдную область и для разрушенія всякихъ „подземныхъ верфей“.

Конечно, экспедиціонный корпусъ конвоировался воздушной эскадрой, всегда готовой уничтожить всякое препятствіе на его пути—будь то скопище лѣдей или какія-нибудь искусственныя преграды.

Вотъ тутъ-то и вышла ошибка.

Не подумали о томъ, что могутъ быть и подземныя укрѣпленія.

На второй день похода корабли воздушнаго флота, обслѣдовавшіе и „очищавшіе“ путь, по которому двигалась армія, были встрѣчены энергичнымъ артиллерійскимъ огнемъ изъ-подъ земли...

Снаряды, страшной разрушительной силы, сыпались градомъ, а принимая во вниманіе, что аэроавты, увѣренные въ полной безопасности, шли такъ низко, что могли въ рупоръ переговариваться съ кавалерійскими разъѣздами, стрѣльба, почти въ упоръ, нанесла имъ существенный уронъ... Многіе вовсе погибли, взорвавшись, или опрокинувшись и рухнувъ на

землю; иные, подбитые, вынуждены были спуститься, чтобы исправить поврежденія... Учѣлѣвшіе взвились кверху, но выйдя за предѣлы досягаемости этой „проклятой подземной артиллеріи“, они оказывались безсильными помочь своимъ войскамъ, уже борющимся грудь съ грудью съ батальонами, выроставшими изъ-подъ земли...

Напрасно метали они бомбы по линіи подозрѣваемыхъ подземныхъ батарей,—эти послѣднія были такъ искусно замаскированы, такъ ловко прятались въ своихъ норахъ, что только „шалъная“ бомба могла нанести имъ вредъ (конечно не обошлось и безъ этого).—Различить ихъ съ безопасной дистанціи оказывалось невозможнымъ; спуститься на столько, чтобы опознать врага, значило быть разстрѣляннымъ...

А на поверхности земли кипѣлъ ожесточенный бой...

Захваченные врасплохъ, плохо обученные полки милиціи, собравшіеся на „веселенькій пикникъ“ въ Вестфалію, шедшіе походнымъ строемъ, глубоко увѣренныя, что воздушные конвоиры гарантируютъ имъ полную безопасность, были сматы, обратились въ бѣгство... Многіе бросали оружіе, молили о пощадѣ, но... пощады не было...

Только на разсвѣтѣ, когда остатки воздушной эскадры, уже внѣ раіона дѣйствія орудій подземной крѣпости, приспустились, опознали остатки своей арміи и тѣснымъ кольцомъ окружили ее,—довелось имъ вздохнуть свободно...

Это было не пораженіе, но—разгромъ...

Еще не разъ пытался воздушный флотъ уничто-

жить таинственную преграду, недопуславшую войска Царицы Мира проникнуть въ заповѣдную область, но все тщетно. Либо мечи бомбы на-угадъ, возбуждая только веселость противника (кромѣ рѣдкихъ, „шалыхъ“, попаданій) либо—прислусть и будь разстрѣлянь...

Вся Германія могла быть разорена, превращена въ пустыню, но цитадель ея оказывалась неприступной...

Развѣ, что и тутъ попробовать „взять изморомъ“, блокадой, въ надеждѣ, что, когда ѣсть станетъ нечего, сдадутся на милость побѣдителей?..

Планъ не дурень!

Такъ и рѣшили.

Правительственныя сообщенія не замедлили внести успокоеніе въ широкіе круги англійскаго общества, встревоженные послѣдними извѣстіями.

„Ничего особеннаго не случилось, и страхи, по-сѣваемые алармистами, лишены всякаго основанія—повѣствовалъ офиціозъ министерства. — Мы, безусловно, могли бы уничтожить и центральную подземную верфь въ Вестфалии, вмѣстѣ съ „королемъ Нибелунговъ“, и всѣ подобныя ей, имѣющіяся въ различныхъ пунктахъ земного шара, но это потребовало бы слишкомъ большихъ жертвъ, вызвало бы излишнее кровопролитіе, противорѣчащее девизу, начертанному на знамени Царицы Мира—„Миръ всего Мира“... Пусть роятся въ нѣдрахъ горъ трудолюбивые Нибелунги!—Пусть дышатъ черезъ отдушину, прокопанную ими въ толщѣ скаль, такія ничтожныя по размѣрамъ, что наши крейсера не могутъ различить ихъ съ вы-

соты!—Пусть тѣшатся!—Вѣдь не изъ этихъ-же поръ вылетятъ воздушные корабли, способные помѣряться въ открытомъ бою съ нашимъ флотомъ!—Собирать эти корабли придется подъ открытымъ небомъ, а тогда—они будутъ уничтожены, ибо за каждой такой верфью наблюдаетъ специальная эскадра. Если же—иронизировать оффиціозъ — господа Нибелунги думаютъ собрать свои корабли подъ землю и летать на нихъ въ своемъ подземномъ царствѣ, то мы можемъ лишь привѣтствовать такую блестящую идею и ничего не имѣемъ противъ ея осуществленія“.

VIII.

На стражѣ.

Джемми, лишь недавно окончательно оправившійся отъ полученной раны и вступившій въ исполненіе обязанностей, съ „Первой воздушной эскадрой“, которой былъ начальникомъ, блокировалъ „Царство Нибелунговъ“.

Это было прескучное занятіе.

Держаться приходилось высоко, внѣ досягаемости орудій подземныхъ крѣпостей, и зорко наблюдать въ трубы и бинокли не обнаружится ли гдѣ-нибудь подозрительный обвалъ, не появятся ли значительныя группы людей или какіе-нибудь другіе признаки производимыхъ работъ. При малѣйшемъ подозрѣніи начиналась бомбардировка, несшая съ собой чисто стихійное разрушеніе. Кромѣ того приходилось патрулировать „нейтральную зону“, т. е. полосу земли между

кольцомъ подземныхъ крѣпостей и обложившими ихъ со всѣхъ сторонъ войсками Царицы Мира („Punch“ окрестилъ эту зону „Кольцомъ Нибелунговъ“).—Въ этомъ „кольцѣ“ не только все живое, но даже вся растительность, всѣ постройки были уничтожены. Это кольцо отрѣзывало Нибелунговъ отъ міра.

Однако, были основанія предполагать, что они все же ухитрились поддерживать сношенія съ нимъ.

Вѣроятно, въ темныя ночи отдѣльные смѣльчаки пробирались съвозъ линіи часовыхъ.

Случалось, что патрули захватывали какихъ-то подозрительныхъ людей, но, къ сожалѣнію, документовъ на нихъ никогда не находили, а добиться чего-либо допросомъ оказывалось невозможнымъ потому... что они умирали въ самый моментъ задержанія...—Медицинское вскрытіе неизмѣнно устанавливало фактъ отравленія ціанистымъ кали. Очевидно они принимали его изъ страха проговориться...

Нельзя не признать, что это былъ вѣрный способъ сохранить тайну.

Самымъ досаднымъ являлось для воздушнаго флота его безсиліе наблюдать за дѣятельностью Нибелунговъ внутри ихъ района въ темныя ночи, такъ какъ спустившись на дистанцію, съ которой ихъ прожекторы могли бы освѣщать мѣстность, они попадали подъ убійственный огонь подземныхъ батарей раньше, чѣмъ сами успѣвали оглядѣться и принять какія-либо мѣры.

Въ послѣднее время особенно часто приходилось обнаруживать въ ущельяхъ, то тутъ, то тамъ, гигантскіе отвалы грунта, очевидно вынесеннаго или вывезеннаго изъ-подъ земли въ теченіе ночи. Однако же,

самая ожесточенная бомбардировка окрестностей таких подозрительных пунктов не давала увѣренности, что врагу нанесенъ какой-либо уронъ. Днемъ ни единой живой души не появлялось на поверхности...

Молодежь острила, что, судя по размѣрамъ этихъ отваловъ, Нибелунги роютъ подъ землей такія пещеры, въ которыхъ могли бы свободно маневрировать ихъ воздушные корабли, но люди серьезные были не на шутку обезпокоены, предвидя приближеніе развязки...

Со всѣхъ концовъ свѣта, гдѣ только подозрѣвались подземныя верфи, приходили тревожныя извѣстія...

Была темная, безлунная ночь.

„Star and Stone“ тихо рѣялъ надъ вершинами горъ въ ожиданіи разсвѣта, когда можно будетъ возобновить наблюденія за поверхностью земли.

Джемми (начальникъ эскадры) сидѣлъ „подъ вѣтромъ“ на кормовой площадкѣ, лишь съ боковъ едва прикрытой неширокими щитами изъ зеркальных стеколъ, имѣвшихъ цѣлью предохранить сидящаго на ней отъ порывовъ вѣтра при крутыхъ поворотахъ.

Къ слову сказать, здѣсь, на воздушномъ кораблѣ, вѣтромъ называлось то сопротивление воздуха, которое испытывалъ корабль при своемъ поступательномъ движеніи, но по существу это не былъ вѣтеръ, т. е. воздушное теченіе. Борта парохода, идущаго по поверхности моря, испытываютъ огромное треніе, разсѣкая водную стихію, но вѣдь нельзя сказать, чтобы это было „теченіе“. Пароходъ, попавшій въ струю могу-

чаго потока, совершенно не въ состояніи замѣтить этого обстоятельства, если кругомъ его нѣтъ неподвижныхъ предметовъ, по которымъ онъ могъ бы ориентироваться. На воздушномъ шарѣ, уносимомъ ураганомъ, можно свободно зажечь спичку, и она будетъ горѣть ровнымъ пламенемъ, какъ въ мертвый штиль.—Почему?—Потому, что въ массѣ воздуха, движущейся со страшной скоростью, этотъ шаръ относительно неподвиженъ.—Развѣ мы замѣчаемъ, что земля вращается вокругъ своей оси и несется по своей орбитѣ кругомъ солнца?—Нѣтъ, потому что каждый атомъ предметовъ, окружающихъ насъ, участвуетъ въ этомъ движеніи. Такъ и на воздушномъ кораблѣ. Слабонервные лѣди часто высказывали свое восхищеніе передъ неустрасимостью аэронавтовъ, смѣло шедшихъ противъ жестокаго вѣтра, совершенно упуская изъ виду, что для этихъ послѣднихъ впечатлѣніе „вѣтра“ создается лишь скоростью ихъ движенія въ средѣ, а не скоростью движенія самой среды, съ которой они составляютъ одно цѣлое.

Вотъ почему на воздушныхъ корабляхъ кормовая площадка, слегка прикрытая съ боковъ стеклянными щитами, и являлась любимымъ мѣстомъ отдохновенія чиновъ личного состава.

Однако же въ этотъ предразсвѣтный часъ она пустовала.—Всѣ, незанятые службой, давно уже крѣпко спали.—Джемми былъ одинъ, одинъ со своими думами, со своими воспоминаніями...

Передъ его глазами, устремленными во мракъ, носились дорогіе образы безвременно погибшей маленькой Грѣсъ, старушки-матери и... „ея“... Тутъ сердце

его сжималось острой болью...—Отъ тѣхъ остались хоть могилы!.. Отъ „нея“—ни слѣда!..

И онъ гналъ отъ себя дразнящія картины мимо-летнаго, жгучаго счастья, выпавшаго ему на долю и такъ безошадно разбитаго... Онъ пробоваль отвлечься мыслями о задачѣ мірового значенія, возложенной на воздушный флотъ... но и здѣсь не находилъ утѣшенія... Великое торжество. Небывалый триумфъ побѣдителей. Хранители меча Царицы Міра, благословляемой народами. Сказочное развитіе промышленности и товаро-обмѣна. Золотой вѣкъ... Потомъ — взрывъ недовольства. Крутыя мѣры противъ этихъ недовольныхъ. Рѣки крови. Человѣческія гекатомбы, какихъ еще не видѣль міръ...

Джемми содрогнулся...—Слава Богу! Онъ въ это время лечился отъ своей тяжелой раны—онъ въ „этомъ“ не принималъ участія!.. Мимо! Мимо!..

— Нѣтъ!.. Видно насиліемъ нельзя утвердить на землѣ царства Божьяго, царства любви и мира!..

— Ну, а теперь?—Готовится что-то страшное, передъ чѣмъ поблѣднѣютъ всѣ, уже пережитые, ужасы...

Конечно, возможныя мѣры приняты...—Стерегутъ, ждуть, готовы къ бою...—Но вѣдь и тѣ не дураки же? Вѣдь не идутъ же они на вѣрную, а, главное, бесполезную гибель?..—Что-нибудь изобрѣли такое, чего Царица Міра, при всей своей мощи, узнать, разгадать не въ силахъ...

— Странно...—думалось ему.—Намъ не удалось уберечь тайны generator'a, и до сихъ поръ мы не можемъ добиться, кто предатель... Только нѣсколько сотъ человѣкъ были посвящены въ нее... Кого можно

бы заподозрить?.. Да и какая выгода въ такомъ предательствѣ?..—А вотъ они—хранять свою тайну, хотя не сотнямъ, не тысячамъ, а милліонамъ и десяткамъ милліоновъ людей разныхъ національностей она, несомнѣнно, извѣстна... А эти гонцы, которые, попавъ въ наши руки, отравляются, чтобы не проболтаться!.. Какое всепокоряющее чувство объединяетъ ихъ, даетъ имъ эту силу?—Неужели сознание мірового братства, братская любовь?—Какой вздоръ!—Японецъ, жертвующій жизнью за нѣмца, или французъ, проливающий свою кровь въ интересахъ араба!.. Никогда не повѣрю!..—Но если не любовь, то что-же?..

— Ненависть къ работодателямъ!

Эта мысль такъ ярко, такъ отчетливо мелькнула въ его мозгу, что въ первый моментъ ему даже почудилось, будто кто-то громко ее выговорилъ невдалекѣ отъ него.

Онъ оглянулся,—но кругомъ, конечно, никого не было.

— Да...—прошептала Джемми,—на этомъ чувствѣ они могли объединиться... и, пожалуй, по праву, по справедливости...

Внезапно его размышленія были прерваны...

Битва народовъ.

На востокѣ уже разгоралась заря; звѣзды меркли; здѣсь, наверху, было почти свѣтло, но внизу, на землѣ, только вершины горъ чуть заалѣлись, а до-

дины еще топули во мглѣ, одѣтыя предразсвѣтнымъ туманомъ.

Оттуда изъ этой мглы, доносились глухіе раскаты мощныхъ взрывовъ... Почти одновременно и съ разныхъ сторонъ... Казалось, рушатся самыя горы... Да и впрямь—перебивая тысячеголосое эхо, за каждымъ взрывомъ слѣдовалъ продолжительный грохотъ, какъ бы отъ низвергающейся лавины...

— Творится что-то особенное. Будьте на сторожѣ!—телеграфировалъ Джемми начальнику осаднаго корпуса.

— Адмиралъ,—отвѣчалъ тотъ,—у насъ еще хуже. Вотъ уже нѣсколько часовъ, какъ Лондонъ не отвѣчаетъ на шифрованные телеграммы, хотя мои принимаются, а на простыя даже получаютъ отвѣты. Опасаюсь, все ли благополучно.

Ни на воздушной эскадрѣ, ни въ осадномъ корпусѣ не знали еще, что въ эту ночь по всему свѣту весь персоналъ посольствъ, миссій, консульствъ и агентствъ Царицы Міра былъ арестованъ (а частью уничтоженъ, гдѣ пытались оказать сопротивленіе), и какъ телеграфъ, такъ и пути сообщенія перешли въ руки ихъ законныхъ владѣльцевъ.

Что касается взрывовъ и слѣдовавшихъ за ними обваловъ, грохотъ которыхъ встревожилъ дремлющее эхо вестфальскихъ горъ, — то это — подземныя верфи открывали ворота своихъ эллипсовъ...

Офиціозы ошиблись.

Нибелунги и не думали вытаскивать свои корабли по частямъ черезъ вентиляціонныя отдушины для

сборки ихъ подъ открытымъ небомъ, съ котораго на нихъ сыпались бы всеразрушающія бомбы.

Они, дѣйствительно, не были „дураками“.

Одновременно съ сооруженіемъ кораблей, десятки тысячъ рукъ, управлявшихъ могучими механизмами (и здѣсь не малую услугу оказало примѣненіе generator'a), расширяли подземное царство, прокладывая въ толщѣ горныхъ породъ гигантскія галлерей (вотъ откуда брались эти отвалы, заполнявшіе долины) для выхода на свѣтъ Божій воздушнаго флота, когда онъ будетъ вполне законченъ постройкой.

Уже задолго до великаго дня лишь ничтожная (по толщѣ) стѣнка отдѣляла ихъ отъ міра.

Подкрѣпленіе сводовъ, мѣры, принятыя противъ возможнаго осѣданія пластовъ въ моментъ внезапнаго уничтоженія естественной опоры,—были чудомъ техники.—Такія чудеса геній человѣка могъ создать только—или въ просвѣтленіи всеобъемлющей любви, или въ порывѣ неукротимой ненависти!..

Насталъ часъ, котораго такъ долго ждали!

Достигнута цѣль, къ которой стремились, не щадя никакихъ жертвъ!

Мощными взрывами разрушены послѣднія преграды, и корабли Нибелунговъ, никогда невидѣвшіе дневнаго свѣта, вылетѣли изъ подземныхъ норъ!

Но вѣдь по природѣ своей они и не были ночными птицами, дѣтьми мрака,—и солнце не ослѣпило ихъ!—они всегда мечтали о немъ, всегда рвались къ нему—къ Солнцу Свободы!..

Джемми подалъ сигналъ тревоги...

Въ дымкѣ тумана, въ сумракѣ, еще заполнявшемъ долины, ему видѣлись какія-то тѣни...

— Точно... воздушный флотъ... возможно-ли? откуда?..— Да, нѣтъ!— видно, какъ они собираются!..

Не онъ одинъ видѣлъ.

Это видѣли всѣ и только ждали сигнала.

Полетѣли бомбы...

Однако противникъ, искусно воспользовавшись туманомъ и облаками, окутавшими вершины горъ, успѣлъ безъ потерь взвиться къ небу и стать лицомъ къ лицу съ эскадрой Царицы Мира.

Закипѣлъ бой.

Бой на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ метровъ надъ поверхностью земли.

И тутъ Джемми сразу понялъ, что ихъ игра проиграна.— У нихъ были только бомбы, а у противника была... артиллерія.

Чтобы метнуть бомбу, необходимо было хоть на мгновеніе оказаться надъ врагомъ, тогда какъ онъ по всѣмъ направленіямъ могъ посылать свои снаряды. Правда, это были снаряды ничтожные по своей разрушительной силѣ, но... грозившіе взрывомъ собственныхъ бомбовыхъ погребовъ.

Всю надежду приходилось возложить на искусство въ маневрированіи, въ которомъ англійскіе капитаны, конечно, безмѣрно превосходили Нибэлунговъ, впервые поднявшихся на воздухъ.

Счастье благоприятствовало Германіи, или это ихъ наводчики были какими-то „волшебными стрѣлками“, но только въ первые же моменты боя изъ шести

кораблей англійской эскадры три были взорваны, четвертый, подбитый, медленно кружась, опускался на землю, гдѣ долженъ былъ попасть въ руки неприятеля.

— Спѣшите съ донесеніемъ!—приказалъ Джемми пятому. — Я постараюсь ихъ задержать, прикройте васъ!

Не было дисциплины болѣе суровой, чѣмъ въ воздушномъ флотѣ. Получивъ приказаніе, командиръ „Корнуэлльса“ немедленно взялъ курсъ NO и далъ полный ходъ въ то время, какъ Джемми, на своемъ „Star and Stone“, яростно атаковывалъ всякаго, кто только пытался преслѣдовать бѣглеца.

И ему удалось обезпечить отступление своего вѣстника.

Почему? Можетъ быть потому, что (такъ казалось) у него было нѣкоторое преимущество въ скорости?.. Хотя врядъ ли... Повидимому, главнѣйшую роль играло искусство маневрированія, а въ этомъ отношеніи единственнымъ достойнымъ соперникомъ ему являлся корабль, на бортахъ котораго въ лучахъ восходящаго солнца ярко горѣла золотая надпись „Фрейя“. Бывали моменты, когда Джемми готовъ былъ ему апплодировать.

„Корнуэлльсъ“ благополучно скрылся за горизонтомъ. Джемми могъ бы послѣдовать за нимъ, но какой-то безудержный задоръ увлекалъ его въ этотъ поединокъ съ „Фрейей“, къ которому собственно и свелся весь бой.

Послѣ того, какъ онъ парой удачно брошенныхъ бомбъ разнесъ вдребезги подвернувшуюся ему шкотовую „Баварію“, остальные нѣмцы держались на

благородной дистанціи, изрѣдка пострѣливая, да и то съ опаской, какъ бы не попасть въ своего.

Только они, двое, участвовали въ этой безумной игрѣ, то проносясь по долинамъ и, огибая вершины горъ, какъ подеодные камни, то взвиваясь на такую высоту, гдѣ грудь съ усиленіемъ вбирала въ себя морозный воздухъ.

Джемми начиналъ сердиться. Ему казалось, что смѣлый противникъ не то играетъ съ нимъ, какъ кошка съ мышью, не то... щадитъ его, всегда оставляя открытой дорогу на сѣверъ.

При одной этой мысли вся кровь бросалась ему въ голову.

Послѣдняя бомба изъ его запаса! И какой моментъ! Но опять эта „Фрейя“ выскользнула изъ-подъ него! Онъ промахнулся!

Они разошлись почти вплотную, бортъ о бортъ... Оттуда не стрѣляли... Можетъ быть тоже израсходовали боевые припасы?

Но онъ видѣлъ... — Или ему пригрезилось? — Да, нѣтъ! онъ видѣлъ! — Онъ ясно видѣлъ сквозь зеркальныя стекла, изъ которыхъ построена вся капитанская рубка... — тамъ! — на „Фрейѣ“! — склонившуюся надъ рулевымъ аппаратомъ стройную женщину, всю залитую лучами солнца, игравшими въ ея золотисто-рыжеватыхъ волосахъ; смотрѣвшую на него съ мольбой и страхомъ своими широко раскрытыми зелеными глазами...

Кто ласкалъ эти волосы, кто глядѣлся въ эти глаза — тотъ могъ ли не узнать ихъ, хотя бы въ минометномъ видѣніи!..

Хриплый крикъ вырвался изъ груди Джемми... Безумно смѣлымъ поворотомъ едва не опрокинувъ корабля, онъ направилъ его прямо на противника... „Фрейя“, не ожидавшая такого отчаяннаго маневра съ его стороны, не успѣла ускользнуть...

Звонъ разбиваемыхъ стеколъ, лязгъ рвущихся желѣзныхъ листовъ, крики ужаса — все покрылъ собою грохотъ взрыва запасовъ generator'a...

На поверхность земли упали только пылающіе обломки...

Едва закончился бой въ воздухѣ, какъ суда германской эскадры, не теряя драгоценныхъ мгновений, ринулись къ мѣсту расположенія войскъ осаднаго корпуса...

Осажденные, перешедшіе въ наступленіе, чтобы довершить побѣду, нашли на мѣстѣ вражескаго лагеря безобразныя груды развалинъ, цѣлыя пруды крови, стекавшей въ гигантскія воронки, выбитыя взрывами бомбъ, да немногихъ, чудомъ уцѣлѣвшихъ, обезумѣвшихъ отъ ужаса, людей...

Парижъ былъ отомщенъ!..

Выполнивъ свою первоначальную задачу, эскадра на нѣсколько минутъ спустилась къ землѣ.

Король Нибелунговъ (всегда немножко театраль-ный) въ каскѣ и бѣломъ кирасирскомъ мундирѣ, стоя на кормовой площадкѣ своего корабля, принималъ донесенія, приходившія со всѣхъ концовъ міра.

„Гайфонгская эскадра, потерявъ три корабля, уничтожила непріятеля. Идетъ на условное рандеву“.
(Телеграфировали изъ Тонкина.)

„Благополучно достроились, никѣмъ не обнаруженные. Въ назначенный часъ снялись, идемъ на соединеніе.—Бота“. (Это изъ Южной Африки).

„Побѣдили, хотя не безъ потерь. Японскій соколъ спѣшить навстрѣчу Германскому орлу“.

„Uncle Sam со всѣми племянниками уже въ пути. Было жарко!“

„Отдѣлались сравнительно дешево. Будемъ на мѣстѣ въ назначенный день и часъ“. (Хингань. Манчжурія).

И много другихъ...

Въ общемъ вѣсти были хорошія.

Только одна телеграмма прозвучала мрачной нотой въ ликующемъ хорѣ:—„Перуанцевъ не ждите. Истреблены“...

Король Нибелунговъ, душа мірового заговора, давню избранный главнокомандующимъ соединенными силами будущихъ (а нынѣ уже существовавшихъ) воздушныхъ флотовъ, долженъ былъ спѣшить, чтобы первымъ явиться къ сборному пункту и вступить въ исполненіе принятыхъ на себя обязанностей.

Но онъ не могъ безъ прощальнаго слова разстаться (можетъ быть навсегда) съ этой, восторженно его привѣтствовавшей толпой людей, которые, одушевленные его идеей, перенесли такіа неслыханныя лишенія. выполнили такой невѣроятный трудъ...

— Друзья мои!.. Я иду въ бой и, можетъ быть, не вернусь къ вамъ... Примите мою исповѣдь!..—Я говорю то, къ чему пришелъ за послѣдніе годы, и не удивляйтесь, если слова мои противорѣчатъ взглядамъ, которыхъ я держался когда-то...—Вотъ мой завѣтъ вамъ: — Если баварецъ не похожъ на пруссака, а пруссакъ отличается отъ баварца—пусть каждый, по праву, любитъ и даже гордится своими родовыми особенностями, но пусть и къ чужимъ относится съ уваженіемъ... сказалъ бы даже—съ благоговѣніемъ...— Я принялъ на себя высокую отвѣтственность начальствованія союзными силами...—Куда же я поведу ихъ?—На бой съ мировыми поработителями! Въ битву на жизнь и смерть за право каждого быть самимъ собою!..

Боже праведный!.. (красивымъ жестомъ онъ снялъ каску, и головы толпы благоговѣнно обнажились). Ты сказалъ — возлюби ближняго твоего, какъ самого себя...—Дай же намъ силы во всей полнотѣ, всѣмъ сердцемъ воспринять эту заповѣдь!..—Да будетъ мечъ, который я принимаю въ мои недостойныя руки, Твоимъ мечомъ, сокрушающимъ насиліе, и да поразитъ меня гнѣвъ Твой, если я не оправдаю довѣрія дѣтей Твоихъ, избравшихъ меня! Да прійдетъ Царствіе Твое! Да будетъ воли Твоя!..

Германская эскадра скрывалась по направленію на юго-востокъ, спѣша къ сборному пункту, когда съ сѣверо-запада показались первые развѣдчики мобилизованнаго воздушнаго флота Царицы Мира.

Толпы „Нибелунговъ“ поспѣшно разсѣивались, прятались по своимъ норамъ, страшась кровавой мести...

Но артиллеристы подземныхъ крѣпостей, заряжая орудія, радостно переговаривались между собою:

— Богъ дастъ,—это въ послѣдній разъ!—Близится Царство Божіе!—„На землѣ миръ, и въ человѣкахъ благоволеніе“...

— — —

А въ тиши своихъ кабинетовъ дипломаты уже дѣлили богатое наслѣдство, и подъ изысканно-учтивыми фразами различныхъ нотъ и меморандумовъ уже чувствовались назрѣвающіе конфликты, для разрѣшенія которыхъ,—конечно, лишь въ крайнемъ случаѣ и съ величайшимъ прискорбіемъ, исчерпавъ всѣ средства,—придется прибѣгнуть къ силѣ...

К О Н Е Ц Ъ .

О Г Л А В Л Е Н І Е

Ч А С Т Ь I.

Въ погонѣ за властью.

ГЛАВА	I.	— Упрямый джентльменъ.—Дургэмъ.— Въ кругу семьи.	1—13
ГЛАВА	II.	— Кузина Мэдждъ.—Любопытныя по- вности.	13—22
ГЛАВА	III.	— По вѣрному слѣду.—«Ich liebe dich».	22—31
ГЛАВА	IV.	— Весенній вечеръ.—Первая жертва.	31—44
ГЛАВА	V.	— «Coup de maître».—Всемирная ко- алиція.	44—55
ГЛАВА	VI.	— Катастрофа.—Опять въ Дургэмъ. .	55—66

Ч А С Т Ь II.

Борьба за власть.

ГЛАВА	I.	— Первая ласточка.	69—76
ГЛАВА	II.	— Игра въ открытую.—Золотой вѣкъ.— Побѣдители.	76—88
ГЛАВА	III.	— Бѣглянка.—Загадочное происше- ствие.	88—98
ГЛАВА	IV.	— Подъ сѣнью щита «Царицы Мира».— Юдифь XX вѣка.	98—106
ГЛАВА	V.	— «Deutschland über alles»...—Послѣд- ній шагъ.	106—116
ГЛАВА	VI.	— Великая революція.—«Mot de Sam- brone».	116—127
ГЛАВА	VII.	— Разгромъ Франціи.—Нибелунги. . .	127—139
ГЛАВА	VIII.	— На стражѣ.—Битва народовъ. . . .	139—153

МАГАЗИН
Г. А. ДАДЛИНА.
Кронштадтъ.
пр. д. Шолохова.

Того же автора:

Забутый путь изъ Европы въ Сибирь. — *Енисейская экспедиція* 1893 г.—СПБ. Типографія Т-ва „Общественная Польза“.— 1894 г.—Цѣна 75 коп.

На Дальнемъ Востокѣ.—(Очерки и Разказы).—СПБ. Типографія А. С. Суворина.—1901 г. Цѣна—1 рубль.

БОЙ ПРИ ЦУСИМЪ.—(*Памяти Суворова*).—Изданіе второе, исправленное и дополненное. — СПБ. Типографія Т-ва М. О. Вольфъ.—1907 г.—Цѣна 50 коп.

РАСПЛАТА.—Часть I—Портъ-Артуръ.—Часть II—Походъ второй эскадры.—Съ картами и планами.—СПБ. Типографія Т-ва М. О. Вольфъ.—1908 г.—Цѣна 3 рубля.

„**БОЙ ПРИ ЦУСИМЪ**“ переведенъ на англійскій, нѣмецкій и французскій языки отдѣльной книгой, на голландскій, итальянскій, норвежскій и шведскій—въ повременныхъ изданіяхъ.

„**РАСПЛАТА**“ вышла отдѣльной книгой на нѣмецкомъ языкѣ, заканчиваются переводы на англійскій, голландскій, французскій и шведскій языки.

Выписывать можно черезъ магазины Т-ва М. О. Вольфъ.

Цѣна 75 коп.

